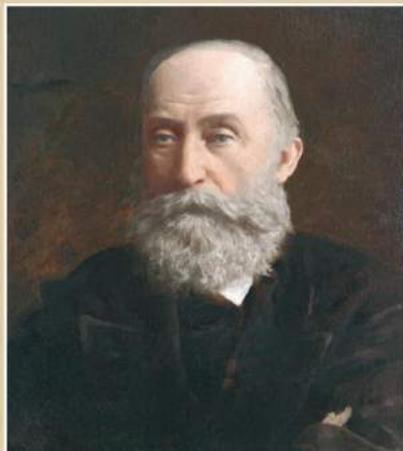

**«Я МАЮ НАМІР
З МОЇХ ЛИСТІВ ДО ТЕБЕ
ЗРОБИТИ СВІЙ ЖУРНАЛ...»:**

**ЛИСТИ
ГРИГОРІЯ ҐАЛАҐАНА
ДО ДРУЖИНИ**

Упорядники:
Марина Будзар, Євген Ковальов

2017

ІНСТИТУТ РУКОПISУ НАЦІОНАЛЬНОЇ БІБЛІОТЕКИ УКРАЇНИ
ІМ. В. І. ВЕРНАДСЬКОГО
КИЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ БОРИСА ГРИНЧЕНКА

**«Я МАЮ НАМІР З МОЇХ ЛИСТІВ ДО ТЕБЕ
ЗРОБИТИ СВІЙ ЖУРНАЛ...»:
ЛИСТИ ГРИГОРІЯ ҐАЛАҐАНА ДО ДРУЖИНИ**

Упорядники:
Марина Будзар, Євген Ковальов

УДК 82-6(477) «1858»
Л-63

«Я маю намір з моїх листів до тебе зробити свій журнал...»: листи Григорія Галагана до дружини / упорядники: Марина Будзар, Євген Ковальов; за редакцією д. і. н., професора Ірини Колесник. – К. : Вид-во ФОП Антоненко Л.І. «Streamline», 2017. – 136 с. (з «Галаганівського архіву»).

У публікації репрезентовано комплекс листів з багаторічного листування Григорія Галагана (1819–1888), одного з найпомітніших представників дворянства Лівобережної України ХІХ ст., великого землевласника, громадсько-політичного та культурно-освітнього діяча, з дружиною, Катериною Галаган, уродженою Кочубей (1826–1896). 32 листи, пронумеровані автором власноруч, охоплюють першу половину 1858 р., коли Г. Галаган долучився до розробки селянської реформи в Російській імперії. Листи утворюють епістолярний цикл значної змістовної ваги. Його провідна тема – участь автора у заходах із підготовки «емансипації селян» – доповнюється відомостями про функціонування кількох взаємопов'язаних соціально-комунікативних мереж, визначених громадсько-політичною діяльністю, соціокультурними пріоритетами, родинними та господарськими контактами автора.

Для фахівців у царині гуманітарних наук, а також для широкого кола поціновувачів вітчизняної історико-культурної спадщини.

Рецензенти: д. і. н., професор Лариса Буряк, д. і. н., професор Віталій Масненко

Затверджено до друку Вченою радою Київського університету імені Бориса Грінченка
(протокол №7 від 29 червня 2017 року).

ISBN 978-966-97457-4-3

© Будзар М.М., Ковальов Є., 2017
© Вид-во Stramline
(ФОП Антоненко Л.І.), 2017

Минеральный. 14
Минеральный. 23

и всего...
и всего...
и всего...

и всего...
и всего...
и всего...

и всего...
и всего...
и всего...

и всего...
и всего...
и всего...

*«Для меня одна цель, чтобы всем
было сколь возможно лучше и чтобы
один не жил на счет другого, а кто он?
дворянин или мужик, для меня в душе
совершенно все равно...»*

Григорій Галаган – Катерині Галаган,
лист від 7 квітня 1858 р.

ЗМІСТ

Будзар М. Постаті, події, судження у листах Г. Галагана до дружини	7
Листи Григорія Галагана до дружини	24
Будзар М., Ковальов Є. Григорій Галаган у мережі соціокультурних зв'язків (коментарі та довідковий апарат до листів)	99
Вибрана бібліографія	129
Іменний покажчик осіб, згаданих у листах	131

ПОСТАТІ, ПОДІЇ, СУДЖЕННЯ У ЛИСТАХ Г. ГАЛАГАНА ДО ДРУЖИНИ

«Разумеется, я делаю это по долгу честного человека, но этим не приобретается популярность в своей стране...»

Г. Галаган – К. Галаган,
18 березня 1858 р.

У сучасній історичній науці зростає зацікавленість джерелами, у створенні яких провідну роль відіграє особистісний фактор. Традиційно визначені як «джерела особового походження», зараз репрезентовані як «его-документи» («его-тексти», «автокомунікативні джерела» – дискусія щодо паралельного застосування чи то взаємозаміни дефініцій триває¹), вони актуалізують антропологічний вектор історичних досліджень. Змістове наповнення его-документів (щоденників, спогадів, автобіографій, листів) набуває виняткової значущості «при вивченні соціально-особистісного виміру історичного процесу, для якого такі пам'ятки несуть унікальну інформацію...».²

Осібне місце серед его-документів посіла епістолярна спадщина – джерело, яке, завдячуючи потужному інформаційному та емоційно-психологічному потенціалу, в останні десятиріччя з допоміжного інструментарію історичних розвідок перетворилося на самостійний предмет досліджень. Водночас це джерело дедалі більше застосовується у розвідках із соціальної історії, історії повсякденності, «сімейної історії», історичної біографістики тощо. Саме тому науковці пропонують вивчати епістолярій як самостійну концептуальну систему, що, зокрема, уможливіло дослідження ментальності репрезентантів окремих суспільних структур на історичному тлі³ та водночас дозволяє вивчення соціуму у поєднанні індивідуально-психологічних і громадських практик. Системність у підході до аналізу та використання епістолярної спадщини потрібна тому, що листи спроможні як окреслити взаємини автора та адресата, так і висвітлити чимало значних проблем суспільного життя певної доби, передусім за умов розгляду їхнього багаторівневого змісту та виокремлення «пря-

¹ Зокрема, під его-документом пропонується розуміти такий тип тексту, де домінує авторська (суб'єктна) лінія: Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. – Екатеринбург : «Ас-ПУр», 2014. – С. 14.

² Острянюк А. «Джерела особового походження»: семантика поняття // Ейдос; гол. ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. – Вип. 5. – К. : Інститут історії України, 2010/2011. – С. 231.

³ Болебрух А.Г. «Письмецо придет и вестей принесет» // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. – Дніпропетровськ, 2009. – Вип. 3. – С. 56.

мої»/«непрямої» та «навмисної»/«ненавмисної» інформації.¹ Найбільш виразно це поєднання «дрібною» і «великою», «інтимною» і «громадською» виявляється у приватному, передусім родинному, листуванні.

У дискурсі приватного епістолярію події «великої» та «малої» історій утворюють той синтез, що визначає ступінь усвідомлення авторами листів логіки «залучення» їхніх особистісних біографій до життєпису історичної доби. Родинне листування «дозволяє простежити долю декількох генерацій роду і зв'язки його представників із соціальним контекстом епохи й «побачити» усю «мозаїку» життя та діяльності людини в її малому контексті – у родині...».²

У листах, створених особами з одного родинного кола, віддзеркалюються прикмети історичної доби, що відповідає часові їх створення, але в окремі періоди вони набувають особливого сенсу. Це твердження є слухним для українського епістолярію ХІХ сторіччя, пори, коли, за правдивим висловом С.Абросимової, сімейне листування «стає своєрідною «віддушиною», самовизначенням особистості, формою наукових, культурних, літературних та суспільних бесід, обговорення актуальних проблем громадсько-політичного і культурного життя...».³

Досі залишається актуальною потреба оприлюднення значного корпусу епістолярних джерел, створеного окремими групами тогочасного соціуму, зокрема, представниками українського дворянства козацько-старшинського походження, як тими з них, хто виразно виокремився на суспільному чи то культурному поприщах, так і особами з більш широкого загалу. Такі публікації, безумовно, сприятимуть вирішенню проблеми, котра й зараз є значущою для вітчизняної історичної науки: вивчення української еліти, передусім у межах «імперського» ХІХ ст., не лише з позиції її політичної, інтелектуально-духовної, соціокультурної активності (хоча й в цих аспектах також), але у багатоманітних презентаціях світоглядних переконань, виявах внутрішнього світу, у життєвих практиках повсякденно-господарського, родинно-побутового буття окремої особи та її оточення. Досі не втратила слухність думка О.Журби, висловлена ще з десяток років тому:

перед дослідниками українського ХVІІ, ХVІІІ та ХІХ ст. відкривається безмежний простір екстенсивних пошуків, чреватих суттєвим прирощенням

---

¹ Зовнішня, пряма інформація – доступна для сприйняття, внутрішня, опосередкована інформація – така, що сповіщає про явища, які потребують пошуку інших джерел; навмисна інформація – це те, про що промовляє лист, ненавмисна інформація – чому і як він про це сповіщає: Дмитрієнко М. Епістолографія (епістологія) як наука історичного циклу: проблеми і шляхи їх вирішення / М. Дмитрієнко, І. Войцехівська // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – 1998. – № 2. – С. 42.

² Абросимова С. В. Епістолярні джерела в їх історичному побутуванні та дослідницькому ареалі // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. – Дніпропетровськ, 2009. – Вип. 3. – С. 78.

³ Абросимова С.В. Вказ. пр. – С. 73.

джерельного матеріалу, який все ще здатний нерідко докорінно змінити застигли на століття уявлення, в тому числі й на проблеми української еліти...¹

Отже, у цьому контексті чималу наукову вагу має опрацювання та публікація листування Григорія Павловича Галагана (1819–1888) з його дружиною Катериною Василівною, уродженою Кочубей (1826–1896). Воно загалом налічує 411 одиниць, охоплюючи період 1856–1887 рр., та є частиною значного «Галаганівського архіву»², зараз розпорошеного між трьома архівними установами – Інститутом рукопису НБУ імені В.І.Вернадського (фонди 119 (родовий фонд), I (Літературні матеріали), II (Історичні матеріали), III (Листи, де й зберігаються документи, про які йдеться), Центральним державним архівом України, м. Київ (фонд 1475 «Галагани – поміщики»), Державним архівом Полтавської області (фонд 181 «Галагани Петро і Павло Григоровичі – поміщики Прилуцького повіту Полтавської губернії).

Для публікації обрано лише незначну частку цього епістолярного масиву – 32 листа, адресованих Григорієм Галаганом з 11 січня (тут і далі усі дати подано за старим стилем – *М.Б.*) до 5 травня 1858 року дружині до Києва «у власний будинок»³ із поїздки до Москви і Петербургу для участі у підготовці межування земель в Полтавській та Чернігівській губерніях на початковому етапі селянської реформи. Ці документи в ІР НБУВ мають номери зберігання від 46096 – 46127, але вони власноруч пронумеровані автором від 1 до 32.

Кілька причин спонукали нас до цієї публікації.

Передусім, ці документи, як частина листування чоловіка з дружиною, є особливо значущими для ознайомлення із внутрішнім світом людей минулого, що було відзначено ще О.Лазаревським: «Переписка близких людей между собою наиболее должна представлять интерес, а переписка супругов и того больше...».⁴ Красномовним підтвердженням цього доказу є хоча б листи 1858–1859 років одного з чернігівських поміщиків, О.І.Покорського-Жоравки, до дружини, що за умовами створення та змістом співзвучні листам Г. Галагана, які публікуються (важливою темою їх є робота Чернігівського губернського комітету з покращення побуту поміщицьких селян)⁵.

¹ Журба О. І. Василь Якович Ломиковський: історик чи агроном? // Січеславський альманах. – Дніпропетровськ, 2006. – С. 153–154.

² Гісцова Л. З. Родовий фонд Галаганів ЦДІАК України // Архіви України. 2000. – № 4–6 (244). – С. 41–44.

³ На час написання листів Г. Галаган вже мав у Києві, на розі вулиць Прорізної та Хрещатику, будинок, придбаний 1856 р. у князя О. К. Любомирського та перебудований за проектом архітектора І. В. Штрёма (1823–1887): ЦДІАК, ф. 486, оп. 5, спр. 319, арк. 86–88.

⁴ А. Л.[азаревский]. Четыре письма жены полкового обозного Евдокии Сахновской к мужу. 1743 – 44 гг. // КС. – 1891. – № 1. – С. 177.

⁵ Письма Александра Ивановича Покорского-Жоравко к жене Серафиме Павловне // Труды Черниговской губернской архивной комиссии. – 1915. – № 11. – С. 52–93.

По-друге, епістолярна спадщина Г.Галагана, попри значущість того місця, яке ця особа посіла в історії України XIX ст., лише у незначній мірі була запроваджена до наукового обігу. На межі XIX–XX ст. на сторінках «Киевской старины» було надруковано окремі тексти із листування Г.Галагана з О. М. Марковичем, Ф. В. Чижовим, А. І. Лизогубом, М. Д. Білозерським, М. А. Маркевичем, П. О. Кулішем, О. М. Бодянським, але переважно це листи до нього.¹ Впродовж 1920-х рр. А. І. Степович готував до публікації деякі з листів Г.Галагана, зокрема, присвячені темі скасування кріпацтва, але з них було надруковано лише один.² Також вчений наголошував на інформативно-змістовній вагомості тієї частини епістолярію Г.Галагана, адресатом якої на межі 1840-х – 1850-х рр. був дядько його дружини О. В. Кочубей, тому що, на його погляд, тут містилися цікаві відомості щодо київського життя зазначеної доби (лише один лист цієї добірки побачив світ).³ Уривки з листів Г.Галагана, в яких йдеться про його спілкування з Т. Шевченком, були опубліковані у виданні 1966 р., присвяченому Шевченківській темі в епістолярії Інституту рукопису НБУВ.⁴ Останнім часом до публікацій листів, адресованих Г.Галагану, вдаються тоді, коли мова йде про значущі культурно-освітні ініціативи цього лівобережного дідача-мецената та участь у цих починах відомих науковців.⁵

Проте переважна більшість листів як самого Г.Галагана, так і його рідних та осіб з близького йому оточення досі не стала надбанням наукової спільноти та всіх, хто цікавиться вітчизняної історією у реаліях позаминулого сторіччя.

-
- ¹ А. Л. [Лазаревський О.] Два письма Г. П. Галагана 1859 г. (К истории освобождения крестьян) // КС. – 1895. – Т. 50. – № 9. – С. 68–70; А. Л. [Лазаревський О.] Два письма Ф. В. Чижова к Г. П. Галагану // КС. – 1900. – Т. 71. – № 12. – С. 137–143; [Лазаревський О.] Один из борзненских предводителей дворянства. Письмо М. А. Имшенецкого к Гр. П. Галагану 1864 г. – 1901. – Т. 75. – № 11. – С. 78–80; Письма А. И. Лизогуба к Г. П. Галагану 1853 г. // КС. – 1899. – Т. 64. – № 3. – С. 131–133; Письмо А. Ф. Воронина к Г. П. Галагану // КС. – 1904. – Т. 84. – № 3. – С. 108–109; Письмо Н. А. Маркевича к Г. П. Галагану 1857 г. // КС. – 1899. – Т. 64. – № 2. – С. 78–80; Степович А. Два письма О. Б. Бодянского и П. А. Кулиша к Г. П. Галагану // КС. – 1903. – Т. 80. – № 2. – С. 77–78; Степович А. Два письма П. А. Антоновича к Г. П. Галагану // КС. – 1904. – Т. 85. – № 6. – С. 109–114; Степович А. Письмо П. А. Кулиша к Г. П. Галагану // КС. – 1902. – Т. 76. – № 1. – С. 4–6; Частная переписка Г. П. Галагана [1. «Письма Н. А. Ригельмана (1846–1853 гг.)». – 1899. – Т. 65. – № 5. – С. 181–198; № 6. – С. 440–450; [2. «Два письма А. Л. Метлинского (1852–1853 гг.)». – С. 450–454; [3. «Письма О. М. Бодянского (1848–1856 гг.)». – 1899. – Т. 66. – № 7. – С. 24–32; [4. «Письма П. А. Кулиша (1856–1858 гг.)». – 1899. – Т. 66. – № 9. – С. 341–355.
- ² Степович А. И. Листи Григорія Павловича Галагана. Кінець 1920-х рр. Стаття. Чорновий автограф. – ІР НБУВ, ф. 179, оп. 1, спр. 131, 6 арк.; З подробиць реформи 1861 р. Лист Г. П. Галагана про його козелецький і прилуцький маєток [Подав А. Степович] // Україна. – 1927. – Кн. 4. – С. 111–112.
- ³ Про київське життя 1849 р. [Подав А. Степович] // Україна. – 1925. – № 6. – С. 109–110.
- ⁴ Т. Г. Шевченко в епістолярії відділу рукописів/ упоряд.: М. П. Візир (керівник) та ін. – К. : Наукова думка, 1966. – С. 25, 26.
- ⁵ Шемета Ю. Лист М. Володимирського-Буданова до Г. Галагана з приводу влаштування колеґії Павла Галагана // Часопис української історії. – 2005. – Вип. 3. – С. 20–27.

Зазначимо, що зацікавлення науковців листуванням Г. Галагана як цінним історичним джерелом не вщухає. Як-от, тексти, що публікуються нами у цій збірці, привернули увагу дослідниці Т. Ф. Литвинової.¹ Зазначивши, що «можливості епістолярних джерел у вивченні процесу підготовки Великих реформ на українських землях ще не вичерпані...»,² вона зосередилася на тій частині змістового наповнення послань Г. Галагана до дружини, де проаналізовано суспільні настрої часів підготовки та проведення селянської реформи.³

Багатшаровий інформаційний потенціал листів не обмежується лише проблематикою селянської реформи. Ці приватні листи – поліфункційне джерело, вони вміщують як соціально-важливу, так і інтимно-повсякденну інформацію про життя Григорія Галагана, його рідних і представників окремих суспільних груп (чернігівське і полтавське панство, владна еліта, зокрема, імперські урядовці, українські і російські інтелектуали) у значущій для українських земель у складі Російської імперії історичний момент.

Публікація цієї вибірки документів вмотивована ще й тим, що вони складають завершений цикл: написані на важливому етапі життя Г. Галагана та об'єднані єдиним задумом автора. У першому з листів автор висловлює бажання перетворити листування на особливий щоденник: «Я намерен из моих писем к тебе сделать мой журнал⁴. Все происшествия, впечатления и действия будут в нем переданы верно и подробно...».⁵ В останньому, 32-му, листі з вибірки, він плекає надію: «я бы желал одного: чтобы по совести я мог сказать, что выполнил долг мой честно...».⁶ Г. Галаган відчував історичну значущість подій, в яких йому довелося брати участь, і жадав ретельно занотувати їх перебіг, водночас йому було складно повністю усвідомити їхній епохальний сенс. Дескрипція в цих листах переважає над рефлексією, тому автор прагне ретельно відтворити увесь калейдоскоп подій, суджень, вчинків, але чесно зізнається у неспроможності збагнути їхній глибинний сенс: «С тех пор я стараюсь всмотреться, вникнуть, понять всех, и нахожу в этом большое затруднение».⁷

Листи містять також чимало особистісних розміркувань автора з різних приводів: щодо просування реформи, щодо господарчих справ, щодо його стосунків з тими людьми, з котрими він має спілкуватися та

¹ Литвинова Т.Ф. «Поміщицька правда»: дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – у першій половині XIX століття (ідеологічний аспект). – Д.: «Ліра», 2011. – 732 с.

² Литвинова Т.Ф. Вказ. пр. – С. 604.

³ Там само. – С. 624, 628, 636–640.

⁴ «Журналом» Г. Галаган називає тут щоденні записи, які, до речі, він вів у нотатниках впродовж усього життя.

⁵ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46096, арк. 1.

⁶ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46127, арк. 1.

⁷ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46100, арк. 1.

співпрацювати. Дружина виступає його конфідентом, зміст листів свідчить про безумовну довіру автора до свого адресата. Тому ця збірка з 32 листів набуває ознак й листування, й щоденникових нотаток, як тих еґо-документів, що пов'язані, передусім, з потребами самоусвідомлення та самоствердження індивідуума.

Вагомим приводом для публікації означеного епістолярного циклу є особистість автора листів – Григорія Павловича Галагана, одного з найзаможніших землевласників Лівобережної України, помітного громадсько-політичного діяча, просвітника, мецената. Відразу зазначимо, що зі сторінок листів постає жива людина, зі своїми переконаннями, побоюваннями та надіями, у чомусь непослідовна, у чомусь – безумовно непахитна.

Нащадок козацько-старшинського роду, чиє вивищення припало на добу «присмерку Гетьманщини», Григорій Галаган, усвідомлюючи місце своєї родини у колі старшинської еліти, в біографічному нарисі «Рід Галаганів» відзначив, що вона серед козацької старшини з'явилася на самому початку XVIII ст., тобто, «...как фамилия высшего местного сословия, есть сравнительно новая».¹ Насправді, швидка кар'єра засновника династії Гната Івановича Галагана (?–1748), вихідця із пересічного козацтва, котрий пройшов шлях від командування компанійським полком за І. Мазепи (до 1709 р.) до чигиринського (1709–1714), а потім прилуцького (1714–1739) полковництва, обумовлювалася, передусім, інтеграцією цього «чужинця», «homo novus», до того козацько-старшинського кола, яке переорієнтувалося від «мазепинства» до підтримки курсу на лояльність імперії. Галагани є прикладом успішного залучення української козацької старшини до імперського дворянсько-поміщицького стану.

Соціальна успішність Галаганів зміцнювалася завдяки їхнім шлюбним стратегіям. Григорій Галаган, син Гната, (1716–1777) одружився із Оленою Михайлівною Дунін-Борковською, чиїми дідами були генеральний обозний В. Дунін-Борковський (1640–1702) та миргородський полковник, потім гетьман Данило Апостол (1654–1734). Її мати, Параска Данилівна Апостол, у другому шлюбі була за Михайлом Васильовичем Скоропадським (1697–1758), небожем гетьмана Івана Скоропадського.² Цей шлюб увів Галаганів до складу двох найвпливовіших родинних кланів Гетьманщини – Апостолів і Скоропадських. Іван Галаган, син Григорія (1739?–1789), уклав шлюб із Катериною Юхимівною Дараган (1740–1823), за материнською лінією – небогою Олексія та Кирила

---

¹ [Галаган Г. П.] Род Галаганов // 25-летие Коллегии Павла Галагана в Киеве / под ред. А. И. Степовича. – К.: Тип. И. И. Чоколова, 1896. – С. 2

² Дружина Д. Апостола безпосередньо опікувалася долею Олени Василівни, котра залишилася сиротою після смерті матері 1731 р.: «... оставшуюся сироту Елену Михайловну взяла на воспитание бабка ее – гетьманша Ульяна Васильевна Апостолова и, уже из своего дому, выдала ее замуж за Григория Игнатьевича...» [Галаган Г. П.] Вказ. пр. – С. 8.

Розумовських, завдяки чому Галагани піднялися у вищі аристократичні кола¹. Водночас ці союзи кровно пов'язали Галаганів з найбільш помітними родинами Гетьманщини (з Маркевичами/Марковичами, Лизогубами та ще з низкою козацько-старшинських фамілій).

На початку XIX ст. подружній союз батьків автора листів – Павла Григоровича Галагана (1793–1834) та Катерини Василівни Гудович (1783–1868) – зміцнив становище сімейства на вищих щаблях в імперському соціумі. Гудовичі, маючи поважне козацько-старшинське коріння (дід Катерини Василівни, Василь Андрійович, був останнім генеральним підскарбієм, бабка, Марія Степанівна, походила з роду Миклашевських) до початку XIX ст. посіли помітне місце в імперських аристократичних колах (передусім завдяки військовій кар'єрі Івана Васильовича Гудовича (1741–1820)).² У 1809 р. усі Гудовичі отримали графський титул.

Врешті-решт, одруження 1847 р. самого Григорія Галагана з Катериною Кочубей, однією з нащадків Василя Леонтійовича Кочубея (бл. 1640–1708), зберегло високий статус роду в колі дворянства Лівобережної України і, водночас, посвідчило його гідне місце серед вищої імперської знаті. Сестра Катерини Галаган, Єлизавета Василівна, була дружиною князя Льва Вікторовича Кочубея (1810–1890), предводителя дворянства Полтавської губернії, сина одного з найпомітніших сановників Російської імперії кінця XVIII – початку XIX ст. Віктора Павловича Кочубея (1768–1834). Дядьки К. Галаган з боку батька, Василя Васильовича Кочубея (1784–1846), учасника наполеонівських воєн, таємного радника, на час написання листів перебували на вищих щаблях чиновницької ієрархії: Дем'ян Васильович (1786–1859) і Олександр Васильович (1788–1866) були членами Державної Ради, Аркадій Васильович (1790–1878) був сенатором³.

Наслідком послідовної реалізації таких шлюбних практик стало те, що Григорій Галаган, представник роду в шостому коліні, пишався тим, що його предки походять з українських козаків і рід зберіг «чистоту крові», але водночас був вхожим до кола вищих посадовців і можновладців імперії.⁴ Такий соціальний статус (у сукупності із особливостями характеру та світогляду) забезпечив комунікабельність і громадську активність автора листів у ситуації, що помітно змінила і його особисту долю⁵.

¹ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. – К. : Тип. товарищества Фронцевича Г. А. и К., 1908. – Т. 1 : А – Д. – Галаганы: указ: с. 221–225

² Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. – К. : Тип. товарищества Фронцевича Г. А. и К., 1908. – Т. 1 : А – Д. – Гудовичи: указ: с. 352–365.

³ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. – К. : Тип. товарищества Фронцевича Г. А. и К., 1910. – Т. 2 : Е – К. – Кочубеи: указ: с. 539–543.

⁴ [Галаган Г. П.] Вказ. пр. – С. 2.

⁵ Це, зокрема, нерідко відмічали сучасники Г. Галагана, як-то Ф. Міщенко у «Некролозі» з приводу його смерті писав: «Цветущая пора деятельности покойного начинается участием его в работах правительства и общества по освобождению и устройению крестьян» ([Міщенко Ф.] Г. П. Галаган. Некролог // КС. – 1888. – № 12. – С. 7).

Вихованець юридичного факультету Петербурзького університету, єдиний спадкоємець значних маєтностей, котрий вже у двадцятидворічному віці замислювався над тим, що означає для людини бути власником інших людей,¹ згодом причетний до справи «Кирило-Мефодіївського братства»², Г. Галаган ще задовго до початку селянської реформи був переконаний у необхідності докорінної зміни становища селян та ставлення поміщиків до селянства.

В особистих паперах Г. Галагана залишилося декілька чорнових текстів, датованих кінцем 40 х – другою половиною 50 х рр. XIX ст., присвячених «селянському питанню», які дають уявлення про розуміння Г. Галаганом своїх прав і обов'язків як крупного поміщика, у власності якого є не тільки земля, але й люди, котрі на ній працюють. Як-от, у «Замечаниях и записках о всем, относящимся до крестьян сокиренских и всех прочих экономий вообще, а также и о всем, что относится до простого класса народа», датованих 1846 – початком 1847 рр., Г. Галаган висловлював бажання, що могли б здатися лише прекраснодушними панськими мріями, якщо б до певної міри не підтверджувалися його подальшим життям:

...дай мне, Боже, силы, дай мне умение полюбить их [селян – М. Б.] еще сильнее, помоги мне быть им полезным, дай мне умереть с мыслию, что я оказал им какую-нибудь пользу, что я сколько-нибудь подвинул их к счастью...³

У невеличкому тексті 1852 р. «Об отношении помещика к крестьянам и крестьян к помещику», написаному у формі листа до друга, Г. Галаган виклав власне кредо землевласника, котрий поважно ставиться до своєї соціальної ролі:

Главное условие, начало всего – глубокое основательное изучение предмета твоей работы и неотступные личные занятия оным. Особенно в начале ее живи безвыездно в деревне, можно и в зиму, отдавайся всей душой своему делу...⁴

---

¹ Запис у «Щоденнику» Г. Галагана за 1841 р.: «Все мое желание, самое большое сейчас, заключается в том, чтобы сделать счастливыми, насколько это возможно, те 3 000 душ, которые доверила мне судьба. Я много об этом думал, более, чем о чем-либо другом» (IP, ф. I, оп. 1, спр. 83, арк. 12).

² Зі свідчень Ф. В. Чижова, вихователя та старшого друга Г. Галагана, на слідстві у справі кирило-мефодіївців: «Галаган (Григорий) малороссийский богатый помещик, в воспитании которого я очень много участвовал по дружбе к его семье и потому, что я был им очень обязан [...] он страстно, до безумия любит свою Малороссию, только ею и бредит, до того, что часто мы с ним бранивались или, точнее, я его бранивал.» (Кирило-Мефодіївське товариство: у 3 т. /АН УРСР, Археогр. Комісія та ін.: упоряд.: П. С. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко. – К.: Наук. думка, 1990. – Т. 3. – С. 244).

³ IP НБУВ, ф. I, оп. 1, спр. 6922, арк. 35–36 зв.

⁴ IP НБУВ, ф. I, оп. 1, спр. 6926, арк. 8.

Маючи можливість, спочатку на цивільній службі, потім у ролі громадського діяча, спостерігати за становищем селян не тільки у власних маєтках, він, врешті-решт, у записці «О крепостном состоянии на сегодняшний день и о возможности его уничтожения» дійшов невтішного висновку, що за 30–40 років селяни швидкими темпами наблизились до занепаду матеріального добробуту й моральності, ці явища неможливо приховати.¹

Красномовний штрих до біографії Г. Галагана до початку 1858 р. (моменту написання листів) додає й той факт, що після виходу з університету він перебував на державній службі лише три роки: 13 грудня 1843 р. його було призначено чиновником Гродненської палати державних маєтностей,² трохи згодом переведено на посаду помічника бухгалтера Київської палати державних маєтностей,³ а 30 квітня 1845 р. призначено чиновником з особливих доручень Чернігівської палати державних маєтностей. 1847 р. Г. Галаган вийшов у відставку та з цього моменту цілковито присвятив себе громадській діяльності, передусім на теренах Чернігівської губернії. З 1848 до 1851 рр. він був предводителем дворянства Борзнянського повіту,⁴ впродовж семи років був совісним суддею Чернігівської губернії,⁵ також виконував обов'язки почесного наглядача Борзнянського повітового училища та, з 1853 до 1859 рр., – почесного попечителя Чернігівської гімназії.⁶ Візьмемо на себе відповідальність стверджувати, що він прагнув незалежності у своїх вчинках господаря-землевласника і члена регіональної громади та вважав першочерговим завданням виконання обов'язків володаря власних маєтків. Ще зовсім юним у своєму щоденнику Г. Галаган залишив запис:

Я также не могу служить! К чему мне служба? Если не вовсе, то, по крайней мере, долгая? К чему, когда я довольно богат, чтобы жить спокойно даже и с самым ничтожным чином. Но нет, не богатство меня удерживает от службы, – меня удерживают Секиренцы... Для вас (sic!) хочу я посвятить всю жизнь мою; вы главный предмет моей жизни...⁷

Водночас таке прагнення свободи дій не оберталось для Г. Галагана байдужістю до вирішення проблем життєдіяльності того соціуму, членом якого він був, навпаки, на його думку, «люди практичні», тобто ті, хто має значний досвід керування великими земельними господарствами, зобов'язані допомогти чиновникам, котрі стосовно «знаного питання»

¹ ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 6949, арк. 1.

² ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 26787, арк. 4.

³ ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 26788, арк. 2.

⁴ [Мищенко Ф.] Вказ. пр. – С. 7.

⁵ ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 26790, арк. 1.

⁶ ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 26791, арк. 1.

⁷ Материалы для биографии Г.П.Галагана. [Отрывки из юношеского дневника Г. П. Галагана], 1836–1841 // КС. – 1898. – Т.62. – №7–9. – С. 207.

(звільнення селян) «блукують у темряві». Саме про це він писав О. В. Кочубею буквально за кілька тижнів до того, як був залучений до справи межування земель у Полтавський та Чернігівський губерніях у зв'язку із початком проведення селянської реформи:

Мы готовы бы были им [вищим посадовцам – М.Б.] служить для общей пользы и совершенно даже устрняя свою личность от всякой чести в этом деле. Стоит этим господам вызвать людей практических, и я Вас уверяю, да и Вы сами в этом убеждены, что дело пойдет лучше на лад...¹

Саме тому він прийняв запрошення взяти участь у діяльності комісії із розмежування земель, повідомивши дружині про те, що Олександра II умовили «в необходимости немедленно начать межевание в Малороссии независимо от освобождения крестьян...»,² попри неприємний особистий наслідок такого рішення – довгу розлуку із родиною.

Таким чином, центральною фігурою комплексу листів, що публікується, є сам автор-оповідач, світоглядна позиція котрого є підґрунтям наративної стратегії цього епістолярію, передусім, його основного дискурсу – перебігу подій «емансипації селян» (як вже зазначалося, саме таке визначення нерідко використовує Г. Галаган для позначення дій імперського уряду щодо підготовки селянської реформи).

Події, які стали темою листів, укладаються у точно визначені просторово-часові координати. Це період від кінця 1857 р., коли з оприлюдненням рескриптів Олександра II генерал-губернаторам В. І. Назімову та П. М. Ігнат'єву розпочалося створення дворянських губернських комітетів щодо обговорення та реалізації проектів реформи³, до травня 1858 р., коли завершився підготовчий етап діяльності комісії із підготовки розмежування земель у Малоросії.

Щодо географії подій, то тут можна виокремити щонайменше чотири мережеві групи спілкування, утворені: 1) родинними зв'язками (першочергово – з родиною Кочубеїв); 2) соціокультурними пріоритетами (гурток московських слов'янофілів, українська діаспора Петербургу); 3) завданнями громадської діяльності (чиновництво і державні діячі); 4) потребами господарсько-економічних справ (облаштування садиби в Києві, стан господарства у маєтках в Сокиринцях, Ічні, передусім – робота цукрового заводу у складі Ічнянської економії тощо).

Відповідно у листах окреслено три реальних ситуативно-дієвих простори, що в них перебував автор: 1) Лівобережна Україна, зокрема, власні володіння автора (Сокиринці, Покорщина, Мостище) та маєтки полтавських і чернігівських дідичів (Калюжинці – Милорадовичів, Качанівка – Тарновських, Седнів – Лизогубів, Листвин – Дунін-Борковських тощо),

---

¹ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 11941, арк. 1 зв.

² ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46101, арк. 2 зв.

³ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. – М. : Просвещение, 1968. – С. 84–86.

повітові та губернські центри – Ніжин, Прилуки, Чернігів, 2) Москва, 3) Петербург та один «удаваний» – 4) Київ, де мешкають адресат листів – Катерина Галаган – і ті особи з кола родинно-приятельського спілкування, котрим автор через дружину передає новини.

Листи демонструють широкий спектр соціальної комунікабельності їх автора: він контактує із представниками буквально всіх верств тогочасного суспільства – від старост-отаманів (очільників сільських громад в його маєтках) – до вищих посадових осіб чиновного Петербургу, об'єднує різні ситуативно-дієві простори життя суспільства Російської імперії на початку доби «великих реформ» та позиціонує місце українських регіонів у цьому контексті. Зміст епістолярного циклу, що публікується, засвідчує неабияку активність Г. Галагана у складній соціокультурній мережі.

Листи «густо заселені» людьми – тут і «прогресисти», і консерватори, і особи з кола вищої аристократії, і ті, хто розбагатів на відкупках, слов'янофіли, українофіли та ліберали західного толку, міністерські чиновники та службовці галаганівських економій – *et cetera...* Така соціальна «відкритість» Г. Галагана нерідко викликала нарікання, передусім з боку представників наступної генерації інтелігенції. Чого тільки вартує судження про нього О. Ф. Кістяківського, яке ми не можемо не навести тут майже повністю:

Галаган – складная душа. Какого влияния нельзя отыскать в его душе – складной магазин красных и москательных товаров. Тут и Михаил Никифорович Катков был поставщиком, оставили свой склад и славянофилы. Приобщил свою долю и покойный Чижов. Тут трудились что-нибудь положить в этот пакгауз и наши дельцы – трио: Бунге, Шульгин, Ренненкампф. Он и Юзефовичу делает визиты, хотя в доносах он никогда не упражнялся. С крестьянами он не был когда-то во всех отношениях добросовестным. Но это не помешало ему радикальничать в свое время на правом берегу [...] Он еще недавно был одним из главных деятелей в составлении адреса полтавским дворянам с некоторыми намеками на конституцию. Но сей же самый Галаган, тотчас после составления упомянутого адреса, поспешил в Петербург, где старался уверить, что он за самодержавие горой [...] Да, забыл: он числится в глазах панов с малороссийскою закваскою и когда-то водил своего покойного сына в свитке и шапке. Конечно, все это больше прекраснодушие. Он в душе значительно чиновнического пошиба, хотя по канцелярии и не служил. Хотя в нем есть добрые стороны. Все-таки он порядочный человек, а не подлец. Не он виноват, что природа не одарила его ни крепким умом, ни твёрдым характером. Не он виноват, что русское историческое раболепие и тряпичность сделались наследственной язвою...¹

Втім, на нашу думку, широкий спектр спілкування автора листів швидше вказує на його практичний хист. В епістолярії Г. Галаган постає пе-

¹ Кістяківський О. Щоденник: 1874–1885. Том 1: 1874–1879. / Упоряд.: В. С. Шандра та ін. – К., 1994. – С. 394.

редусім як особа активна, котра хоча й має схильність до рефлексії, але психологічно розкривається, лише перед найближчим співрозмовником – дружиною, тоді як повсякденність для цього чоловіка заповнена конкретними справами. Таке враження від змісту листів повністю співпадає із характеристиками, наданими Г. Галагану різними людьми: Ф. Міщенко: «...потребность живого дела, угасшую только с его смертью, он носил в самом себе»;¹ О. Кістяківський: «Надо отдать ему честь. Он не бездействует»;² А. Степович: «...він був саме “действенным”, а не тільки риторичним народолобцем».³

Перебування Г. Галагана у кожному з ситуативно-дієвих просторів та груп соціальної мережі обумовлювалося генеалогічними зв'язками. Власники майже всіх лівобережних українських панських маєтків, відвіданих чи згаданих ним на шляху до Чернігова, потім – до Москви, належали до споріднених із Галаганами родин: Тарновських (Качанівка), Лизогубів (Седнів), Милорадовичів (Калюжинці), Макарових/Забіл/Раковичів (Липів Ріг) тощо. У Москві на той час жила його мати з донькою Марією, її чоловіком графом Павлом Комаровським та двома дітьми. У Петербурзі автор листів опинився у колі рідних з жіночої сторони – це, у першу чергу, Кочубеї, також Гендрікови, Шипови тощо.

Усі життєві простори, в яких перебував Г. Галаган, – бібліотека чи вітальня панського маєтку, кабінет імперського посадовця, аристократичний салон, обідня зала приватного помешкання вельможі – постають в його листах як арена для обговорення центральної на той момент проблеми – «емансипації». Зі своїм адресатом – дружиною – він спілкується як з інтелектуально рівним собі співрозмовником, використовуючи поширену на той час політичну термінологію («емансипатори», «червоні», «опозиція», «велике питання» тощо) та прагнучі описати, як саме ставляться до окремих питань здійснення реформи і конкретні людей, і цілі спільноти.

Першочергову увагу в листах приділено настроям регіонального дворянства, тому що саме представників своєї соціальної верстви Г. Галаган визнавав відповідальними за перебіг реформи: «Помещикам, по моему мнению, даны огромные права, и, дай Бог, чтобы они не озлобили народа, надеющегося на гораздо большее. Все зависит от дворян...» (з листа до О. В. Кочубея від 14 грудня 1857 р.).⁴

Ставленню великоросійського дворянства до пропозицій уряду присвячено один, але досить красномовний опис у листі під № 4: петербурзьке дворянство заявило, що введено в оману, за них все вирішили предводителі, нижегородське дворянство просило государя розпоря-

---

¹ [Мищенко Ф.] Вказ. пр. – С. 21.

² Кістяківський О. Вказ. пр. – С. 388.

³ ІР НБУВ, ф. 179, оп. 1, спр. 131, арк. 1.

⁴ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 11094, арк. 2.

дитися самому, як забажає, московське звернулося до царя по дозвіл вільно розмірковувати про реформу, у чому їм було відмовлено, пензенське взагалі розбіглося зі зборів тощо.¹ Чернігівські та полтавські землевласники з близького оточення Г. Галагана постають прихильниками проведення реформи, хоча й прагнуть компромісного варіанту у вирішенні «земельного питання». Інші настрої, на думку автора, панують у середовищі чернігівського дворянства загалом, передусім серед дрібного панства, де «распустили мысль, что московское дворянство отвергло предложение и что поэтому государь убедился, что еще рано...».² Позицію полтавського дворянства на цьому початковому етапі реформи автор змальовує, піддаючи критиці «Записку» землевласників цього регіону до міністра внутрішніх справ С. С. Ланського, де, серед іншого, відкидалася думка навіть про продаж придатних для сільськогосподарських робіт ґрунтів селянам. Обравши критичну позицію щодо представників своєї соціальної групи, Г. Галаган опинився перед моральною дилемою, сутністю якої ділиться з дружиною: «Истину нельзя жертвовать ни в чью пользу, а между тем, как и высказывать вполне! Предавать перед правительством, так сказать, лицом к лицу с ним, свое сословие помещиков?..».³ У цій ситуації одним з опонентів Г. Галагана є його родич, полтавський губернський предводитель дворянства Л. В. Кочубей.

Ще одне коло взаємин, відтворене у цьому епістолярії, – стосунки Г. Галагана з представниками вищої імперської бюрократії, як-от членами Головного комітету з селянської справи М. М. Муравйовим, С. С. Ланським, Я. І. Ростовцевим, чиновниками Міністерства внутрішніх справ М. О. Мілютіним, О. І. Левшиним, Я. О. Соловйовим. З характеристик, наданих у листах цим та іншим особам тієї ж соціальної групи, бачимо, що симпатії автора на стороні «емансипаторів» у їхньому протистоянні з «опозицією». Змальовуючи кроки уряду, вчинені впродовж першої половини 1858 р. щодо просування реформи, Г. Галаган неодноразово зазначав, що питання про селян то хитається, то знов проходить кілька кроків твердо, проте це трапляється рідко.⁴ Красномовною деталлю у зображенні функціонування державної бюрократичної машини є той факт, що, прибувши до Петербургу 7 лютого 1858 р., Г. Галаган майже два місяця не міг почати ту справу, для якої його, власне, запрошували, – комітет із розмежування земель у Малоросії відкрився лише 1 квітня.

Не менш інформативною є ця збірка листів для реконструкції спектру соціокультурних зацікавлень Г. Галагана на межі 50-х 60-х років ХІХ ст. у контексті суспільних настроїв тієї доби. Йдеться передусім про його зу-

¹ ІР НБУВ, ф. ІІІ, оп. 1, спр. 46099, арк. 2.

² ІР НБУВ, ф. ІІІ, оп. 1, спр. 46098, арк. 2.

³ ІР НБУВ, ф. ІІІ, оп. 1, спр. 46112, арк. 2.

⁴ ІР НБУВ, ф. ІІІ, оп. 1, спр. 46108, арк. 2 зв.

стрічі із московськими слов'янофілами та особами з кола української спільноти, котрі на той час мешкали у Москві та Петербурзі.

У середовищі слов'янофілів¹ автор листів опинився в Москві, де перебував як наприкінці січня 1858 року, дорогою до Петербургу, так і під час великодніх свят, в останній декаді березня, а також зустрічався з декотрими з них у Петербурзі, нерідко згадуючи їх з приводу обговорення «проблеми емансипації». Як відомо, особи з кола слов'янофілів, передусім О. І. Кошельов, Ю. Ф. Самарін були послідовними прихильниками скасування кріпацтва,² неодноразово висловлюючись з цього приводу на сторінках своїх часописів «Русская беседа» та «Сельское благоустройство». Така позиція підживлювала симпатію автора листів до них: «Это люди чистые, трезвые сердцем, или я ошибаюсь, как еще никогда в жизни не ошибался...».³ Втім, для нього очевидно є відмінність власної позиції від переконань слов'янофілів у низці дискусійних питань. Як-от, Г. Галаган не підтримав О. І. Кошельова в обговоренні сутності сільської громади: «Я не мог идти к нему на помощь, потому как малороссиянин не могу разделять понятий об общине...».⁴

Проблема генези слов'янофільських ідей у середовищі українських інтелектуалів середини ХІХ ст. відповідно до їхнього прагнення узгодити ідею «імперського спільного існування» з концепцією «слов'янської самобутності» та виокремити «українське питання» залишається дискусійною,⁵ так само, як час і причини остаточного світоглядного розриву українських діячів із російським (водночас і з польським) варіантами слов'янофілства⁶. На нашу думку, листи, що публікуються, дають змістовний матеріал для подальшого дослідження цієї проблематики. Зараз же висловимо хоча б припущення, що саме у балансі між українською регіональною ідентичністю і переконаністю в єдності східного слов'янства, духовно протистав-

---

¹ Симпатії Г. Галагана до слов'янофілів, дружні взаємини з ними сформувалися ще на початку 1840-х років ХІХ ст., в атмосфері оформлення раннього українофілства. Як відомо, питання взаємин українофілів середини 1840-х рр. з носіями «ідей слов'янської спільності» було одним з головних на слідстві у справі «Кирило-Мефодіївського товариства». Згадаємо хоча б свідчення Ф. В. Чижова, старшого наставника Г. Галагана (звісно, з поправкою на умови, коли вони надавалися): «Знаю еще одно, что в Малороссии многие страстно любят свою родину. Я всегда говорил им, вот между нами разница, вы любите родину, а мы, русские, – отечество. Поэтому-то мы и незыблемо сильны, что мы можем на родине, в той [или] иной губернии, быть недовольны тем и другим, но это недовольство ничего не значит, потому что наша общая родина – Россия. Царь для нас не есть средством к личным выгодам, ни источник доходов, а часть нас самих...» (Кирило-Мефодіївське товариство... – Т. 3. – С. 247).

² Зайончковский П. А. Вказ. пр. – С. 89–91.

³ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46102, арк. 1 зв.

⁴ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46107, арк. 2 зв.

⁵ Куций І. Слов'янофілство як ідейно-світоглядне джерело слов'янської цивілізаційної ідентичності українських інтелектуалів ХІХ ст. // Проблеми слов'янознавства. – 2014. – Вип. 63. – С. 49.

⁶ Гирич І. Б. Українські інтелектуали і політична окремішність (середина ХІХ - початок ХХ ст.). – К. : Український письменник, 2014. – С. 115.

леного західноєвропейській цивілізації, в життєвих практиках Г. Галагана реалізовувалися феномен «подвійної лояльності».

Інформація, важлива для розуміння еволюції громадсько-політичної думки в Україні середини ХІХ ст., також міститься у листах від 26 січня, 1 березня та 1 квітня, де йдеться про спілкування Г. Галагана з представниками української спільноти. Найбільш відомий останній лист із розповіддю про обід у М. Максимовича на честь Т. Шевченка, але особливо цікавим є другий, від 1 березня, де вміщено різку негативну характеристику П. Куліша. Г. Галаган не може вибачити йому використання ідеї національного для вирішення питань соціальних:

...направление его сделалось просто возмутительно. Кто из нас будет защищать панов нехороших и вообще панство в помещичьем смысле. Но писать так, как они пишут, это значит работать не для национальности, а взяв национальность как орудие демократических, скажу более, революционных изменений.¹

Т. Литвинова тлумачить цей епізод та подальше непорозуміння між Г. Галаганом і П. Кулішем як «момент розриву між малоросійською та українською ідентичностями в середовищі українських інтелектуалів».² Але, на нашу думку, тут швидше зафіксовано утвердження ідей соціального егалітаризму в українському національному русі. Г. Галаган, представник еліти, котрий плекав надію на формування «нового вищого стану», де тон задаватимуть кращі люди (лист 26 лютого 1858 р.³), не в змозі порозумітися із П. Кулішем, виразником оформлення національної ідеї лише на селянському підґрунті. Тобто, ці листи надають цінний матеріал для розуміння, чому дворянський стан в українських землях залишився майже осторонь процесу формування модерної української нації у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.

Увагу читача має привернути й сама атмосфера цього листування, де дійсність постає в рухливому збудженні, згадки про конфіденційні зустрічі перемежуються з оповідями про багатолюдні обіди та світські раути. Автор майже повсякчасно перебуває «...среди разговоров, среди расспросов, рассуждений и даже среди слишком большой утомительной болтовни».⁴

Поляризацію думок у суспільстві на початку селянської реформи продемонстровано у листах ще й тим, що нерідко у колі рідних Г. Галаган не висловлювався відверто, тому що переконання навіть близьких людей – матері, дядьків Кочубеїв – не співпадали з його власними. Ще на початку подорожі, зупинившись у матері та Комаровських у Москві, він писав: «дома у меня часто холодели руки от желания удержать себя в границах.

¹ ІР НБУВ, ф. ІІІ, оп. 1, спр. 46109, арк. 2.

² Литвинова Т. Ф. Вказ. пр. – С. 640.

³ ІР НБУВ, ф. ІІІ, оп. 1, спр. 46108, арк. 2.

⁴ ІР НБУВ, ф. ІІІ, оп. 1, спр. 46105, арк. 1.

Решительно у нас в семействах виги и тори...».¹ Один з великих родинних обідів у двоюрідного брата дружини Г.Галагана П. Кочубея відбувся безтурботно лише за певної умови: «Условились не говорить ни об эмансипации, ни о межевании, и весь обед прошел во всеобщем веселии и шутках...».²

Вище вже зазначалося, наскільки інформативним є цей епістолярій для вивчення повсякденного життя середини XIX ст., передусім панівного прошарку.

Засоби дорожнього та поштово-телеграфного сполучення, коло читачьких інтересів, преса, облаштування приватних помешкань, родинно-свояцькі стосунки та застосування фактору фамільних зв'язків для розбудови соціальних комунікацій, спілкування між матір'ю та дорослим сином, між чоловіком та дружиною, питання виховання дитини (навчальні книги, іграшки тощо), навіть розповсюдження пліток у родинно-приятельському колі – усе це та багато іншого можна досліджувати за допомогою різноманітного матеріалу, наданого цими листами.

Самостійну тему листування склало обговорення господарських проблем, передусім роботи цукрового заводу в маєтку поблизу селища Ічня (завод функціонував окремо від самої економії). Інформація, що міститься у листах, – сподівання власника, проблеми організації виробництва, опис конфлікту між управляючим заводу та керівництвом економії – доповнює зміст інших джерел щодо функціонування цього підприємства, зокрема, звіти управляючого маєтком, допомагаючи зрозуміти, перед якими викликами опинявся лівобережний поміщик, котрий прагнув модернізувати виробництво за умов збереження віджилих кріпосницьких засад ведення господарства.

Особливого забарвлення листам додає інтимно-приватний складник. Вони сповнені тугою за дружиною, до котрої автор виявляє повну довіру, обговорює з нею різноманітні теми від найсвіжіших політичних новин до проблем господарювання у маєтках, не соромлячись, ділиться сумнівами і страхами та дякує їй за поміркованість і щирість,³ і чотирирічним сином Павлом, «Павлусем», «Павлусякою», якого майже не називає інакше, як «наш безцінний скарб», «наш незрівнянний Павлусяка».

Гідна уваги мова листів. Вони є тримовними, до основної – російської – додано французьку та українську. Це відкриває можливості для розвідок у галузі соціолінгвістики: як саме, чому, в якому соціальному контексті вживає автор ту чи іншу мову.

---

⁶⁴ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46099 арк. 2 зв.

⁶⁵ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46112, арк. 1.

⁶⁶ Аналіз групи документів, що залишилися після Катерини Галаган, уродженої Кочубей, передусім листів, спогадів, дає змогу схарактеризувати її як надзвичайно прямодушну та цільну натуру. Сімейне прізвисько – «Правда», що зустрічається у листуванні різних представників родини, тобто було загальноновживаним, – красномовно посвідчує її вдачу.

При публікації упорядниками узгоджено російську та українську мови листів із правилами сучасного правопису (вживання рядкових і прописних літер, граматичних форм слів тощо), фрази французькою мовою перекладено у посиланнях.

Відзначимо також особливості почерку автора листів. Складність у прочитанні, відсутність навичок каліграфії – ці нарікання до власного почерку не раз висловлював сам Г. Галаган. Як-от, в одному з листів до дядечка О. Кочубея запитував, чи не набридло тому розбирати його каракулі, а 15-річному сину в жовтні 1868 р. писав: «думаю, что ты едва ли прочтешь мое писание без чужой помощи, так как не привык еще к моему почерку...».¹ Тому при прочитанні листів було зроблено все, щоб відтворити їхній текст точно, без хиб.

Листи написані чорним чорнилом на аркушах розміром ін-фоліо та ін-кварто з обох сторін. Окремо зазначено примітки на берегах і в тексті самих листів, зроблені автором, та авторські підкреслювання. Позначки кольоровим та чорним олівцями, виконані невстановленими особами, в тексті не відтворено.

Цей епістолярій використовувався укладачами в їхній науково-викладацькій діяльності для формування у студентів навичок роботи з архівними джерелами, зокрема при вивченні курсу історії України XIX ст. Тому у прочитанні та коментуванні кількох документів збірки (№№ 1, 5, 7, 8) взяли участь студенти-історики Київського університету імені Бориса Грінченка.²

Епістолярій супроводжується коментарем, складеним у такий спосіб, щоб не тільки якомога повніше пояснити текст листів, але й репрезентувати складну соціокультурну мережу, в якій діяв їхній автор. Також до епістолярію додано бібліографічний перелік основних текстів, використаних під час підготовки його до друку, та іменний покажчик осіб, згаданих у листах.

У тексті передмови та коментарях використовуються наступні скорочення: КС – «Киевская старина», ЦДАК – Центральний державний історичний архів України, м. Київ; ІР НБУВ – Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського.

Публікація не може претендувати на повноту, бо поки не виявлено відповідей адресата – листів Катерини Галаган до чоловіка. Але плекаємо надію, що навіть у такому складі це листування не залишиться осторонь уваги читачів і стане у пригоді всім поціновувачам історії.

Наостанок зауважимо, що цим виданням упорядники відкривають серію публікацій історичних джерел з «Галаганівського архіву».

¹ ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 46522, арк. 1.

² В. Глушенко, Г. Семеха, Д. Ситник, С. Толочко, на момент підготовки збірника до друку – студенти III курсу історико-філософського факультету.

ЛИСТИ ГРИГОРІЯ ГАЛАГАНА ДО ДРУЖИНИ

Качановка, 11 января 1858 г.

№ 1 й.

Желание твое, милый друг мой Катенька, чтобы я писал тебе часто и подробно, легко исполнится. Я намерен из моих писем к тебе сделать мой журнал. Все происшествия, впечатления и действия будут в нем переданы верно и подробно.

Мы ехали из Киева до Ични медленнее, нежели я предполагал, и, право, не знаю, почему. То лошадей запрягали медленно, то мы договаривались на станции. Притом всю ночь шел препорядочный дождь, быстро сгонявший тонкий слой снега. Нечего говорить тебе о чувстве грусти, которая сопровождала меня долго, пока дорога не помогла со своим вечно целебным свойством. Меня так и дергало возвратиться тотчас же к тебе и к нашему милому сокровищу Павлусяке! Ну да уже нечего делать! С Богом в путь; может быть, он будет не бесполезен. Чтобы не пропустить никакого эпизода путешествия, скажу, что в Броварах мы поймали какого-то военнопленного англичанина (вероятно, дезертира) и повезли его с собою на перекладной до Нежина из жалости, что он шел пешком. В Козелец приехали в 3 часа ночи. Пили там чай в Покорщине, разговаривая с Любовцевым. В Мостище все, слава Богу, идет порядочно. Я взял оттуда 1000 руб. Далее поехали мы на рассвете, потерявши много времени в переговорах со станцией, которая все-таки отказалась везти зимнюю кибитку, и мы продолжали путь на коляске, распорядившись, // чтобы все-таки мою кибитку перетасили хоть на волах до Нежина. Авось на обратном пути будет снег. Провизия, которую ты нам дала, была прекрасна. Мы все славно завтракали и обедали. В Нежине к нам приезжал Александр Маркевич, приглашая нас от всей компании в Липов Рог на обед. Свадьба будет сегодня. Мы отказались и поехали дальше. От Монастырища мы ехали до Ични по превосходной зимней дороге (но на колесах!). На длинной Монастырищевой гребле должны были встать перед изломанным мостом и тащить экипаж назад; это по пословице «багато панів, а на греблю нікому...» Вчера утром рано я поехал на сахарный завод. Там застал все, слава Богу, в превосходном виде. Выходы хороши, рабочие веселы и довольны, дров идет мало. Притом мои опасения на счет тех 2000 руб. были напрасны. Они не только их не брали, но даже собираются на днях доставить в экономию столько же. Подручному очень хочется быть в Парафиевке. Желал бы я очень это устроить. Собоцкий, бедный, в горе: его вторая дочь последовала примеру старшей. Войцеховский нездоров, впрочем, ведет себя хорошо. Петр Алексеевич осматривал также завод. По экономии идет посредственно. Пивши чай, я разговаривал с обоими атаманами и толковал им настоящее положение

ние дел в отношении крестьянства. Как можно было предвидеть, они не совсем довольны и, поклонившись, говорили, что надеются только на продолжение моих к ним милостей. Петра Алекс[еевича] удивляла развязность иченцов. Я оставил им приказ // о том, чтобы были испрошены у крестьян все документы на земли, приобретенные у лиц свободного сословия или даже предками их. Эти земли я им подарю. Поручения твои и в Козельце, и в Ичне исполнены.

Утром подмерзло, и зимняя дорога от Ични до Качановки была очень дурна, так что мы, предоставивши экипаж людям, сами доехали до Качановки в мужичьих саночках, ими правивши и погонявши. В Качановке нас приняли сначала за каких-то сахароваров. Мы застали все семейство Тарновских и Федора Федоровича, только что оправившихся от страха по случаю болезни В[асилия] В[асильевича]-сына, который был очень болен, о чем передаст тебе Фед[ор] Фед[орович]. Теперь ему, слава Богу, легче. Весь день провели мы в разговорах, сначала общих, но вечером втроем, В[асилий] В[асильевич], Петр Алек[сеевич] и я, с циркуляром министра в руках мы разбирали подробно и по пунктам все, что в настоящее время можно сделать хорошего, чего избегать, чему придерживаться. Это все так многосложно, что передавать теперь в письме невозможно. Главное наше старание направлено на то, чтобы, если теперь нельзя всего сделать, что бы следовало, то, по крайней мере, так устроить, чтобы из настоящего положения вытекало само собою в будущем другое, лучшее. В[асилий] В[асильевич] много надеется, я же – гораздо меньше. Дай Бог, чтобы В[асилий] В[асильевич] остался прав.

Сердечные дела наших друзей идут неблестящим образом. Фед[ор] Фед[орович], хотя и доволен, но не может еще ничего знать даже приблизительно верно. Что касается // до Мих[аила] Вас[ильевича], то он продолжает, кажется, разыгрывать свою прежнюю роль. И ухаживает за Marie, и не ухаживает. Он сделался очень похож на идиота, и я начинаю думать, что все к лучшему.

Прилагаю новые стихи Аксакова. Перепиши их или дай переписать и покажи Мих[аилу] Влад[имировичу] и Мих[аилу] Андр[еевичу], и кому хочешь.

За тем крепко обнимаю тебя и сто раз целую. Милейшего бастистака целую без счету раз, и глазочки его, и рученьки, и все. Дай, Господи, чтобы вы оба были совершенно здоровы.

Здесь все, и Петр Алек[сеевич], тебе кланяются. Я намерен выехать в Сокиренцы во втором часу.

Кажется, что В[асилий] В[асильевич] поедет в Чернигов.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46096, 2 арк.

Друкується вперше.

Сокиренцы, 13 янв[аря] 1858 г.

№ 2^й.

Как ты видишь, милый друг, я еще здесь и только завтра утром надеюсь выехать в Чернигов. Хотя я, слава Богу, и здоров, но от дороги произошёл маленький недуг. Вчера меня обметало сыпью по верхней губе, а сегодня утром я проснулся с распухшею губою и glandoю. Шеф[ф]ер уговорил меня остаться на один день, и я, впрочем, с охотою, остался, потому что считал дорогу не совсем кстати при этом маленьком недуге. Вот уже вечер, glanda перестала болеть, и губа почти оттухла, и я собираюсь завтра утром в Чернигов, куда послал эстафету к Гудиме, чтобы он удержал у себя письмо твое на случай, [если] оно придет раньше меня.

Здесь, в Сокиренцах, все, слава Богу, благополучно, и, как всегда, среди полуобнаженных полей, сад наш полон снегом как корзина. Третьего дня я приехал позже, чем думал, потому что отправил экипаж вперед (по колеях здесь очень худо ехать), а сам поехал с Мерингом до Иваньцы, откуда он дал мне свою кибитку и Егора; сей последний был мне очень полезен, ибо кучер загрузил кибитку в глубокой дороге и надобно было отпрягать лошадей; далее на открытом льду попадали лошади. Нечего сказать, // хороши зимние пути! Экономию я застал довольно в хорошем порядке, и редкое писание управляющего скорее происходило от неумения, чем от небрежности. Он обещал исправиться. Все люди здоровы, исключая бедного Осипа Петровича, который на праздниках умер очень тихою смертию, почти без страдания, а, можно сказать, погас. Дети Максима-кучера теперь здоровы. На селе хлопчут и толкуют о свободе. Все очень недовольны за безземельность и говорят, что не хотят этому верить: «В Гнилице и Лебединце земля панская, а тут земля наша». С ними будет не без хлопот. Атаман говорит, что он очень хорошо понимает, как все будет, и думает, что много прибавится работы становому около мужиков, пока они направятся на новую жизнь. Ко мне съехались Томсон, Кузьменко, Фишер, Коленко, Филенко и Кононов, сошлось много людей, и хлопот весь вчерашний день и сегодня до обеда было очень много.

14 янв[аря]. Свадеб в Сокиренцах будет 5 или 6 всего, но зато одна есть для тебя очень интересная: сирота столяр Илько пристаёт в приимы к Пабату! Третьего дня я обедал у Григ[ория] Ив[ановича] Мил[орадови-ча], а вчера вечером был у меня Петр Иванович. Много рассказывают о собрании дворянства в Прилуке. Некоторые рассказы были преувеличены. Оппозиция не так обща, как нам говорили, но все-таки сильна. В Лохвицком // и Пирятинском уездах, говорят, сильнее. Досадно очень, что я так опоздаю в Чернигов, да что делать, здоровье прежде всего.

Хотелось мне очень выслать тебе денег, моя душечка, но, к сожалению, никак не могу. Здесь я принужден был даже дать 100 руб. в экономию, чтобы спасти ее от слишком дешевой продажи водки. Эти маленькие деньги будут возвращены на днях тебе. Кроме того, из 610 руб.,

присланных Львом Викт[оровичем], 100 принадлежит мне, а остальными располагай по своему усмотрению, потому что печи еще не скоро будут готовы, и до тех пор тебе денег пришлют, хоть из Мостища, хоть из Ични.

Тебе очень кланяются калужинские, и я думаю, что Marie будет в Киеве с Софию Ивановною.

Снег пошел довольно порядочный, и я опять в затруднении, как мне ехать на колесах.

Я до сих пор не благодарю тебя за твое бесценное письмо, мой милый друг. Оно доставило мне много наслаждения.

Хотел еще писать, да помешали, и надобно собираться в путь. Хочу ночевать в Нежине у М.А. Раковича. Посылаю при сем «Худ[ожественный] листок», а «Молвы» нет вовсе. Посылаю также купчую на дом для передачи Фед[осию] Ив[ановичу]. Обнимаю тебя, бесценный друг мой, крепко-крепко. Павлусяку целую с головки до ног всего решительно. Скажи ему, что Арапчик кланяется и игрушки // его все в исправности и соскучились за ним. Тачка его в моем кабинете.

Кланяйся Софии Алек[сандровне], Алек[сандре] Григ[орьевне] и всем, кому сама заблагорассудишь.

Еще раз вас обоих обнимаю. Дай, Господи милосердный, и Царица Небесная, чтобы вы оба были совершенно здоровы.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46097, 2 арк.

Друкується вперше.

№ 3^й.

Чернигов. 16-е янв[аря]. 1858 г.

Утром.

Пока еще не получил обещанного письма от тебя, бесценный друг мой, буду продолжать мой рассказ по порядку. Третьего дня утром, видя, что снег пошел порядочный, я велел из шарабана переложить вещи в маленькую кибитку и сани и так выехал из Сокиринец в 12-м часу. Я ехал прекрасно до Нежина и, боясь ехать ночью, чтобы опять не воротилась опухоль железы, велел себя везти на ночь к М.А. Раковичу. Там застал я за чаем Н.А. Макарову и молодую чету, да еще старика Величку. Разговоры сейчас начали об известном предмете. Ракович имеет довольно основательные мысли об эмансипации, хотя и трудно применимые: он предлагает отдать тотчас по 1½ дес[ятины] земли крестьянам без всякого выкупа, и таким образом *trancher la question*¹. Оно бы хорошо было для нас, но половина имений при этом лопнули бы. Забела эмансипатор до красноты, но с точки зрения западного, Бастиа его пророк, а дамы ему вторят, да невпопад. В Нежине я забрал свою большую кибитку, которую только что привезли с большим трудом мостицкие люди, двумя парами волов (крестьянских), и, вообрази себе, что, пока один из мужиков приходил ко мне, оставив волов и товарища где-то на квартире, этот товарищ заснул, и пару волов украли. Это очень неприятное происшествие; я поручил Стефаничеву подать объявление и дал людям денег.

Сейчас принесли мне твое дорогое письмо, моя милая душечка. Великое тебе спасибо за него. Я прочел его с наслаждением; рассказ о Павлусе и твои жалобы на скуку // глубоко меня трогают. Что ты за чудесная жена! И зачем ты так грустишь по мне; не желая говорить фразы, скажу, что я, право, не стою такой скуки по мне. Что касается до того, что Фед[ор] Фед[орович] заметил, будто я грущу, то это не вполне справедливо. Мне решительно некогда грустить, и, когда мы с ним расставались, я чувствовал себя нездоровым. Теперь же, слава Богу, совершенно здоров, и если не вполне весел, то, по крайней мере, вполне счастлив твоим письмом. Какая ты, право, хорошая, и сколько счастья ты мне приносишь в моей жизни! Когда бы хоть когда-нибудь² сделаться достойным всего этого!

Прочел я с истинным удовольствием статью в «*le Nord*». К сожалению, до сих пор гораздо больше истины в слове «*Times*», нежели «*Nord*», которого надежды как-то туго осуществляются. А вот прочти-ка и всем советуй прочитать в последнем «*Р[усском] вестнике*» тосты и речи 28 дек[абря] в Москве. Я не мог их читать без сердечного волнения, особенно речи Павлова и Кавелина. Сколько подобные речи и собрания придают

---

¹ Розв'язати питання (фр.).

² На полях проти цього речення помітка автора – (X).

енергии, не дают угаснуть *au feu sacré*¹, как ты говоришь. Молодцы! Исполать им. А между тем, как, возбужденный подобными благородными выходками, горишь нетерпением видеть осуществление всего прекрасного, как тяжело оглядываться кругом себя! Кстати, к делу. Как тебе уже известно, собрание в Чернигове отложил Бороздна до 10-го февраля, под предлогом своей болезни. В сущности, он не болен, но, кажется, не может до сих пор составить плана действия, и, при // том, получил от Шабельского через Халанского совет не торопиться. Предводители не приехали, получив уведомление от Бороздны, но в Чернигове, однако, есть теперь несколько дворян из разных мест, не знаю, с какою целью приехавших. Вообще, сколько заметно, в дворянах оппозиция сильна и доходит до взрывов негодования. В политике и вообще между мелким дворянством распустили мысль, что московское дворянство отвергло предложение и что поэтому государь убедился, что еще рано. Это я слышал от нескольких и, между прочим, от борзенского судьи Петрункевича (*il est de la coterie d'O'Konnor, Свирский etc.*²). Подольский такого мнения, что правительство должно у нас купить людей и тогда дать им свободу (!) П.А. Васильчиков и Николай Гудович, которые стоят вместе в «Цареградской гостинице», слышали за дверью громкие речи против реформы и ругательства против Бороздны за то только, что он сразу не отверг предложения и думает еще рассуждать (!) Мне удалось, наконец, вооружиться таким терпением, что я совершенно хладнокровно выслушиваю подобные речи, нисколько не возражая. Это крайне необходимо. П.А. Васильчиков не выходит из дому по причине флюса, а Вас[илий] Вас[ильевич] не приехал, потому что сыну опять сделалось немного хуже. Он мне пишет и присылает множество адресов разных петербургских эмансипаторов (от (X) можешь читать кому угодно). //

17-го янв[аря]. Ты еще спрашиваешь в своем письме о Marie Милор[адович]. Я ее не отговаривал от М.В. Т[арновского] нисколько, но она мне рассказывала, что он вдруг сделался с нею холоден, когда Горленкова приехала, с которою он начал любезничать. Он сумасшедший человек, вот и все.

Деньги тебе пришлются из Ични, надеюсь, в скором времени.

Николаю Романовичу не пишу, потому что пока нечего. Скажи ему, что все его поручения будут по мере сил моих исполняться, не из обыкновенного чувства внимания и вежливости, а из глубокого убеждения в величайшей пользе всех его мудрых и благородных намерений. Помогать ему сколько-нибудь в исполнении этих намерений – есть уже верная работа для истины и добра.

¹ Священный вогонь (фр.)

² Це компанія О'Коннора, Свирського тощо (фр.).

Итак, сегодня в 12 час[ов] я намерен с Богом пуститься в длинную и скучную дорогу; скучную, потому что все время буду без известий о вас, мои милые, и только приехавши в Москву, могу узнать по телеграфу о вас, да и то так вкратце! Что делать? Молю Бога и Царицу Небесную, да сохранят они вас в здоровье и благополучии. Душечку моего Павлусяку целую тысячу раз и всем кланяюсь, тебя же обнимаю от всей души и сто раз прижимаю к сердцу. Будьте здоровы.

Весь твой,
Г. Галаган

Мишеля и Ольгу целую. Я о его деле не забыл.

Приписано на берегах: В Чернигове и до Стародуба снег выпал только три дня, и дорог почти нет. Ехать буду очень тихо.¹

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46098, 2 арк.

Друкується вперше.

---

¹ Написано на лівому березі аркуша впоперек основного тексту

Москва, 23 янв[аря] 1858 г.

№ 4^й.

Обнимаю тебя от всей души и всего крепко любящего тебя сердца, бесценный друг мой, и поздравляю с днем твоего рождения. Дай, Господи, нам с тобою и с Павлусякой еще многие лета праздновать этот день как можно дольше вместе. Верь мне, друг мой, что я чувствую разлуку с тобою точно так же, как ты. Разумеется, оставаться на месте всегда скучнее, но и мне, при виде новых предметов; я чувствую непрерывно твое отсутствие, потому что слишком велика во мне потребность делиться с тобою всеми впечатлениями. Вставши сегодня утром, я послал к тебе депешу и скоро поеду с маменькой к Иверской иконе отслужить за тебя и Павлуся молебен.

Но начну рассказ с начала. Ехал я долго и довольно затруднительно, и только вчера, в 10-м часу вечера, приехал сюда, по странному стечению обстоятельств, через 5 минут после получения твоей депешки. Эта депешка потревожила меня в том отношении, что я представил себе, до какой степени ты, беденькая, беспокоилась за меня, и не мудрено, потому что я долго ехал. Я послал в ответ депешу (ночную), которая, вероятно, разбудила тебя ночью и успокоила. Маменька не знала, что и как тебе отвечать, как вдруг я тут!

Но к рассказу, который прервался в Чернигове, 6 дней тому назад. Рассказывать очень много, а потому буду краток. В Седневе все по-прежнему, но Андр[ей] Ив[анович] вышел из прежней апатии. Его уезд (Соницкий) давал какой-то // бал, на который пригласили и Анд[рея] Ив[ановича]. Он застал там всех дворян страшно вооруженными против эмансипации и, между тем, успел так их убедить, что они согласились даже на одну записку в пользу этого дела и которую они подадут Бороздне. Разумеется, что в этой бумаге есть разные оговорки в пользу дворянства, которые дельны и не портят дела. На дворе было очень холодно, а у меня еще оставались маленькие следы простуды, и потому Лизогубы без труда уговорили меня ночевать у них. На другой день утром (18 числа) я поехал с Анд[реем] Ив[ановичем] в Листвен к Василию Дмитриевичу, которого я застал за весьма дельными и основательными занятиями по великому делу. Он собрал по своему уезду дворян, убедил их в необходимости просить комитетов, но, вместе с тем, и собрал много сведений, и составил по ним записку весьма дельную. Скажу тебе главную черту: большинство мелкопоместных находятся в таком положении, что при преобразовании останутся даже без хлеба, потому необходимо им денежное вознаграждение посредством устройства дворянского банка (если правит[ельство] само не хочет), в который выпущены были бы из казны серии под залог наших земель. Сумма вышла бы небольшая, а, между тем, этим финансовым оборотом придем мы на помощь большинству, которое в отношении количества крестьян составляет

меньшинство. Следов[ательно], такой оборот облегчит дело, дав возможность большим // владельцам больше жертвовать, а, между тем, не обременяя казну, даст возможность испытать финансовый оборот, без которого, как я давно говорил, не может дело совершиться благополучно (об этом одному Ник[олаю] Роман[овичу] (pour qu'on ne vole pas l'idée a Borkovski¹). Мне поручено в Петерб[урге] узнать, до какой степени возможно надеяться на успех этого предложения.

Я обедал с Ан[дреєм] Ив[ановичем] и Вас[илием] Дм[итриевичем] у Катерины Яков[левны] и после обеда пустился уже в настоящую дорогу. Ехал я худо, без снегу и с изломом кибитки, которая долго задержала меня в Стародубе. Потом, проехав Мглин, я въехал в такую дичь, что на душе стало тяжело, и так ехал долго. Шоссе от Рославля с превосходными станциями, это правда, но без снегу, так что все возят в объезды по кочкам et cela revient au même². Едва 22-го на ночь добрался до Москвы довольно усталый. Состоянием здоровья маменьки я остался, слава Богу, совершенно доволен, и она мне обрадовалась невыразимо. Сестра все та же. Дети выросли, а Пав[ел] Евгр[афович] целый день в хлопотах (о чем?) и, след[овательно], все по-прежнему.

24 янв[аря]. Скажу тебе вкратце, что я за вчерашний день узнал интересного. Скажу, что дома у меня часто холодели руки от желания удержаться в границах. Решительно у нас в семействах виги и тори. Из славянофилов я видел только еще Кон[стантина] Аксакова у его отца, почтенного старца, к которому поспешил поехать³./

Итак, вот что (это и для Мих[аила] Андр[еевича], и для Судиен[ко], и Юзеф[овича])⁴. Оппозиция видна сильно: петерб[ургское] дворянство, собравшись, объявило, что оно введено в обман, что оно никогда не выражало своих мыслей, а за них сделали предводители. После многих криков и споров решили, что гр. Шувалов поедет к государю просить, чтобы, по крайней мере, изменили пункт об оседлостях, так и было сделано, на что государь повернулся к нему спиной и ушел. Дворянство отказывается рассуждать, и ералаш силен. Нижегородское дворянство на своих выборах решило и просило государя распорядиться самому, как он хочет, без их участия, а по своей воле. На это получен рескрипт. Московское дворянство, собравшись позже, чем ожидали от него, написало мин[истру] вн[утренних] дел бумагу, в которой, излагая красноречиво свое сочувствие к вопросу и благодаря царя за доверие, просит у государя позволения совершенно свободно рассуждать об этом предмете, не стесняя себя никакими предложенными им пунктами. При этом условия,

---

¹ Щоб не крали ідею Борковського (фр.).

² І це те саме (фр.).

³ Приписано на берегах: Клянйся всем и тетушке особенно. Ольгу целую.

Старик Аксаков в высшей степени почтенная личность.

⁴ Поруч з цим місцем стоїть позначка – Х.

говорят они, может только выйти что-нибудь дельное. На это им велено отвечать, что о Высоч[айшей] воле рассуждать нельзя. Дворянство осталось в затруднении. Пензенское дворянство разбежалось из собрания. Калужское дворян[ство] собралось, и еще нет результатов.

Аристократия сильно возбуждена и хватается за случаи, которые уже повторяются довольно часто: это что крестьяне, недовольные безземельным освобождением, обманутые в надеждах и утраченные будущими сношениями с зем[ской] полицией, просят лучше оставить их в прежнем положении. Это довольно вероятно. Следов[ательно], недовольство со всех сторон, // и одно только могло бы нас спасти, это финансовый оборот, но увы! Куда идем мы? Говорят, что государь очень печалится теперешним положением дел, и это весьма естественно. Дай нам, Господи, финансовую голову, но не допусти до того, чтобы государь принужден был сделать дело указом. Тогда всей России будет хуже. В Петербурге, как видно, очень затрудняются.

Сегодня я надеюсь видеть многих разного цвета людей и приготовлю подробный bulletin к следующей почте¹.

«Молву» запретили!

Вчера я имел счастье, друг мой бесценный, получить твою ответную депешу только вечером. Я был вечером у тет[ушки] Алекс[андры] Григ[орьевны]. С Алиной и ее мужем я разминулся по дороге. Дом, занимаемый нашими, вполне великолепен: богатые лепные потолки, великолепные вазы, мрамор, штофы толще кожи, мебели en bois de rose avec incrustation de Sèvre et ornements en bronze². Прислуга соответственная и швейцар, все это прекрасно, и я чувствую себя ежечасно sur le sol du faubourg S. Germain³. Впрочем, я пришел вчера, внутри себя, к тому заключению, что еще больший аристократ, а именно: я вижу везде гербы кн. Трубецкой, и это женирвало⁴ бы меня так при этом великолепии, что я готов бы был бежать в хату, да свою. А то что ж с того, что все так богато, да ведь это призрак!

Более не успею писать. На сей раз довольствуйся этим. Обнимаю тебя горячо-горячо, бесценная моя Катенька, а Бастистка целую с ног до головы и с головы до ног. Дай вам Господи быть здоровыми, сохрани вас Царица Небесная под своим св[ятым] Покровом.

Весь твой, Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46099, 3 арк.

Друкується вперше.

¹ Поруч з цим місцем стоїть позначка – Х.

² Палісандрового дерева з севрською інкрустацією і бронзовими орнаментами (фр.).

³ На землі передмістя Сен-Жермен (фр.).

⁴ Женирвать – завдавати клопотів (від фр. – gêner).

Москва. 26 янв[аря] 1858 г.

№ 5^й.

Думал я, мой бесценный друг, взятыся сегодня за перо уже с большим запасом интересных новостей, нежели прошедший раз. Однако не так выходит на деле. Все, что резко явилось моим взорам и слуху, т. е. все, что резко обозначилось на картине, открывшейся нашему наблюдению, все то я передал тебе в последнем письме. С тех пор я стараюсь всмотреться, вникнуть, понять всех, и нахожу в этом большое затруднение. Все до такой степени перемешалось, что надобно более времени, чтобы разобрать что-либо. Грустно одно: что до сих пор я встретил очень мало вполне довольных людей, даже, можно сказать, совсем не встретил. Одни красные люди «Рус[ского] вестника», желающие перемены как бы то ни было и без всякого собственного участия, довольны, но это их чувство проникнуто чем-то чужим, не русским. Из славянофилов Кошелев бодрствует более всех и работает примерно. Он затевает особое периодическое издание в виде прибавления к «Р[усской] беседе», но только ежемесячное и заключающее в себе разного рода практические статьи относительно эмансипации и вообще всего, касающегося помещиков и крестьян. Он ожидает на днях позволения. А между тем это будет в высшей степени полезное издание в настоящее время. // Я надеюсь непременно участвовать в этих трудах. У меня многое для сего в голове приготовлено.

Эти три дня посвящены были мною на посещение знакомых. Сегодня мы обедали у Шиповых, а вечер кончил я в опере, куда поехал посмотреть театр. Он действительно удивительного великолепия и огромен. Но давали преглупую оперу «Громобой», на которой я сильно проскучал. Завтра обедаю у Кошелева, где будут Хомяков, Аксаков Ив[ан] и Максимович. Со всеми ими я уже виделся и имел с ними весьма интересные разговоры. С Алекс[андром] Мих[айловичем] Марковичем я также много говорил о настоящих делах и спрашивал его мнения о том, считает ли он предосудительным для нашего брата быть избранным в комитет со стороны губернатора, как это находят иные из здешних аристократов. Он находит, что, напротив, это прекрасно, хотя, без сомнения, можно потерять популярность со стороны дворян. Был я вчера также на годичном заседании Общества сельского хозяйства, где довольно много видел и слышал любопытного. Был также сегодня на освящении новой церкви. Православие в своих внешних проявлениях сильно шагнуло здесь к своим древним формам, и это очень любопытно. Храмы украшаются, вновь строятся, и видна в них потребность.

27 янв[аря]. Я забыл тебя поблагодарить за твое письмо и за пересылку письма маменьки и Левуся. Все это я получил третьего дня утром. Жду скоро опять письма. // Не беспокойся за меня, мой бесценный друг, я совершенно здоров и весел, а, главное, так занят разнообразными

предметами с утра до ночи, что о себе некогда думать. О вас, мои милые, дело другое. Мысль моя всегда с Вами. Иногда найдет облачко заботы, боюсь, что-то с вами делается, здоровы ли вы оба? И, разумеется, сгрустнется. Но не перестаю надеяться на милость Божию, которая меня до сих пор не оставляла. Целую моего Павлушечку сто тысяч раз. Какая милая бастистака!

Что сказать тебе о Москве вообще? Надобно сознаться, что город этот до того оригинален и разнообразен, что на него не насмотришься. На всяком шагу что-нибудь новое; церкви всех возможных форм и, кроме того, много к ним новых и весьма оригинальных пристроек. Домов новых почти не строится, но множество старых переделаны на новый лад, и много прекрасной архитектуры. Если бы мы вместе были с тобою, то выбирали бы для своего дома любой фасад. Большие дворянские дворцы перешли в руки купцов, а дворяне отделяют для себя дома средней величины и, надобно признаться, что с большим вкусом.

Итак, великий вопрос этими днями не подвинулся ни на шаг, и я совсем ничего замечательного не узнал. С.П. Шипов уже попотчевал меня проектом в этом отношении. Мы с ним идем в разные стороны, потому что он проповедует вольные переходы. Я дал ему прочесть свое. Теперь я дал свое // Кошелеву и, между тем, вчера увидел его на столе у Хомякова, который отзывался с большою похвалою о моем проекте. Сегодня узнаю и мнение Кошелева. На них всех сильно здесь нападают и косятся на мое с ними сближение. Максимович и Бодянский сильно нападают на Кулиша, и в нашем маленьком малороссийском мире уже царствует разъединение! Это судьба неумолимо нас преследует. Кажется, что здешние правы, а Кулиш виноват. Я еще в Киеве начинал предчувствовать, что Кулиш увлечется и пойдет далеко, ослепляясь неизмеримым самолюбием.

Я писал к дяд[е] Ал[ександру] Вас[ильевичу] и просил его известить меня, когда Шабельский выедет, и вчера получил от него депешу, что он выехал. Сегодня он сюда приехал, и я сейчас еду к нему. Результат нашего разговора будет в следующем письме. Спешу. Обнимаю тебя и Павлушечку крепко-крепко, дай, Господи, и Матерь Божия, чтобы вы были оба совершенно здоровы. Кланяйся, кому заблагорассудишь.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46100, 2 арк.

Друкується вперше.

Москва. 30 янв[аря] 1858 г.

№ 6^й.

Что скажу тебе, милый, бесценный друг мой Катенька? С чего начну это мое письмо? Прежде всего, разумеется, с того, что я, слава Богу, совершенно здоров, и все мои и твои в Питере здоровы. Но, при всем этом, скрепи несколько свое сердце и призови на помощь все свое благоразумие, которым Бог тебя наделил более, чем многих других женщин. Дело в том, что, к большому моему сожалению, обстоятельства мои устраиваются так, что мне необходимо будет не менее как на месяц поехать в Петербург.

В тот день, как я писал к тебе последнее письмо, я видел Шабельского на его возвратном пути из Петербурга. Он передал мне, что он успел убедить государя в необходимости немедленно начать размежевание в Малороссии независимо от освобождения крестьян. Государь велел составить временный комитет для обсуждения, какие меры и план действий для этого лучше принять. Комитет будет в Петербурге и будет состоять из Муравьева, Ланского, Чевкина и по три благонадежных в этом деле дворян из наших двух губерний. По Черниговской губ[ернии] Шабельский назвал В.Д. Борковского, А.И. Покорского (Мглинского) и меня. Мы должны в феврале месяце съехаться в Петербург и начать наши работы. Скажи сама, мог ли я от этого отказаться? Первое дело, которое мне поручают, я не мог не принять на себя, тем более, что надеюсь в этом случае // быть небесполезным. Но когда начнется и когда кончится этот комитет, и когда поэтому я увижу тебя и наше милое сокровище Павлусяку, теперь определить невозможно. Нужно ли тебе говорить о том, как это мне тяжело! Как часто сжимается сердце при мысли о вас, и как еще больше после явившегося препятствия хочется вас обоих видеть. Но скажи сама, как бы ты поступила на моем месте? Приняла бы, верно, предложенное назначение. Комитет об определении размежевания должен окончить работы до открытия Черниговского комитета, который, в свою очередь, должен, по словам Шабельского, быть открыт в апреле или мае. Ну как тут быть, что тут делать? Будь это не зима, то я бы выписал теперь же тебя с Павлусем в Петербург. Но зимой ужасно страшно! Дорогой можно закутать Павлуся, на станции также, но по нашим проклятым дорогам ни за что нельзя отвечать. Иногда лошади станут на бесснежном месте или завезут в сугроб, и можно иногда простоять в поле среди холода по несколько часов. Это редко с кем не случится, и одна эта мысль, при всем счастье, какое доставил бы мне ваш приезд, ужасает меня до того, что я мог бы, кажется, заболеть. Нет, благодаря неустройству нашего отечества нельзя себе и позволять такие, в сущности, простые желания. Прежде всего благоразумие и осторожность. Если бы был у тебя настояще надежный экипаж и при том, // что еще нужнее, настояще надежный человек, который мог бы распорядиться дорогою, как

я сам, то можно бы, помолившись, да и в путь, а то нет ни того, ни другого, особенно последнего. Что делать, мой бесценный друг! Потерпим в разлуке и будем надеяться на милость Господа милосердного, что все обойдется благополучно. Я буду искать утешение в возможно полезном труде, а ты – в нашем милом Павлусяке, с которым нельзя соскучиться.

Шабельский, кроме этой новости, сообщил мне другую, весьма важную, будто, отчасти по его настоянию, государь решился открыть особый комитет из Брока, Ланского и Муравьева для выкупа крестьян от мелкопоместных владельцев до 21 души. Сначала хотели с землею, но потом решились без земли с переселением на казенные земли. Это важно также в том отношении, что будет служить первым шагом для финансового оборота. После всего этого Шабельский спросил меня, может ли он рассчитывать на меня, чтобы меня назначить от него в Черниговский комитет, если не буду избран дворянством. Я отвечал утвердительно, но, вместе с тем, должен был хранить осторожное молчание, когда он излагал свои мысли на счет эмансипации, потому что (между нами будь сказано), мы с ним в этом деле не сходимся. У него // стремления слишком помещичьи. Но что же делать, рад, что я буду членом комитета, я буду смотреть на Шабельского как на случайность и буду считать себя не его представителем, а нашего государя, с которым я разделяю стремления.

Я получил вчера твое милое письмо с рассказом о том, как наш Павлусь внимательно слушал репетицию. Вижу его отсюда, моего душечку, как он сидит и, может быть, и ушко мнет и слушает со вниманием, все уже понимая. Письмо, однако, уже очень старо, до депеши писанное, а потому я завтра спрошу у тебя свежих известий по телеграфу.

Здесь все благополучно. Я занят целый день и бываю вечером в театре. Во вторник провел вечер в «Русской беседе» весьма приятно и в многочисленном обществе. Аристократии почти не вижу, потому что некогда и почти незачем. К тому лицу, о котором говорил Ник[олай] Роман[ович], я и сам думал представиться. Здесь о нем в дворянском кругу ужас что говорят и, надобно признаться, что он на одном заседании сказал в горячности несколько лишних слов, обидевших целое сословие. Этого делать не следовало.

Я еще, кажется, не говорил тебе, что для нас делают уже четырехместную дорожную карету со всеми удобствами. Она будет готова к маю месяцу. //

31-е янв[аря]. Припишу тебе еще сегодня несколько слов, мой бесценный друг. И о чем писать? О чем бы ни вздумалось, мои мысли свертывает на вас, мои милые, и я должен себя удерживать, потому что, вместо того, чтобы придать бодрости духа, я еще могу больше поколебать. Даже и без того боюсь, чтобы ты не решилась ехать. Если бы решилась, то одно непременно условие, чтобы не в возке Авдотьи Андр[еевны], по одному моему предрассудку. Но ты не решишься, благоразумно сде-

лаешь, и, скрепя сердце, мы будем с тобою еще скучать в разлуке, надеясь на милость Божию, что он ни вас обоих, ни меня не оставит. В будущем письме напишу тебе, как распорядиться без меня насчет работ при доме и насчет денег, которые, я надеюсь, ты получишь.

Скажи, пожалуйста, нашему другу Федору Федоровичу, что я его обнимаю и передай ему о всем, что я пишу.

Маменька тебя целует, а также Павлуся.

Обнимаю тебя и Павлуся крепко-крепко и сто раз целую; дай, Господи, и Матерь Божия, чтобы вы оба были совершенно здоровы.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46101, 5 арк.

Друкується вперше.

Москва. 2-е февраля 1858 г.№ 7^й.

Вчера вечером я имел счастье получить твое письмо от 24 январ[а] и сегодня утром твой ответ по телеграфу. Не думай, бесценный друг мой, чтобы я не получил твоих писем. Они, слава Богу, доходят; но разве это достаточно, когда есть под боком другое средство. Дешеша твоя говорит о том, о чем вообще и не следовало, т.е. что ты не понимаешь, отчего нет от тебя писем, а о себе и Павлусе только три слова: «Мы совершенно здоровы». Прошу тебя, друг мой, сочиняй в другие разы дешешу как-нибудь попространнее о вас двух и не удивляйся, что я тебя об этом прошу; я это делаю потому, что скучаю без вас сильно, и мысль моя постоянно с вами. К большому моему сожалению, еще несколько раз придется тебе отвечать мне на мои нетерпеливые вопросы. Так как на сей раз новостей особенных нет, и все важные вопросы находятся в прежнем положении, то мы поговорим с тобою о Москве, о моем препровождении времени и пр. Во-первых, я ем много блинов, и красных, и белых, и всегда с превосходною икрою. Бываю иногда в театре и видел наконец «Аскольдову могилу», которая действительно должна увлекать в[елико]русского человека. В ней взято все, что есть милого, грациозного, изящного в великорусской жизни, и взято ловко, без преувеличений. После того я был на маскараде, весьма жалком, но в котором пели цыгане. Общественные удовольствия все еще не ладят с московскою жизнью, и для // такого огромного города их сравнительно очень мало. Под Новинским народа много и много щегольства, в экипажах и лошадях в особенности. Вчера я был на утреннем балу в Собрании. Хороши туалеты, но как мало хороших лиц! Удивительно. Я всматривался в разные кружки, которые в собрании выделяются один от другого. Вкус оканчивается с высшим аристократическим кругом; ниже его уже вкуса не ищи, и в этом отношении московки похожи на полек. Из мужчин есть молодцы, но зато есть много таких фигур, от которых так и несет псовою охотою и разными чертами великорусской помещичьей жизни. Танцевали много le lancier¹, который, я думаю, недолго будет продолжаться. После бала я обедал у Кошелева вместе с Максимовичем и его женою, старушкою Елагиною, матерью Киреевских, весьма почтенною дамою, Хомяковым, И. Аксаковым, Елагиным, Бартеневым и возвратившимся из Петербурга Самариним. Я провел время среди их с наслаждением, как и всегда в их обществе. Разговор был этот раз веселый, оживленный; мысль бегло обходила стол, принимая самые живые формы, наполняя собою каждое сказанное слово. Говорили этот раз много о поэзии. Да, в этом кружку «Рус[ской] беседы» отрадно мне быть; среди их можно понять, почему их мир возненавидел. Это люди чистые, трезвые сердцем, или я ошибаюсь, как еще никогда в жизни не ошибался. Они вообще очень нелюбимы, и нет таких гадостей, которых бы о них не говорили. Маменька, между прочим, не скрывает своего неудовольствия и страха // за

---

¹ Лансье (фр.) – танок, різновид кадрилі.

то, что я у них бываю, как у людей опасных, либеральных и, что называется, себе на уме. К несчастью, успевают уверить в этом самое правительство. Какие же они либералы? Стоит только узнать их, чтобы понять, что их не любят за то, что они с убеждениями и дельны. Правда, что они крайне неосмотрительны, и это часто служит им во вред. Среди их царствует какой-то странный врожденный беспорядок, который им так вредит.

Кстати сказать, что в отношении литературном и вообще мысленном опять проявилась сильная реакция со стороны правительства. Во-первых, Кокорев собирал подписку на огромный обед на 1000 особ к 19 февраля, и теперь с него и со всех подписавшихся берет обер-полицмейстер подписку не давать обедов с речами. Во-вторых, вышло новое правило цензуры, убийственное для журналов: цензор, просмотревши статью, должен ее еще передавать в совет, который будет состоять из чиновников, по одному из каждого министерства. Будем надеяться, что опять добро проберется на свет Божий сквозь преграды, которые ему ставят.

3-е февраля. Вчера провел я день, как и следует на Маслянице, но при всем этом чрезвычайно солидно. Ел блины у одного из братьев Шиповых, которые очень разбогатели, понанимали себе великолепные дома и купили на днях огромное Баташевское имение с известными заводами. Источник богатства – все-таки откупа!

Вечером был я в театре и видел премиленькую // оперу «Марту». Настал и великий пост, и пора приниматься за дело. Этот раз пост не успокоит людей, а, напротив, все люди, успокоенные блинами и веселием, возьмутся опять за думы. Я хотел выехать в Петербург завтра, но отложил на послезавтра, отчасти потому, что еще мало сделал по поручениям тет[ушки] Софии Александровны по причине Масляницы. Не мне, разумеется, она мешала, а тем, с которыми имел дела. Александр Васильевич пишет мне, что министр государ[ственных] имущ[еств] ожидает меня с нетерпением. Начинает уже и страх пробирать, чтобы эти паны не разочаровались во мне, и только одно в этом случае успокаивает – это что эти паны очень мало знают сами, и нетрудно знать больше их. Алек[сандр] Вас[ильевич] также пишет, что у Петра Арк[адьевича] дом не готов, и что мне надобно нанять себе квартиру. Я об этом спрашивал его из-под руки и, признаюсь, рад за независимость своей особы, а то ты знаешь, что Петр Арк[адьевич] любит, как выражается Чижов, посягать на независимость ближнего. Очень рад, что увижу всех добрых твоих родных, к которым я еду с истинным сердечным чувством любви и привязанности. Пора кончать, потому что мешают писать и пора на почту. Обнимаю тебя и Павлуса от всей души. Будьте здоровы, мои дорогие, бесценные. Как скучно без вас! Одно только занятие может развеять эту скуку. Еще раз целую вас обоих и поручаю покровительству Царицы Небесной. Маменька целует тебя и манюньку. Всем кланяйся.

Весь твой, Г. Г.

Москва. 5 февр[аля] 1858 г.№ 8^й.

Не думал я, бесценный мой друг, писать тебе еще раз из Москвы, но, вместо того, чтобы выехать сегодня, я выезжаю завтра. Вчера у меня заболело горло, и, как на дворе – 19°, то я решился день отложить. Сегодня боль совершенно прошла, и я завтра надеюсь выехать. Пишу, потому что послезавтра отходит в Киев почта, а из Петербурга не знаю, когда идет, а потому может пройти довольно времени без письма, и ты, моя милая, соскучишься. Еду я в Петербург с совершенною неизвестностью того, что меня там ожидает. Будет ли настоящий комитет или спросят только нашего мнения и отпустят с Богом. Дело в том, что Муравьев – человек недобросовестный, и с ним // надобно быть чрезвычайно осторожным. Между тем я уже вижу, что наши помещики ожидают от межевания гораздо больше выгод, чем, по моему мнению, они могут получить, потому что, по странному стечению обстоятельств, в этом случае выгоды крупных помещиков не могут быть достигнуты без великого стеснения казаков и мелкопоместных. Пожалуйста, друг мой, передай Михаилу Андреевичу и Василию Петровичу мою просьбу написать мне их мнения насчет возможно лучшего размежевания. Вопрос самый важный тот: есть ли возможность сделать вполне отрубные дачи в чересполосных селах, исключая принадлежащих к ним безтолочных хуторов? Я бы очень желал, чтобы из Полтавской губ[ернии] был назначен Мих[аил] Андр[еевич] Пусть он себя предложит. Я убежден, что // в этом деле он будет очень полезен, пожалуйста, скажи ему это от меня.

6-е февр[аля]. Целую тебя, мой бесценный друг, и нашего бесподобного Павлусяку, которому скажи, что папаня дуже скучає без його і все про його думає. Цілую його чубчик круглесенький, і його бровенята, і оченята, і щочки, і шийку, і рученьки, і животик. Дай, Господи, чтобы вы оба были совершенно здоровы. Молю Его об этом и Матерь Божию. Завтра надеюсь иметь от тебя депешу.

Весь твой, Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46103, 2 арк.

Друкується вперше.

С.Петербург. 10 фев[раля] 1858

№ 9^й.

Я не перестаю быть в большом затруднении, бесценная моя Катенька, на счет тебя и нашего милого Павлуся. Как поступить? Что предпринять? Решительно не знаю. Страшно скучно без вас обоих, и как часто хочется взяться за перо, чтобы послать депешу и выписать вас, но распуск и еще более непреодолимый страх мешают мне так поступить, отымая у меня всякую решимость. На Почтамтской и на Сергиевской меня очень подбивают послать тебе депешу, чтобы ты приехала, как будто не довольно одной моей доброй воли и столь сильного желания. Один только Демьян Васильевич понимает меня и не уговаривает решиться. А между тем как скучно! И не знаю, когда кончится мытарство, в которое я попал. Я был вчера утром у Муравьева и много с ним говорил. Выходит, что он написал и обоим управляющих палат госуд[арственных] имуществ, и обоим губ[ернских] землемеров. Да когда-то они еще будут? С таким решением приехал я вчера обедать на Почтамскую и застал письмо от маменьки с твоею депешою. Ты, мой милый друг, в нерешимости и в затруднении, и я совершенно понимаю твое положение. Но скажи, ради Бога, можно ли без страха решиться на такой дальний путь с Павлусем. Дорогою может случиться множество вовсе непредвиденного. Если бы еще был с тобою верный мужчина, который бы сумел и распорядиться, и предвидеть все. А то ведь ты совершенно одна, // даже без надежной мужской прислуги. А что бы я дал, кажется, чтобы ты была теперь со мною, и чтобы мы провели это время так же вместе, как вся наша жизнь идет, и с Павлусякой возле нас. Чем больше я об этом думаю, тем более это меня расстраивает. Нет сомнения, что меня рассеивает, во-первых, дело, за которое я завтра уже серьезно примусь, и, во-вторых, общество знакомых, и старых, и новых. У меня столько знакомых, и все, право, так со мною любезны, что решительно не достает времени, чтобы между ими всеми разделиться. О твоём семействе, которое сделалось в полной мере моим, нечего и говорить. Нельзя быть ко мне добрее и внимательнее их, и я провожу у них время с величайшим сердечным наслаждением. Кроме того, везде встречаю внимание неподдельное; все меня заискивают, начиная с людей, которым бы, кажется, и не ставало досуга, чтобы заниматься таким человеком, как я. Все это так, и тебе должно быть гораздо тяжелее, нежели мне, но ты с Павлусем, с нашим бесценным сокровищем, которым нельзя довольно наслаждаться и на которого я бы променял все любезности и внимания, которыми меня здесь окружают.

Кстати, об этом: мне здесь часто приходит мысль по поводу меня самого: что худо, когда нас восхвалят человеки! Я чувствую на душе сильную тяжесть этой похвалы, но что делать! Сравниваю себя с некоторыми из славянофилов, которые идут своей дорогой среди брани людей. Что же значит, что меня так // заискивают? Должен сознаться перед тобою, лучшим моим

другом: это происходит от недостатка сдержанности во мне и от некоторого хвастовства и умения выказаться с лучшей стороны, показывать везде свой фазовый конец. И горе таким, «яко уже восприяли мзду свою...»

Но я так заговорился в рассуждениях, что забыл рассеять тебя хоть немного своим рассказом о Петербурге.

Я ехал очень покойно и удобно по железной дороге и приехал сюда 7 числа в 9 часов утра, направившись прежде всего к Александру Васильевичу. Его разбудили по его приказанию, и он мне очень обрадовался. Посидевши с ним, я поехал отыскивать квартиру и с трудом отыскал в hotel «Napoleon» близ Исакиевской церкви две довольно плохие комнаты для себя и одну с перегородкой для людей. Гостиницы в Петербурге очень плохи. В тот же день я побывал у Lise и Héléne и обедал в Почтамтской. Lise была больна и, хоть теперь уже здорова, но еще не выезжает. У нее все так же великолепно, как и прежде было, зимний сад чудо как хорош. У Елены кабинет и мастерская вполне изящны, и все вместе страшно роскошно. Дядюшки также, исключая Алекс[андра] Вас[ильевича], которым я остался доволен, немного хворали это время. У Дем[ьяна] Вас[ильевича] был сильный кашель, который, впрочем, почти совсем прошел, а у Арк[адия] Вас[ильевича] нарыв в горле, но также проходит. Я обедал у него три дня сряду. Вчера было довольно гостей по случаю дня рождения Арк[адия] Вас[ильевича]. Все, слава Богу, по-прежнему в этом благословенном доме, и, дай Бог, чтобы еще долго // так продолжалось. Разница в комнатах то, что в угловой маленькой гостиной заделали два окна, и теперь там сидят после обеда.

11 февр[аля]. Пока еще примусь за серьезное дело, объезжая знакомых, которых у меня оказывается очень много, и, главное, из различных оттенков людей. Вчера вечером был у Кошелевой, которая приехала дней на 6, и познакомился у нее с Титовым (наставником наследника), кн. Одоевским и Гильфердингом. Давний приятель Ал[ександр] Ник[олаевич] Попов теперь очень для меня интересен, потому что он у источника комитетной работы об освоб[ождении] крестьян. Отчасти от Муравьева, отчасти от него, вот что я слышал до сих пор: 1-е. Дело о выкупе крестьян у мелкопоместных идет, но пока принимает вид немного миниатюрный, по недостатку финансовых средств. Они хотят на первый раз выкупить крестьян у 10-душных помещиков и с тем, если у них не более 5 дес[ятин] на душу удобной земли. Цену дают: сумму залога, с прибавкой 1/5 части. 2-е. Кажется, что разрешат насчет усадеб так: что помещик обязан ее продать крестьянину, но крестьянин не обязан ее выкупать, если располагает куда-нибудь перейти. Это будет хорошо. Вообще, оппозиция здесь очень сильна и еще не теряет надежды остановить совсем дело. Более всех стоек в этом сам государь. Теперь стараются разными записками доказать, что рескриптом // и циркулярами компрометировали Высоч[айшую] власть, и часто показывают это ловко и остроумно. Нет

сомнения в том, что с этим делом немного поспешили, т. е. не с самим делом, а с предложениями, при нем сделанными.

Разрешены два эмансипаторские журнала и также рассуждать о разных частях государ[ственного] управления. Теперь работают над новым уставом судебной части, и тут дело приняло бы весьма хороший оборот, т. е. мы бы получили открытое судопроизводство, если бы не мешал Панин. А все-таки подвигаемся вперед. О В.К.К.Н. существуют и здесь самые разнородные толки, и, право, не знаю, что и думать об этом человеке.

Своего министерства я до сих пор еще не видел, все его не было дома, но он назначил (т. е. Норов) мне быть у него сегодня. Был у Бажанова и говорил с ним, но и о том, и о другом напишу Николаю Романовичу по первой почте, потому что до сих пор не об чем писать. Кн. Долгоруков и Ланской сообщили Алекс[андру] Вас[ильевичу], что очень желают меня видеть и также назначили дни, по несколько в неделю. Муравьев умен, как видно, но и хитер; он как будто нерешительно говорит мнение, а, между тем, глаза бегают и стараются узнать говорящего с ним.

Петербург так велик, так недосужен, что дело не может скоро делаться. Но перейду еще к родным и знакомым. // Семейство Петра Арк[адьевича] здорово. Он и она все те же. Она мила и добра. Дом у них похож на музей редкостей, на которые издерживается много лишних денег. Дети спрашивают о Павлусе, и Соня ходит в малороссийском платье. Я завтра у них обедаю, а сегодня у Алексея Комаровского. Вчера обедал у сестриц. Был у Анны Барановой, которая приняла меня очень дружески. У нее оставался Самарин по неимению квартиры, и вообрази, что и многие спрашивали, как она решается держать в доме такого ужасного человека, который жаждет крови. Ведь это, наконец, забавно! Петербург дошел в роскоши до таких пределов, до каких я и не ожидал. Нельзя себе представить, какая роскошь в убранстве домов внутри и снаружи, в экипажах, лошадях. И, главное, что всего этого поражающая масса. Здесь решительно делаешься бедняком, и я, не без любопытства любясь всем этим, думаю о том, с каким наслаждением я возвращусь в свою скромную семейку среди незатейливости и чистоты нашего home, когда Бог сподобит меня этого счастья. Но пока тебя сильно недостает для передачи впечатлений, а Павлусяки! Поцелуй его тысячу раз за меня. Дай, Господи, и Царица Небесная, чтобы вы оба были здоровы. Обнимаю тебя сильно. Кланяйся Фед[ору] Фед[оровичу] и скажи, что поверенного до сих пор нет и что дело идет хорошо и передается мне. Пусть едет поверенный.

Весь твой, Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46104, 3 арк.

Друкується вперше.

С.Петербург. 13 фев[аля] 1858.№ 10^й.

По нашим прежним расчетам, милый, бесценный мой друг, я бы должен был этими днями уже выехать отсюда в обратный путь. А, между тем, работа моя еще и не началась. Что тут делать, как не покоряться судьбе... Когда бы только мне постоянно знать, что вы оба, мои дорогие, совершенно здоровы, больше мне ничего не нужно. Одно спасает меня от скуки – это дело. Собственно, определенным занятиям я еще не предался, но дело сопровождает меня от утра до ночи. То я у какого-нибудь значительного лица и говорю с ним о современном вопросе, то встречаюсь где-нибудь с интересным лицом. Бесперывно среди разговоров, среди расспросов, рассуждений и даже среди слишком большой утомительной болтовни, которой, как ты знаешь, я очень легко предаюсь. Трудно передать тебе, сколько я встречаю разных новых лиц, более или менее интересных, которые принимают участие в современном вопросе. Сегодня, пообедавши в Почтамтской, я поехал к Ланскому, с которым имел длинный разговор об освобождении крестьян, а кончил вечер у Титова, где познакомился с Хрущовым, человеком очень современным. По-настоящему ведь можно бы сказать, что дело уже сделано, а потому // нечего более и толковать. Но, с другой стороны, дело идет так шатко, стараются до такой степени со всех сторон сбить правительство с выбранного им пути, что добрым людям надобно соединяться на всякий случай дружною ратью против оппозиции и, наконец, против заблуждений и ошибок самого правительства. Министры сами сознаются, что с делом поспешили не тем, что его начали, а тем, что предложили наперед условия, которые правительство всегда имело время предложить и впоследствии. Из министров, которых я до сих пор видел, кн. Долгоруков понравился мне своим честным образом действий. Он хотя немного сам выдумает, но много значит, что благородный человек. Я его полюбил. Муравьев – хитрый человек и не высказывается, а более заставляет высказываться другого. Я же с своей стороны был довольно замкнут. Ланской полный благонамеренных стремлений, на которые, как видно, его натолкнули обстоятельства, а, между тем, сам довольно мало знает. Что же касается до Норова, то он превзошел все мои ожидания. Ужас что такое! Я об нем пишу Ник[олаю] Ром[ановичу].

14 фев[аля]. Какая глупая вещь зубная боль! Я почти всю ночь страдал ею и не знаю, что и предпринять с испортившимся зубом, который, однако, много будет мне мешать во всех отношениях, если будет продолжать болеть. //

Трудно тебе передать, мой милый друг, сколько различных впечатлений я встречаю здесь в Петербурге почти с утра до ночи. Сколько людей узнаю новых, и сколько от них приходится выслушивать. Знакомство делается наскоро, уже не с видом простой официальной вежливости и не с целью простого развлечения, а все для разговора и переговоров. Признаюсь, это утомляет, и часто после длинного разговора, в котором повторяется с новым лицом все то же, что говорилось с другим, только

с различными оттенками, чувствуешь, что в голове какой-то туман и неспособность к работе. Это нехорошо, и, как со всеми уже познакомлюсь, то решительно буду избегать говорить (теперь к этому заставляют) и буду заставлять говорить других. До сих пор решительно нельзя определить, как идет дело эмансипации. Видна шаткость в высших слоях, исключая государя. Петербургское дворянство, в комитете своем, состоящим из разных партий (особенно есть немецкая, довольно вредная), положило уже одно: что выкуп усадеб обязателен для помещика, если крестьянин этого потребует, но не обязателен для крестьянина, если он совершенно иначе располагает своей особой. К этому они хотят прибавить, чтобы выкуп делался всем миром, а не отдельными лицами. Со всем этим можно согласиться, если еще прибавить к тому, что и это последнее обстоятельство должно быть предоставлено обоюдному соглашению.

Дело о межевании // занимает меня теперь впереди всего, и надеюсь, что я не буду в этом деле бесполезен для большинства, которое могло бы быть обижено непониманием дела со стороны министра и пр. и доводами крупных владельцев.

Знакомых так много, что не всех еще видел. Только вчера удалось, наконец, застать Лизавету Мих[айловну] Бутурлину, которая была со мной очень любезна и просила приходить обедать. Сегодня обедаю у Гендриковых, а недавно обедали мы все у Петра Аркадьевича. Нельзя себе представить, сколько у него разных вещей, прекрасных часов, бронз, мебели. Многое он не знает, куда деть, и продает в полцены. Я хочу этим воспользоваться. Скажи, понравится ли тебе люстра, bras¹, два буфетика и часы, en bois de chêne sculpté²; все это для столовой. Он дешево продает, и, может быть, пригодится нам для будущей столовой. Очень огорчило меня то, что на днях получены весьма нехорошие новости о Василии Аркадьевиче, у которого после кашля и боли в боку в продолжение нескольких недель вдруг пошла сильно кровь горлом. Les médecins disent que c'est un cas tres grave quoique pas désespéré³. Посылали в По депешу и получили ответ, что ему немного лучше, но все нехорошо.

Письмо твое, бесценный друг мой, от 4-го получил третьего дня. Рад, что Наталка тебя развлекла хоть немного. Ах, как бы я теперь расцеловал тебя и бесподобного Павлусяку! Тысячу, тысячу раз. Дай, Господи, чтобы вы оба были здоровы. Поручаю вас Царице Небесной. Обнимаю вас от всей души. Как скучно без вас!

Весь твой, Г. Галаган

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46105, 2 арк.

Друкується вперше.

---

¹ Бра (фр.).

² Різблений дубовий годинник (фр.).

³ Лікарі кажуть, що це дуже серйозний випадок, хоча і не безнадійний (фр.).

С.Петербург. 19 фев[раля] 1858.№ 11^й.

Этот раз, бесценный друг мой, расстояние между моими письмами немало больше, потому что я настояще узнал, когда отходит почта в Киев прямо, и вышло, что в среду (сегодня) и в субботу, следовательно, следующее письмо ты можешь получить скорее. Спасибо тебе за твои письма; они много доставляют мне истинного и ничем не заменяемого счастья. Последнее из них от 11-го сего месяца я получил третьего дни и, вообрази, в то время, как я решился тебе послать депешу, и о чем же? О том, чтобы ты не ехала сюда. Эти последние дни я слышу со всех сторон о больных детях. Грипп, который здесь и не перестает, превращается иногда в scarlatinu, круп и Бог знает во что. Да сохранит Господь милосердный наше милое сокровище от всяких бед. Что за чудный человек Федор Федорович, наш друг истинный; как он все улаживает; его нам послало Провидение уже не раз в нашей жизни. Дай только, Господи, чтобы все было благополучно у нас теперь, а ты скажи Фед[ору] Фед[оровичу], что я его дружески обнимаю. И ты, мой милый ангел, превосходно поступила, благоразумно, как нельзя лучше; целую тебя за это крепко-крепко. Что-то наш Павлусяка подельывает? Совершенно ли он здоровенький, милейший бастистака, килимбасти и пр. Как бы я его теперь расцеловал, моего милого сокровища. //

Более всего чувствуется у меня скука без вас обоих по утрам, и случается даже, что я, рано проснувшись, не могу более заснуть, все думая о тебе и о Павлусяке; рисую себе в воображении, как он проснулся и разговаривает с нянею.

На днях я жду сюда маменьку и сестру; они были задержаны до сих пор болезнью Павла Евграфовича, состоявшею из обыкновенных его припадков, и притом теперь здесь холодно: по -15° и -16° . С первую тяжелою почтою я отправлю тебе разные книги: живописный Карамзин, журналы воспитания и общепользных сведений, об иконописании (другой, могилевского архиерея, не могу найти). «Пай-Хой» – это моя книга; впрочем, интересны картинки. Кроме того, две-три книжечки берлинского издания. Как хорош Рылеева «Волынский»! Посылаю все это потому, что, я думаю, будет еще и другой транспорт с книгами.

Чтобы не забыть, скажу тебе, во-первых, что я прошу тебя предложить Ребиндерам Покоршину на лето от моего имени, и, во-вторых, пусть Федосий Иванович предложит Крылову купить место за 1000 рублей, и, пожалуй, издержки возьмет на меня. Если согласится, то пусть, не откладывая, совершит купчую крепость и деньги употребит на земляные работы. Получила ли ты деньги? Ты об этом не пишешь, а должна бы получить.

Здесь я сижу у моря и жду погоды: члены комитета еще не съезжаются, и я торчу один. Когда все это кончится, не знаю. Вопрос в Петербургском комитете вчера // опять как будто пошатнулся назад. Шеншин, член по выбору правительства, и с которым я сошелся, рассказывал, что

начали разделять усадыбу от оседлости и решили, что усадьба – только постройки, а оседлость – грунт, а потому усадьбу пусть крестьяне выкупают, а оседлости остаются по обоюдному согласию. Ну, уж знаем, что значит обоюдное согласие. Вообще стараются схитрить и улизнуть от усадьбы. Между тем, как они там об этом толкуют, я приготовил записку, которую подам министру Ланскому, где я предлагаю тотчас по объявлении согласия государя на открытие комитетов в каждой губернии наложить строгое запрещение на размен усадеб со стороны помещиков. А то, вообрази, что многие из них, ввиду, что усадьбы будут не их, уже спешат переселять крестьян на другие места. Я предлагаю наложить запрещение, а потом в иных случаях позволять, с согласия правительства, менять участки грунтовые с обоюдною выгодою. Это такая записка, о которой я в Почтамтской даже и не говорил. Мне кажется, что оно необходимо. Теперь здесь Кошелев и надеется, что правительство наконец решится на финансовую меру, тогда все спасено, а без этого очень мало шансов на хороший исход. Оппозиционные возражения прилетают со всех сторон; многие из них очень умны и ударяют метко в слабые стороны рескрипта и циркуляра. Кажется, что министры давно положили бы оружие, если бы государь, спасибо ему, не стоял твердо на своей воле. Укрепи его Бог! //

Сегодня я иду к кн. Долгорукову. Увижу, что-то он мне скажет нового.

Эти дни я проводил в беспрестанных разъездах и рассеянности. До сих пор еще многих не видел, которых хотел видеть, потому число знакомых ужасно возрастает. Тебе очень кланяется Опочинина, которая на днях уезжает в чужие края. Она пополнела и похорошела. Очень миленькая дама Шеншина; она бы тебе понравилась. Довольно развитая, и с Варварою Александровною составляют исключение из общих правил. Lise и Héléne ужасно преданы свету. До такой степени, что я предвижу для Елены много горьких минут, когда наконец надобно будет отстать от теперешней жизни, которая завлекла их и потом оставит в них сильную пустоту. Вчера я обедал у гр. Е. Е. Комаровского. Огромная у них семья и какая-то общая бестолковщина, которая утомляет немного гостя. Был у Граббе: та же самая рассудительность! А ведь надобно признаться, что напрасно его не употребляют в дело, хоть советы давал бы. А то такая пустота! Учреждается новый комитет об улучшении быта крестьян вообще, под председательством государя. Да как же они будут улучшать? Переменить порядок вещей в управлении, в полиции, вот и улучшится.

Поздравляю с вице-губернатором Селецким. Зато Веселкин будет петь чиновничий дуэт с Волковым... Однако довольно. До другого разу. Целую тебя крепко, обоих вас с Павлусякой без счета раз. Весь твой,

Г. Г.

С. Петербург, 22 фебр[аля] 1858 г.№ 12^й.

Так недавно писал к тебе, бесценный мой друг, что мало набралось новостей, которые я бы мог тебе передать. Все идет у меня прежним порядком: целый день занят исполнением разных отношений. Пробовал сидеть дома, и пока за работой – хорошо, но только что взял немного отдыха, как опять надобно бросаться в карету и куда-нибудь ехать, иначе скука такая, тоска такая по вас, мои милые, что пришлось бы просто страдать. В тот день, как я отправил мое последнее письмо, т. е. 19-го числа, получил я и твою депешу с извещением от кн. Льва Викторовича. Что ж из того, что я выбран и в Полтавской губ[ернии], когда до сих пор я здесь один. Еще ни одного члена нет, и неизвестно, // когда будут. Завтра я буду опять у Муравьева, увижу, что он мне скажет. Вероятно, ты уже прочитала новый циркуляр министра внутр[енних] дел. Какая жалкая вещь! Казалось бы непростительным для нас всех не остановить всеми способами подобной выходки трусости и незнания, но дело в том, что никто не знал и не подозревал, что такая вещь готовится. Кажется многим, что старику Ланскому это просто подложили подписать. Я вчера утром был у него, подал ему мою записку о Киевской губернии и другую записку о том, чтобы запретить немедленно помещикам переселять крестьян на другие места. Он соглашался со мною, и видно было, как ему было // совестно за свой циркуляр. О переселении я написал откровенно и сильно, доказывая, что помещики (многие) поспешат немедленно, т. е. до запрещения, и начнут переселять крестьян, может быть, на песок или в болото. Я имею здесь на глазах пример в милой Софии Григорьевне, которая готова на улице кричать, что ее грабят, и всякий раз, что ее вижу, она с жаром говорит о том, как она немедленно прикажет переселять крестьян там, где невыгодно, чтобы они были.

19 числа я имел об этом и о много другом по этой части весьма интересный разговор у князя Долгорукова с ним, с Кошелевым и еще с Валуевым, курляндским губернатором, // который мне нравится. Мы с Кошелевым сильно убеждали князя не поддаваться стремлениям оппозиции, и вчера я ему отвез копию с моей записки. Я вчера обедал у Петра Арк[адьевича] с нашими и потом вечер провел с интересными людьми у Хрушова. Там были: Милютин, Абаза, Валуев, Титов, Кошелев, Соловьев (не московский), Арапетов, Заблоцкий и пр. О многом интересном говорили и разошлись поздно. Между прочим, спорили с Кошелевым об общине; предоставляли общине только характер административный, а не семейный с общим владением землею. Он защищал сей последний, но надобно признаться, что был разбит. Я не мог идти к нему на помощь, потому что как малороссиянин // не могу разделять понятий об общине в смысле «Рус[ской] беседы».

Был в среду на вечере у Норова, где страшно скучал. Вообще члены нашего министерства такие что-то неприветливые. Познакомился с кн. Вяземским; незавидная и это штука, а Гаевского до сих пор не видал.

Вчера получил я письмо от маменьки, в котором извещает меня о приезде своем завтра. Я бросился искать квартир и, нигде не найдя, дал ей знать по телеграфу, чтобы обождала.

Знаешь ли, друг мой, что я разоряюсь у Петра Аркад[ьевича]. Он продает за полцены множество прекрасных вещей, и я вчера купил у него хорошие бронзовые часы с канделябрами, и потом разной мебели, включая стульев, для нашей будущей столовой. // Всего уже есть почти на 500 рублей, и еще есть в виду покупка. Недаром говорят, que le bon marché ruine¹. Pierre не знает, куда девать свои вещи, несмотря на то, что ими будет наполнен его новый дом. Как посмотрю я на убранство дамских гостиных и кабинетов, да потом вспомню, как я мало сделал в этом отношении для тебя, так даже совестно подумать. Душечка ты моя бесценная, какая ты добрейшая и славная во всех отношениях! А Павлусяка что-то поделявает, наше милейшее сокровище? Совершенно ли он здоровенький? Саша и Аркадя об нем всегда спрашивают, и Соня, одетая по-нашему, очень мила. Ходит уже, хотя и с помощью, и // премило говорит. Расцелуй нашего Павлусяку за меня и скажи ему, что я так без него скучаю, что готов бы пешком бежать. Целую его бровенята, и щечки, и ручки, и ножки, и животик, и все-все. Обнимаю тебя крепко-крепко. Дай, Господи, и Матерь Божия, чтобы вы оба были совершенно здоровы.

Кланяйся Фед[ору] Фед[оровичу] и знакомым.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46107, 4 арк.

Друкується вперше.

---

¹ Чим дешевше, тим збитковіше (фр.).

№ 13^я.

Сейчас отправил к тебе депешу, бесценный друг мой, в ответ на твою, полученную мною вчера вечером. Душечка моя милая Катечка, как ты обо мне беспокоишься! Зная твое благоразумие и рассудительность, понятно мне, до какой степени должно быть велико твое беспокойство, если ты, не получив одного письма, уже спрашиваешь обо мне по телеграфу. Как ты видишь, я тебе пишу постоянно, означая номер письма, чтобы знать, что ни одно из них не пропадает. Не знаю, чему приписать медленность получения письма. Может быть, тому, что я прежде отправлял письма по московской почте, а потом переменял и отправляю по белорусской и малороссийской.

Между тем, я нахожусь в новом затруднении: Василий Борковский пишет, что не может раньше приехать в Петербург, как в конце апреля. Представь мое положение! Я бы сейчас готов выехать, но должен дожидаться двух человек: во-первых, Шмигельского, который скоро должен быть, и с которым можно будет во всем условиться в отношении к началу работы комитета, во-вторых, Льва Викторовича, которого до сих пор нет. Если можно будет с тем и с другим уладить, то я улечу из Петербурга, если же нет, но об этом лучше заранее и не думать. Борковский пишет длинное письмо, из которого видно, что он прежде всего, как кажется, старался показать свое превосходство над Бороздную, еще вмешают личности в это дело, бодай им! // Кажется, что они там делают большие глупости, и я написал вчера Борковскому много советов насчет этого. Я говорю, чтобы они отнюдь не предлагали преждевременно никаких условий, которые только раздражают правительство, и что сие последнее гораздо легче согласится на уступки, когда увидит ясные доводы, выработанные комитетом, а не теперь предложенные. В сущности и между нами, я это говорю неискренно. Я боюсь, напротив, дурного влияния всех аргументов на шаткие убеждения правительства и потому отвлекаю их от этих предложений и советую просто просить открытия комитетов, а там, надеюсь, уже и мы будем не без голоса.

Мне ужасно досадно, что в Качановке вбили себе Бог знает что в голову. Люди решительно глупы! Пожалуйста, распусти у Бурцихи слух, что я узнал от Анны Барановой, что Васильчиков поехал устроить дела с братом, а потом женится на одной девушке в Петербурге. Что уж это давно устроено. Что-то наш Фед[ор] Фед[орович] получил в ответ на предложение, и делал ли он его. Очень боюсь!

Насчет Alexandrine скажу следующее: на Иваненка нельзя надеяться; они все с придурью и очень способны к поступкам вроде Мих[аила] Вас[ильевича], оттого, что нет одной клепки. Что же касается до Кисилевского, то если особенно дурного о нем не слышно, то пусть выходит за него замуж, это партия хорошая.

Послезавтра утром я ожидаю сюда маменьку и сестру и нанял им квартиру в гостинице Клее, куда и сам сегодня переезжаю. Число знакомых у меня // возрастает неимоверно, так что я решительно не успеваю у всех быть. Вчера был в театре рядом в креслах с Александром Васильевичем, где нас смешил Levassor. Обедал у сестриц. Третьего дня провел вечер у Смирнова (губернатора), у которого было несколько членов здешнего комитета. Интересен был спор барона Фитингофа с Кошелевым. Первый из них, что земли вовсе не нужно для благосостояния самих крестьян, и что «Остзейские положения» были всегда очень хороши. Кошелев вчера уехал, получив позволение на издание журнала об эмансипации. Сегодня хочу повезть свой проект о Киеве кн. Долгорукову. Вопрос о крестьянах то шатается, то опять проходит несколько шагов твердо, но это случается редко. Мысль новая, которую я с своей стороны стараюсь разработать, есть та, что с новым положением дел необходимо надежное дворянство, а так как теперешнее совсем разрушается, то надобно создать новое дворянство или, скорее, высшее сословие, которое будет отличаться от обыкновенного дворянства тем, что будет призвано нашим отечеством к управлению всем сельским делом. Особыми большими привилегиями надобно отвлечь хороших дворян от службы государственной и поручить им сельские дела. Тогда можно будет что-нибудь сделать. Тогда и земская полиция исчезнет сама собою, и весь порядок будет основан на нравственном влиянии лучших людей. У нас в России вовсе не безлюдье, но только // люди эти не там употреблены, где следует. Они как капитал, который не приносит дохода от неправильного обращения. Об этом надобно очень подумать.

Теперь о Чернигове. Хотя еще не верно, чтобы я был там членом, но, зная затруднения насчет квартиры, надобно действительно об этом позаботиться. Не худо бы послать туда Федосия Ивановича, попросив у Шийка для него отпуск на 10 дней. Пусть он поищет квартиры с садом. Если нельзя прежнего дома, то пусть поищет в окрестностях Баршевского, а, может быть, Оконоры отдадут свой дом. Только скажи ему, чтобы он не разглашал, что квартира для нас. Это может иметь дурной эффект. Пусть едет туда на страстной неделе. На его письмо я буду отвечать по следующей почте. Ужасно спешу. Надобно переезжать на другую квартиру. Обнимаю тебя, бесценный друг мой, крепко-крепко и много раз целую. Скажи тетушке, что я целую ее ручки, и всем кланяюсь.

Спасибо тебе, милейший Павлусяка, за твою приписочку. Я ее целую утром и вечером, а теперь обнимаю тебя. Дай, Господи, и Матерь Божья, чтобы ты с маманею были совершенно здоровы. Целую тебя тысячу раз. Кланяйся от меня няне. Я тебе привезу карету.

Г. Г.

№ 14^й.

Сей раз можно бы было мне беспокоиться, не получив по вчерашней почте письмо от тебя, бесценный друг мой, но так как полученная от тебя депеша от 26 числа [есть] свежую, то я надеюсь на милость Божию, что ты и Павлусь наш совершенно здоровы. Скучно только, если нескоро получу письмо. Такая отрада получать письма; твои всегда так милы, естественны, как ты сама, моя милая душечка. Что сказать о себе? Вчера приехали маменька и Marie, только вдвоем, и я их встретил с Гендриковыми на железной дороге. Пав[ел] Евгр[афович] остался с детьми в Москве. Я очень рад их приезду, и, так как маменька давно не была здесь (17 лет), то есть много нового ей показать, а ты знаешь, что я это люблю. При этом, однако же, у меня хлопот и суеты еще прибавилось. Третьего дня я был на большом рауте у гр. Разумовской. Было очень много хороших, туалеты великолепны, и я несколько раз исчезал в кринолинах. Непривычному глазу смешно смотреть на это огромное общество, которое собралось совершенно как на итальянских и азиатских площадях собирается народ, т. е. только с одною целью – посмотреть на людей. Говор, толкотня, и все это продолжается меньше часу. Каждый приходит, посмотрит, поговорит с тем, с другим и опять уходит.

Вчера большая часть твоих // родных посетили маменьку. Они все так добры и внимательны, что, право, мало слов, чтобы выразить всю благодарность им. Сегодня день именин Нины, и мы обедаем у нее, а в воскресенье, завтра, маменька и сестра в Почтамтской, а я отозван к Титову. Комитет наш по части межевания все еще не составляется, и я, право, не знаю, чем все это кончится. Не могу же я здесь жить так долго. Может случиться, что в одно прекрасное утро вдруг убегу. Мне дали для изучения исторического хода межевания много разных бумаг, но чтение их идет очень медленно. В эти последние дни я был также озабочен делом Н.К. Меринга. Оно начало принимать нехороший оборот, но мы уж тут с Александром Васильевичем неусыпно хлопочем и, надеюсь, что восторжествуем над мошенниками. Как ты уже, вероятно, знаешь, комитет об эмансипации, хотя и принял такое нерешительное название, но уже не секретный. Под его распоряжением есть другой комитет, в котором председатель Левшин и секретарь Соловьев, дельный человек. В этом комитете они рассматривают все новые просьбы и возражения дворянские и докладывают верховному комитету. Левшин и Соловьев хотят призывать в комитет официально разного рода людей, задавать им вопросы и таким путем узнавать предмет. Соловьев говорил мне вчера на вечере у Левшина, что получена бумага от полтавских дворян, очень умно написано. Он мне ее сообщит сегодня. По его словам, там введены очень умно такие препятствия, которые они в комитете не знают, как устранить. // Мне очень любопытно видеть, что они там написали.

Льва Викторовича все еще нет, и не знает никто, когда он будет. Оставя на время в стороне эти вопросы, перейду к нашим малороссийским делам, о которых еще не приходилось с тобой говорить. Кулиш сбился с толку. Безмерное самолюбие заставило его делать глупости и никого не слушать. Нет почти того человека, с которым бы он не поссорился от самолюбия и уверенности, что он человек гениальный. С другой стороны, направление его сделалось просто возмутительно. Кто из нас будет защищать панов нехороших и вообще панство в помещичьем смысле. Но писать так, как они пишут, это значит работать не для национальности, а, взяв национальность как орудие демократических, скажу более, революционных изменений. Как Максимович разбил Кулиша за записку Теплова, так можно бы разбить его за граматку и, особенно, за издание Марка Вовчка, напомнивши и доказавши ему, что он сам пан, что обязан всем панам, не только в отношении своей личности, а в отношении возрождения нашей национальности. В ком так сильно возродилась наша национальность? Не в простом народе, который вовсе об этом не хлопочет и продолжает с каждым днем более и более москалиться; она возродилась в избранной части панов. За что же казнить целое сословие без различия? Эту // двойную неблагодарность нельзя иначе растолковать, как стремлениями революционными, сумасшедшими. Мне неловко выходить на сцену в защиту панов, потому придется о себе говорить, но желал бы, чтобы кто-нибудь поразил еще раз сбившегося с пути Кулиша и, убивши его самолюбие, помог бы ему переродиться, если это возможно. Беда нам, бедным! Судьба наша преследует нас во всей нашей истории. Везде разъединение и распря между нами, малороссиянами! Это губило наше возрождающееся государство, наше благосостояние и, наконец, нашу национальность. Не понимают наши, ни сверху, ни снизу, что нам нужно. Я в восторге от твоей оценки Марка Вовчка и от твоей осторожности в этом деле.

Песни свои я ожидаю. В Москве продал и здесь скоро продам, лишь бы были.

Обнимаю тебя и Павлуса от всей души. Молю Бога о вашем здоровье. Поручаю вас покрову Царицы Небесной.

Целую тебя, милейший бастистака, тысячу раз, и бровенята твои, и щочиньки, и рученьки. Будь здоровенький и жди папаню, который очень соскучился без тебя.

Еще раз целую тебя,
Г. Г.

Маменька тебя обнимает.
Кланяйся всем.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46109, 2 арк.

Друкується вперше.

С. Петербург. 5 марта 1858 г.№ 15^й.

Между моим последним письмом и этим я получил два твои, моя милая, бесценная Катенька, и отвечаю на оба разом. Прежде всего, я виноват в том, что не поспешил тебя уведомить, что зубная боль моя прошла тогда же и, хотя по временам хочет возвратиться, но, слава Богу, очень незначительно. А ты так за меня беспокоишься, мой друг бесподобный! В отношении писания к тебе я не виноват, как ты, вероятно, уже убедилась, и я в прошедшем письме объяснял тебе, почему ты могла получить письмо по другой почте. Пропустить почту с моей стороны, этого не может случиться. Неужели ты не чувствуешь сама, что для меня писание к тебе есть не обязанность, а истинное наслаждение, которое может только уступить наслаждению быть с тобою и с Павлусякой. Ах, когда это наконец будет? Ужасно боюсь, что в одно прекрасное утро потеряю терпение и убогу. Официальную бумагу от Léon я получил и думаю, что мне очень удобно будет заседать от двух губерний в комитете, который, увы! до сих пор не открывается.

Я думал, что сими днями приедут хоть некоторые члены, и что тогда, узнавши от них, что комитет не скоро откроется, я бы мог успеть съездить к вам, переехать с вами в Сокиренцы и опять вернуться сюда, но вот и половина 5-й недели, а члена нет ни одного, ни полтавского, ни черниговского, // и я не знаю, как распорядится со мною судьба. Я готов бы тут еще сидеть с терпением, тем более, что здоровье мое, слава Богу, довольно хорошо переносит климат, и что Петербург в нравственном отношении так сильно переменялся в свою пользу.

Но разлука с вами трудно выносима. Молю Бога, чтобы он сделал меня достойным благополучия, чтобы и ты, и Павлусь были совершенно здоровы. В иной час приходят такие мрачные мысли в голову, что совестно и признаться в своей слабости. Думаю о нашем сокровище Павлусяке, не случилось ли с ним, Боже сохрани, чего-нибудь. Боюсь, чтобы он не простудился, чтобы, Боже сохрани, не случилось чего во время прогулки, за все боюсь! Ах, когда бы скорее вас обоих увидеть! Кн. Голицына пишет, что тут Борковский. Она права, но это Яков, а не Василий.

Между тем, как мое собственное дело не подвигается, дело общее идет вперед, и, смею думать, что в некотором отношении мое присутствие небесполезно. На днях получена официальным путем записка полтавского дворянства при адресе к мин[истру] вн[утренних] дел и частным путем записка В.Д. Борковского по Городницкому уезду. Полтавская бумага к министру написана ловко сначала только, где они говорят в таком тоне, будто государь согласился устроить быт крестьян, о котором дворяне полтавские постоянно думали. Потом говорят, что Россия так велика, что есть в ней различные местности, // и что Полтавская губ[ерния] имеет свои особенности. Тут, прежде всего, говорят о чересполосности,

потом о неудобстве продать грунты крестьянам, потому что грунты тесно связаны с пахотным полем, и что мужики могут их продать разным сословиям. Все это написано очень плохим слогом и неловко. Далее говорят о неудобстве отделения в постоянное пользование крестьянам поля, потому что (слушай!) у помещичьих крестьян по случаю дороговизны скота оно так мало, что едва 1/20 часть хозяев сами обрабатывают свои поля, и помещики принуждены присоединять их земли к своим и давать им потом жать за сноп. Каково! Вот откровенность. Они воображают, что не найдется здесь никого, кто бы мог растолковать причины такого явления. Они сами себя компрометируют. Одним словом, бумага очень и очень слаба и отчасти нелепа. С Борковским я далеко не могу согласиться и готов даже с ним ссориться. Его бумага слишком подбита эгоистическими стремлениями, и я написал краткую записку, в которой, кажется, он сильно будет разбит. Как ты знаешь, комитет о крестьянах уже гласный. Кроме того, есть еще под этим комитетом другой, который разрабатывает практическую сторону вопросов и подготавливает работу для высшего комитета. В нем председатель Левшин, а секретарь Соловьев, которого статистика Смоленской губ[ернии] у меня есть. Он мне товарищ по университету. Человек дельный, и от него, в сущности, много зависит. Между нами будь сказано, он советуется со мною во многом, и я теперь // секретно разбираю ему бумагу моих соотечественников, чтобы выставить все в настоящем виде. Надобно только, чтобы они этого не знали. Кажется, что, с помощью Божию, дело пойдет на лад, и даже что правительство согласится со временем на финансовый оборот, который становится все более и более необходим. Но я заболтался и нужно, во-первых, сказать о твоих, что они все без исключения здоровы и такие же славные, как и были. Маменька и сестра здесь, обедали в воскресенье на Почтамтской, в понедельник и вчера – у разных родных Комаровских, и сегодня обедаем у Лизы, а завтра у Пьера. В субботу они собираются в обратный путь. Теперь о Бессонове. Прекрасно ты сделала, что пригласила его пожить у нас. Войцеховскому я не могу никак отказать из Петербурга. Условия Бессонова недурны. Но вот обстоятельство: в Гнилице так дурно идет теперь хозяйство, что старика Дейкуна более держать нельзя. Я говорил об этом Фед[осию] Ив[ановичу], и он сам со мною соглашался. Теперь, чтобы тебя не затруднить, я решаюсь написать об этом самому Фед[осию] Ив[ановичу], хоть это и очень деликатная статья. Бессонову мы готовы предложить за Гнилицу 600 рублей и весь излишек провизии Дейкуна в деньгах. Ты же, пожалуйста, сделай так: если только заметишь, что Бессонов неохотно берется за Гнилицу, то скажи ему, что это предложено по необходимости и что я готов отказать Войцеховскому для того, чтобы только его у себя иметь. Скажи вообще, что, где бы то ни было, а он должен быть у нас. Разумеется, как теперь Подруцкий не постоянно будет в Ичне, но [далі текст на берегах аркушів – від 2-го до

1-го] мне нужен верный человек в Ичне, а все-таки отсюда я не могу отказать Войцеховскому, решительно не зная, что там делается! Обнимаю тебя, бесценный друг мой, и душечку нашего Павлуся тысячу раз целую, молю Бога о вашем здоровье, поручаю вас покрову Царицы Небесной. Маменька и Marie тебя целуют. Фед[осию] Ив[ановичу] боюсь опоздать на почту и пошлю с завтрашнею почтою на Москву. Скажи Фед[ору] Федоровичу, что я его обнимаю. Всем, кому хочешь, кланяйся.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46110, 2 арк.

Друкується вперше.

С. Петербург. 8 марта 1858

№ 16^й.

Итак, бесценный друг мой, судьба моя насчет возвращения к вам решается, и увы! едва ли в начале мая мне можно будет обнять вас, мои милые. Я получил от Борковского известие, что он и В.И. Туманский выезжают из Чернигова 12-го или 13 числа и будут к празднику в Петербурге. (Туманский на место Покорского). Я думал, что они соберутся в конце апреля, и рассчитывал, что можно бы мне было съездить домой и, переехавши с вами вместе в Сокиренцы, опять возвратиться сюда. Теперь это сделалось невозможно, потому что члены съедутся к празднику, и я надеюсь так устроить, чтобы еще на праздничной неделе открыть комитет. Вооружимся еще терпением, будем надеяться на милость Божию, что дальше уже не потребуется от нас подобных жертв, или что мы успеем взять свои меры, чтобы против них вооружиться. А как тяжело подчас без вас обоих, этого я и выразить не могу. Как хотелось бы обнять и расцеловать нашего Павлусяку.

Третьего дня утром наконец приехал Лев Викторович, не в духе и холодноват со мною. В тот же день мы вместе с ним обедали у Петра Арк[адьевича], где обедали и маменька, и Marie, и все дядюшки, и тетушка, и Lise, и Héléne. Обед был чрезвычайно приятен. Условились не говорить ни об эмансипации, ни о межевании, и весь обед прошел во всеобщем веселии и шутках. У них же мы и вечер провели, туда подъехала и Нина Гендрикова. Лев Викторович // по обыкновению ругал дворянство: *ce sont des imbéciles c'est pire que de la canaille*⁸⁷ и пр., и пр. Еще не знаю подробностей того, что у них там происходило, но Лев Викторович говорит, что после многих криков и прочего, когда пришлось выбирать члена по межеванию, то все отказались, и он выбрал, кого же ты думаешь, – **Высоцкого**, вот какой у меня сочлен от Полтавской губ[ернии], и то еще с условием, что Лев Викт[орович] платит ему за дорогу. *Au moins celui lié est un homme d'esprit*⁸⁸, говорит он. Увидим! Он, да Туманский – вот парочка. Сегодня я поеду на Сергиевскую поговорить о деле с Еленой и узнаю, если смогу, что за причина холодности Léon ко мне. Вероятно, ему успели сказать, что я критикую полтавский адрес. Да неужели мне молчать, когда говорят такой вздор, да еще и с целью приостановить дело.

По просьбе Соловьева я написал мое мнение на записку полтавского дворянства и повезу ее к нему; замечания мои, кажется, составили статью недурную, но я их дам с одним условием: чтобы мое мнение на счет этого принято было не секретно, из-под руки, а явно, пусть меня официально спросят, и я буду открыто отвечать. Лев Викторович очень

---

⁸⁷ Ці дурники гірше за шахраїв (фр.).

⁸⁸ Принаймні він є людиною, близькою мені за духом (фр.).

приглашает меня переехать к нему в дом. Мне бы там, разумеется, было очень хорошо, но, я думаю, я на это не соглашусь, чтобы сохранить на всякий случай полную мою независимость.

Маменька и сестра выезжают в Москву завтра, мои же планы в настоящих обстоятельствах следующие: если Бог поможет, я думаю говеть на страстной неделе и, приобщившись в четверг утром, в тот же день ехать в Москву. Там провести три дня // праздника и возвратиться в Петербург – уже, надеюсь, для настоящей работы. Не удастся мне христосоваться с вами, мои милейшие. По следующей тяжелой почте хочу послать что-нибудь к празднику тебе и Павлусяке. Нет, лучше и не думать о долгом времени нашей разлуки. Когда бы хоть заслужить милость Божию, чтобы застать вас обоих совершенно здоровыми по моем возвращении. Мне сильно тяжело без тебя, мой друг, во всех отношениях, а, между тем, не поверишь, как я благодарен тебе за твое благоразумие, которое и в этом случае не изменило тебе и удержало в Киеве для того, чтобы лучше уберечь наше сокровище, наше бесподобное счастье – Павлусяку. Поцелуй его за меня крепко-крепко в лобовку, и в бровеньки, и в глазочки милые.

Третьего дня я послал тебе «Багрова внука» и полные сочинения Языкова. «Жар-птица» вошла в эти сочинения, и потому я ее не купил отдельно.

Теперь мне нужны деньги, тебе также, и я не понимаю, что они там делают в Ичне, что не присылают. Боюсь, чтобы они не запутались в расчете, тогда плохо будет. А между тем я здесь уже нашел множество таких вещей, которых приобретение было бы очень хорошо. Напр[имер], камины вовсе недорогие и разные другие вещи. Я третьего дня отправил письмо к Фед[осию] Ив[ановичу], в нем я говорю, что в таком случае решусь приступить к киевским // постройкам, если сахарный завод и вместе Иченская экономия [отдельно] от сахарного завода даст мне дохода не менее 9000 рублей. Это потому, что 3600 рублей надобно тотчас отложить сестре, а 4000 руб. – в капитал, положенный маменькою на дом, итого 7600, и 1400 – на земляные работы. Если я и этого не получу, то будет сильная неудача. Я здесь лишнего не издерживаю, но нужно одеться. Часть платья я уже сделал, а нужно еще кое-что. Я думаю сегодня или завтра послать тебе телеграфическую депешу о деньгах и при сем удобном случае узнать о здоровье вас обоих. Когда бы только ты всю правду писала, мой милый друг. Обнимаю тебя от всей души и милейшего Бастистака. Дай, Господи, и Матерь Божия, чтобы вы были совершенно здоровы. Кланяйся Фед[ору] Фед[оровичу] и скажи, что дело идет не блестящим образом, но что мы с Алексан[дром] Васил[ьевичем] работаем неусыпно. Прочим знакомым кланяйся, тетушке скажи, что я у нее целую ручки.

Вот тебе в пустом месте еще анекдоты или, скорее, французские выдумки: quelle est la difference entre Alexandre II et Napoleon III? Alexandre

a approché les serfs, et Napoleon a asservi les Francs¹. Понимаешь? В Париже есть карикатура: Александр II подает Наполеону кнут и говорит: «tenez mon frère je n'en ai plus besoin»², а Наполеон за него хватается. Это недурно. Вот тебе и фельетон моего журнала. Обнимаю еще раз тебя и Павлуся. Маменька и сестра вас обоих целуют.

ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46112, 2 арк. (+ вірші І. Аксакова на 1 аркуші з обох сторін: «На 1858 год»; «Так торжественно прекрасно», «Слышишь: новому он лету»).

Друкується вперше.

---

¹ У чому різниця між Олександром II та Наполеоном III? Олександр взявся за кріпаків [щоб їх звільнити], а Наполеон поработив французів (фр.).

² Тримайте, брате мій, я в ньому більше не маю потреби (фр.).

С. Петербург, 12 марта 1858.№ 17^й.

Передо мною лежат два твои письма, бесценный мой друг, одно – от 1-го, другое – от 4 сего месяца, и полученные 2 дня одно после другого. Ты легко можешь себе представить, как я теперь беспокоюсь о наших материальных обстоятельствах. Не понимаю решительно, что делается в Ичне с этим отвратительным сахарным заводом! Вчерашняя твоя депеша в ответ на мою еще более показала плачевное положение наших финансов. Не знаю, что делать и что предпринять! Дела мои с некоторых пор, как я тебе уже не раз сказал, начинают приходить в какое-то расстройство тем, что все начало мне не удаваться. *C'est l'heritage de l'oncle qui m'a porté malheur*¹. Казалось, все шло на лад, и вот теперь, по-видимому, все опять // расстраивается. Предприятия не удаются, люди меня обманывают, и я все более и более убеждаюсь, что я очень неспособен к серьезным делам. Пока хозяйство шло дорогою рутинною, то кое-как было сносно, и только что я начал предприятия, как все более и более расстраивается. Теперь в отношении дел крайне нужно бы было мне быть дома, а, между тем, Бог знает, когда я буду, да, как вижу, так и присутствие мое не слишком мне помогает, когда я не умею делать, как люди делают. Зная меня, ты можешь себе вообразить, как эти обстоятельства меня беспокоят, и только одно непрерывное рассеяние меня хоть несколько успокаивает. Не говоря уже о том, что без денег мы ничего не сделаем, тут, в Петербурге, я уже нашел разные вещи, которых // приобретение было бы очень приятно, например, мраморные каминь, весьма недорогие. Я уже приторговал 2 для киевского дома и один для Сокиренец. Но об этом в другой раз.

Вот еще что меня удивляет: Парохонский пишет, что отправил деньги в Киев, где же они?

Воображаю, мой бесценный друг, моя милая Катечка, до какой степени тебе скучно, что я не могу возвратиться в Киев к празднику. Я даже не могу определить, когда приблизительно могу возвратиться. Члены съедутся только к празднику! Но, как ты сама говоришь, лучше уж разом отбыть все это и потом быть свободным. Теперь на близкое время вот мои планы: я намерен на страстной неделе говеть и, если даст Бог, приобщившись св. Тайн в четверг утром, в тот же день ехать в Москву; там пробыть первые три дня праздника и возвратиться в Петербург. Маменька уехала // 9-го числа. Она очень желала еще остаться, но сестра не хотела, чтобы не иметь неприятности с мужем, которого характер (между нами будь сказано) делается так раздражителен, что я начинаю за него серьезно бояться.

---

¹ Ця дядькова спадщина принесла мені нещастя (фр.).

Воображаю, моя душечка, как тебе было затруднительно участвовать в концерте, как ты, бедненькая, конфузилась. Романса Лизы трудно отыскать; весь разошелся, а вновь еще не напечатали. Он здесь делал *furor*.

То, что ты говоришь мне в письме 4 марта о том, какое значение имеет для тебя моя любовь в сравнении с роскошью и пр., – это все сильно трогает меня, потому что я знаю, до какой степени чужда фраз моя олицетворенная правда. Я целую сто раз твои милые строки. Боюсь, очень боюсь, что в отношении моего влияния здесь далеко не оправдываются твои ожидания. Здесь странно устроены люди. // Иногда кажется, что они душою и телом преданы благородным стремлениям, потом вдруг им мешают другие отношения: то служебные, то материальные, то вдруг собьет их кто-нибудь с толку, то переписка затянется. Ах, как трудно идет вперед великое дело! И все потому, что правительство не вполне чисто поступило.

Лев Викторович – тот же, что и был, но кажется, что в отношении Позена он переменялся, и это уже хорошо. Он говорит, что полтавская бумага – дрянь, а, между тем, защищает то, что в ней написано. Ответы мои готовы и на днях Léon, Позен и я будем призваны для объяснения дела в комитет второй инстанции, который подготавливает дела к большому комитету. Увидим, что будет, и до какой степени удастся мне защитить свои мысли и доводы.

Время провожу я по-прежнему: утром занимаюсь дома, потом езжу с визитами и потом обедаю всегда вне дома и вечер также. Теперь вот что, мой друг: так как мне не удастся приехать к празднику домой, то посылаю (и уже третьего дня отправлены) подарочки для вас обоих. Тебе посылаю часики Savonette. Не знаю, понравятся ли, но мне хотелось, чтобы ты имела порядочные часы. Твои не идут обое. Мне бы очень хотелось, чтобы ты откровенно сказала, нравятся ли тебе часы. Я думаю, что ты их получишь в одно время с этим письмом. Сколько я ни наблюдал, то эти часы с эмалью и бриллиантками все-таки больше употребляются. Павлусяке посылаю конюшню с лошадьми и повозками. Не знаю, как-то доедет. Хотелось именно послать ему эту игрушку. Скажи ему, пожалуйста, чтобы он играл ею и запрягал коней, и что карету я привезу или пришлю с обозом.

Прилагаю при сем список вещам, купленным у Петра Аркадьевича. // Ты знаешь, что мне редко удаются подобные аферы, потому что я не даю себе времени обсудить. Так и тут. Часы куплены выгодно, но зато мебель так тяжела, и транспорт до того дорог, что она мне придется дорога. Я не рассудил, что дубовая мебель очень тяжела, и в ней оказалось 63 пуда весу! Экой олух! Ну, что делать! Уж такова моя судьба. Сто раз буду покупать, и, кажется, дешево, а все дело окажется невыгодно. Постараюсь исправиться.

Этажерку розового дерева я купил для тебя и, если ты получишь все эти вещи раньше моего приезда, то этажерку приберй в гостиной. Посы-

лаю при этом и квитанцию подрядчика.

Твои родные все, слава Богу, здоровы. Вчера Лев Викт[орович] попотчевал нас превосходным обедом, за которым было говорено о *quarante et un*². //

Обнимаю тебя тысячу раз, бесценная моя Катечка; скажи Павлусяке, что я его крепко-крепко целую. Дай, Господи, чтобы вы оба были совершенно здоровы. Поручаю вас покрову Царицы Небесной. Еще раз обнимаю вас обоих.

Весь твой,
Г. Г.

Федору Федоровичу – мой самый дружеский поклон. Поведение Тарновских меня удивляет. Неужели они сошли с ума. Пожалуйста, говори всем, что Васильчиков женится по возвращении своем в Петербург.

Всем кланяюсь. У тетушки целую ручки.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. № 46111, 4 арк.

Друкується вперше.

---

² Про все (фр.).

С. Петербург. 14 марта 1858.

№ 18^я.

Что-то ты подельываешь, мой бесценный друг, все ли у нас благополучно? Что делает наш милейший Павлусяка, наш малюня бесподобный, совершенно ли он здоров и что делает? Каждое утро встаю я с этою мыслью, можно сказать, исключительно с нею, и каждый вечер с нею ложусь. И сколько уже дней прошло в нашей разлуке! Именно теперь, в конце 6-й недели, я думал быть уже в Киеве, а, между тем, сколько еще придется здесь жить! Сегодня особенно как-то грустно и отчасти, я думаю, от того, что сейчас пришел с гуляния у гостиного двора, где продают вербы, и там видел множество детей, и от этого мне стало тяжело.

Членов комитета еще нет, и прежде праздников [они] не будут. Ты мне пишешь, чтобы я более не переменял дня отсылки писем, а, между тем, я думаю переменить, потому что открыл, что электропочта одесская и на Киев идет по другим дням, следовательно, не удивляйся, если еще раз сделается неаккуратность в приходе моих писем.

Сейчас иду обедать к Ланскому, потом буду на большом концерте, а вечером – у гр. Шувалова, следовательно, ты видишь, что я рассеиваюсь порядочно.

15 марта. Обед у Ланского был отличный в отношении кухни, а потом, после обеда, был разговор, разумеется, все о том же. Нас за обедом было 15 человек, в том числе: Лев Викт[орович], Демьян Васильевич, губер[нские] предводители петербургский и орловский, два-три губернатора, Левшин, Милютин и пр. Разговор после обеда шел о выкупах // усадеб и еще более о наделе земли. Ланской оправдывался (тут губернаторов не было) в том, что он не мог написать циркуляров иначе, как он их написал. Он очень не красноречив, но нельзя не отдать ему справедливости в отношении искренности. После того Ланской объявил Льву Викт[оровичу] и мне, что он приглашает нас в понедельник 17 числа в земский комитет к Левшину в Министерство внутр[енних] дел для разъяснения различных вещей по Полтавской губернии; там приглашены также Позен и Джунковский. Если будут разбирать полтавский адрес и требовать объяснения в том, что для них кажется непонятным, то мое положение будет крайне затруднительное. Истину нельзя жертвовать ни в чью пользу, а между тем, как и высказывать вполне! Предавать перед правительством, так сказать, лицом к лицу с ним, свое сословие помещиков? Знаю, что я поставил себя на ногу довольно независимого человека, что имеет тут вполне свободу действия, но до какой степени нужно ею пользоваться? В комитете помещиков я бы не усумнился говорить прямо, открыто, но тут надобно действовать с крайнею предусмотрительностью. Я слишком уверен в истине моих убеждений, основанных на неопровержимых фактах. Высказать свои убеждения, опровергнуть ложь можно, но подумать надобно, перед кем я это буду делать? Перед прави-

тельством, которое не всегда действовало с правотою, да и Бог знает, и теперь как? А между тем, не могу я согласиться с большею частью доводов полтавских дворян, не могу молчать, не могу не высказать истины. Не думай, друг мой, // чтобы я слабел, чтобы я колебался, но я передаю тебе только затруднительное мое положение. Мне придется говорить в министерстве против Льва Викторовича, кроме того, эти господа, как он и особенно Позен, уже говорят давно про меня, что я увлекаюсь, что я вижу только одну сторону и пр., а потом скажут про меня с преувеличениями, что я говорил в министерстве против дворянства. Таким образом, я потеряю последний авторитет между дворянством. Пожалуй, и Шабельский не выберет меня в члены комитета, и все мое влияние в Чернигове улетит на воздух. Увидим, как удастся мне все это сделать, а между тем, перейдем к другому предмету.

Маменька пишет мне, что наш Ал[ександр] Ал[ександрович] Шеф[фер] приехал в Москву с тем, чтобы через 3 недели ехать за границу. Такое внезапное бегство меня очень удивляет и озадачивает. Он говорил мне в Сокиренцах, что остается до июня и теперь вдруг бросил свое место. Не буду спешить его осуждать; может быть, он принужден ехать с своим двоюродным братом Савичем, который был очень опасно болен. Как бы то ни было, хорошо ли он поступил или нет, а все-таки мы без доктора, что меня крайне беспокоит. Быть в нашей глуши без доктора. Подумай сама об этом. Надобно, чтобы наш друг Федор Федорович постарался для нас в этом случае. Я не буду жалеть для хорошего доктора, хорошего в смысле Меринговском, т.е. осторожного и не любящего давать лекарства. Я уверен, что он сам об этом подумает, // а между тем, напоминай ему почаще.

Какова-то у нас погода? Ты пишешь, что идут дожди. Это меня не удивляет, потому что и здесь тоже самое. Неделя уже, как ездят в дрожках. Правда, что это немного искусственно, потому что весь лед с улиц скололи и свезли, но, не менее того, климат здесь этот раз, кажется, хочет меня обезоружить. Более 17° не было во всю зиму, солнечные дни очень часто, и вот уже три дня, как в саду Михайловского дворца лоза покрылась маленькими барашками.

Твои все здоровы. Третьего дня мы праздновали именины Саши Кочубея, исключая его отца, который, по обыкновению, забыл и пригласил к себе товарищей. Я подарил Саше большую пушку.

Сегодня я буду у гр. Блудова, чтобы узнать, можно ли мне будет получить 750 руб. премии, назначенной Журавскому для передачи его жене, когда получу, то извещу ее. А между тем, вот в чем дело: Журавская поручила мне взять обратно из редакции журнала ее статью о муже ее. Но я забыл, из какого журнала. Сделай одолжение, повидайся с нею и, не говоря о том, что я забыл, узнай, в какой журнал она послала и напиши мне.

Обнимаю тебя, друг мой бесценный, моя душечка Катечка, от всего сердца. Павлусяку, милейшего малюню, целую с ног до головы. Дай, Господи, чтобы вы оба были совершенно здоровы. Защити вас Царица Небесная от всяких бед. Еще раз целую вас обоих крепко-крепко.

Твой верный друг Г. Г.

Приписано на берегах: Кланяйся всем и передай тетушке, что я целую ее ручки. Вчера я видел у гр. Шувалова князя Воронцова, который хочет всем своим крестьянам подарить грунты и по одной десятине земли. Он это объявил официально. На его месте я бы подождал немного.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46112, 2 арк.

Друкуються вперше.

*Потапов М. Портрет Павла Григоровича
Галагана. 1897 р. Полотно, олія.**

*Потапов М. Портрет Катерини Василівни
Галаган. Без дати. Полотно, олія.**

*Потапов М. Портрет Петра
Григоровича Галагана. 2-а половина
1890-х рр. Полотно, олія.**

*Юшкевич-Стаховський К. Ф.
Портрет Катерини Павлівни
Комаровської (у дівочтві – Галаган).
1839 р. Полотно, олія.**

---

* Світлина портретів родинної колекції Галаганів надані Чернігівським обласним художнім музеєм ім. Григорія Галагана.

Марія Полякова, няня
Павлуся Галагана.
Світлина середини
1850-х рр. ІР НБУВ, ф. 119.

Григорій Павлович
Галаган з сином
Павлом. Початок
1860-х рр. Світлина з
фондів Прилуцького
краєзнавчого музею
імені Василя Маслова,
№ 10014-15.

Поталов М.
Портрет
Катерини
Василівни
Галаган
(уродженої
Кочубей).
Друга
половина
1890-х рр.
Полотно, олія.

Дубровський П. А. Головна споруда палацово-паркового комплексу в маєтку Галаганів Сокиринці. 1825–1829-й рр. Парковий фасад. Світлина П. Брока, за часописом «Столиця і усадьба», 1914, № 24

Невідомий автор. Портрет Павла Григоровича Галагана. 2-а половина 60-х початок 70-х рр. XIX ст. Полотно, олія.*

* Світлини портретів родинної колекції Галаганів надані Чернігівським обласним художнім музеєм ім. Григорія Галагана.

Кабінет палацу Галаганів у Сокиринцях (на стінах – родові портрети).
Світлина П. Брока. 1901 р. Фонди Чернігівського обласного художнього музею ім Григорія Галагана, спр. 699.

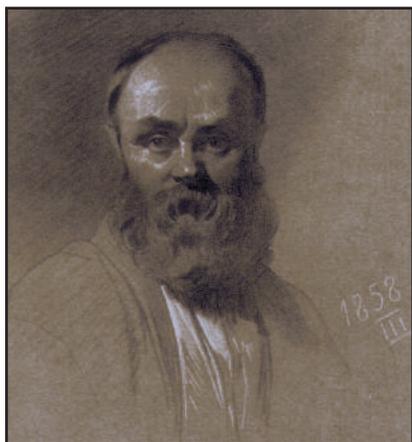
Частина кабінету палацу Галаганів у Сокиринцях (у кутку – бюст Павлуся Галагана роботи П. Забили). Світлина П. Брока. 1901 р. Фонди Чернігівського обласного художнього музею, ім Григорія Галагана, спр. 699.

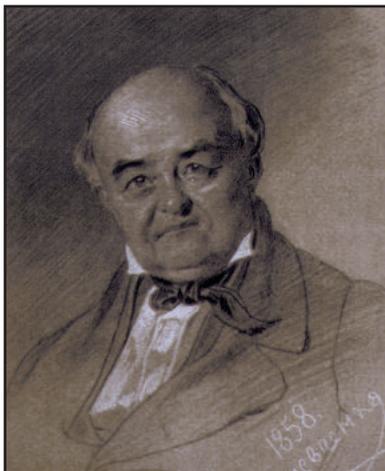
Дубровський П. А. Головна споруда палацово-паркового комплексу в маєтку Галаганів Сокиринці. 1825–1829 рр.
Центральний фасад.
Світлина П. Брока, за часописом «Столиця и усадьба», 1914, № 24.

Маєток Галаганів у селі Покорщина (зараз – у межах м.Козелець Чернігівської області). За виданням: 25-летіе Колегии Павла Галагана в Києве / под ред. А. И. Степовича. – Киев : Тип. Д. И. Чоколова, 1896.

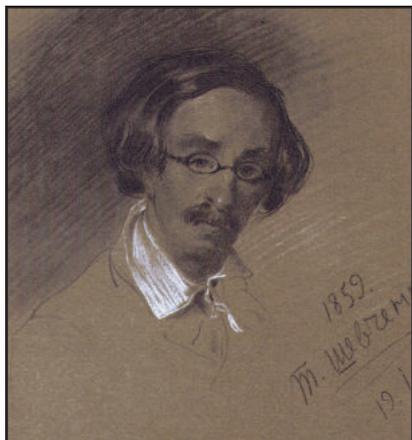

Т. Шевченко. Автопортрет. Італійський та білий олівець. 1858 р.*

Т. Шевченко. Портрет М.С. Щепкіна. Італійський та білий олівець. 1858 р.*

Т. Шевченко. Портрет М.О. Максимовича. Італійський олівець, крейда. 1859 р.*

Т. Шевченко. Портрет М.В. Максимович. Італійський олівець, крейда. 22.VI 1859 р.*

---

* Друк. за: Шевченко Т. Повне зібрання творів в 10 т. – Т. 10 : Живопис, графіка. 1857–1861. – К., 1963.

Петербург. 18 марта 1858.№ 19^й.

Как я уже в прошедшем письме моем писал тебе, бесценный мой друг, я переменяю сегодня день почты, потому что сегодня, во вторник, идет электропочта на Киев, а завтра – только легкая. Может быть, это письмо придет разом с № 18-м от 15 марта. Третьего дня я позволил себе успокоительное средство от тоски по вас обоим, я посылал депешу, которая, спасибо ей, привезла мне ответ через 4 часа! Благодарю милосердного Бога, если вы оба совершенно здоровы, как гласит депеша. Мне, особенно по утрам, бывает сильно скучно; ну да что делать, дотянем до конца это неизбежное лишение.

Вчера был у нас комитет все еще не о межевании, а для рассмотрения полтавской бумаги. Комитет был под председательством Ланского, два члена были – Левшин и Милютин, докладчик – Соловьев. Приглашенные были: кн. Лев Викторович, Позен, кн. Голицын Сергей и я. Разбирали один пункт за другим, все изложенные полтавским дворянством препятствия. Лев Викт[орович] и Позен защищали эти пункты, а я опровергал! Да, друг мой, пришлось говорить правду, как человеку вполне независимому и твердому в своих убеждениях. Далеко не всю правду высказал я, потому что это бы было неприлично, показалось бы пристрастно и тем потеряло бы свою цену. Лев Викт[орович] посердился, но я на это сказал, что я совершенно понимаю затруднительное положение губ[ернского] предводителя в этом случае, потому что он обязан говорить по совести и, вместе с тем, быть органом своего дворянства, но что я считаю себя в // обязанности говорить правду, коль скоро меня об этом спрашивают. С Позеном приходилось во многом спорить, и даже с кн. Голицыным. Результатом наших прений было то, что все почти пункты адреса сочтены сглаженными и не требующими быть представленными государю, которому представляют только то одно обстоятельство, что с полтавских помещиков не потребуются постоянного надела земли крестьянам впредь до размежевания. Это все, разумеется, сделалось деликатным образом, и по окончании заседания я спросил Льва Викторов[ича]: *s'il ne t'en voudrait pas*¹? Он уверяет, что нет. Пожалуйста, об этом всем не рассказывай никому, потому что я могу быть поставлен в весьма неловкое положение, а просто скажи, что был комитет, которым я остался доволен, но что подробностей не пишу. Придется, может бы[ть], так же действовать и с черниговским дворянством. Разумеется, я делаю это по долгу честного человека, но этим не приобретается популярность в своей стране, а без популярности нет и влияния. Лучше бы гораздо действовать путем влияния, чем путем противодействия. Но что же делать, когда так случилось; уж видно, такова моя судьба. Можешь себе представить, что скажут

---

¹ А якщо вони не захочуть мене (фр.).

полтавские дворяне, когда им расскажет Позен о всем происходившем в комитете. Они меня назовут изменником, хотя это не измена, потому что я в их рядах никогда не был.

Grande nouvelle¹! Кажется, что у нас будет новый министр народного просвещения. На днях государь призывал к себе Норова и за что-то очень строго его выговаривал, после чего он подал в отставку, и на место его, кажется, будет московский попечитель Ковалевский, который уже вызван из Москвы. Не знаю, как // будет он хорош. Для меня все равно, но для министерства, вероятно, будет лучше. Не знаю, каково будет для Николая Романовича, потому что решительно не помню его отношений с Ковалевским.

Из депеши твоей я увидел, что Бессонов согласен на Гнилицу, но я еще не пишу к нему, во-первых, потому, что не знаю его имени, и, во-вторых, не имею еще ответа от Фед[осия] Ив[ановича]. Если он не обиделся моим предложением Бессонова в Гнилицу и если понял, что отец его оставаться в Гнилице не может, при том же, если Фед[осий] Ив[анович] согласится быть моим секретарем на предложенных мною условиях, то я этому всему буду очень рад. Жду всего этого с будущей почтою. Если ты наконец получишь деньги, неприсылка которых меня сильно беспокоит, то пошли Шенингу 150 рублей. Больше, кажется, и не следует.

Письмо твое от 7-го числа я получил третьего дня, и оно-то более всего и навело на меня сильную грусть. Ты говоришь о том, как ты обрадовалась, получив надежду видеть меня к праздникам. Бедная моя душечка, моя милейшая Катенька, недолго ты радовалась этою надеждою. Как тебя благодарить за всю твою привязанность ко мне! Ты просто ангел доброты, да и только. Скажи, пожалуйста, Павлусяке, что и я очень без него скучаю, беспрестанно о нем думаю, воображаю его то в жупане, то в кобеняке и шитье, то в рубашечке, во всяких видах. Целую его крепко-крепко.

В ответ на твои вопросы скажу, что картина Жемчужникова уже продана, не знаю почему. Но мне и вовсе не жаль. «Багрова» и Языкова я тебе давно выслал, а что касается до «[Русского] худ[ожественного] листка», то виноват! забыл о нем. Сегодня же я поеду в редакцию и о всем узнаю и подпишусь. //

В Чернигове квартиры не нужно нанимать раньше августа, потому что комитеты у нас раньше осени не откроются. Но что будем мы делать, если придется зиму провести в Чернигове. Я содрогаюсь при этой мысли не в отношении скуки, ибо мне не может быть скучно с вами, а когда думаю, что в Чернигове нет ни домов, [н] и хорошего доктора! Если наш бесподобный Фед[ор] Фед[орович] уедет за границу, то я не знаю, что и делать. Когда думаю об этом, то голова кружится, и я готов бросить все и ехать туда, куда поедет Фед[ор] Фед[орович]. Ты знаешь меня и пове-ришь этой готовности.

---

¹ Грандіозна новина! (фр.).

Скажи Alexandrine, что я на нее сержусь за ее дурачества. Она играет с огнем, да даже не с огнем, а Бог знает с чем, и не знает, что может себе всю будущность погубить. Что за диковина, что влюбился студент, который при том приходится ей по пояс! Ей надобно устроить свою жизнь, а не забавляться глупостями мальчика. Если бы она была в него влюблена, то это дело другое, я любовь уважаю, и она все извиняет, но ведь впереди всего была не любовь, а другое чувство. Теперь, может быть, и привязалась, но и отвязаться в таком случае не грешно. Ты ей все это передай от меня. Пусть думает о Киселевском, и если не противен, то и под венец.

Как ты уже знаешь, я говею и в четверг намерен ехать в Москву. Квартиру свою оставляю за собою. Обнимаю тебя, бесценный друг, крепко-крепко и прижимаю к сердцу любящего тебя, как только можно любить. Павлусяку, малюню, целую тысячу раз. Сохрани вас обоих Мать Божия под своим покровом. Дай, Господи, вам обоим благополучия. Фед[ору] Фед[оровичу] скажи, что я его обнимаю и соскучился и без него. Тетушки целую ручку, всем кланяюсь. Весь твой, Г. Г.

Приписано на берегах: все твои родные здоровы и говеют. Тетенька совсем даже не обедает, и обед без рыбы, что для Алекс[андра] Вас[ильевича] и для меня был сюрприз, и мы оба ворчали.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46114, 2 арк.

Друкується вперше.

Москва. 23 марта 1858 г.

№ 20^й.

Христос воскрес!

Поздравляю тебя, бесценная моя Катенька, и тебя, мой милый, чудесный Павлусь, с Великим Праздником. Дай Бог вам проводить его здоровыми и благополучно и чтобы еще много-много раз пришлось вам и мне встречать этот день, только не в разлуке, как случилось теперь, а вместе, неразлучно. Мысленно христосуюсь с вами обоими, мои милые, и нечего и говорить вам, сколько вы мне недостаете, особенно в такой день! Ожидаю от самого утра телеграфической депеши, но до сих пор тчетно, и от этого еще скучнее.

Надеюсь, мой милый друг, что ты вчера же получила мою депешу, которую я отправил часа два по приезде моем сюда. Поездку мою я совершил, слава Богу, совершенно благополучно и даже довольно приятно. Как я писал тебе в моем последнем письме, я на той неделе говел, но выехал не в четверг, как предполагал, а в пятницу, потому что слишком устал и хотел отдохнуть. В среду после обедни я был у Муравьева, которому дал отчет о прочтенных мною по его поручению делах, и мы много говорили о межевании. Он хочет открыть комитет в начале Фоминой недели и окончить дело двадцатых чисел апреля. Когда бы так! Уж верно я лениться не буду. Лишь бы скорее выбраться из Петербурга и лететь к вам без оглядки. Ты спрашивала меня несколько раз о том, ожидать ли тебе меня в Киеве или ехать в Сокиренцы. // Я думаю, что, во всяком случае, если только занятия мои позволят мне быть дома в начале мая, то лучше тебе дожидаться меня в Киеве по следующей причине: мне почти необходимо быть в Киеве для наших построек, и, при том, я оставил там все мои дела; но, главное, для построек. Чем мне, приехавши в Сокиренцы, опять бросать вас (на что почти нельзя будет решиться) и ехать в Киев, гораздо лучше проехать прямо в Киев и там, в два-три дня окончивши дела, ехать с вами вместе, или по имениям, или прямо, как придется. Признаюсь при том, что я гораздо буду спокойнее, если вы будете в Киеве, чем в Сокиренцах без меня.

Насчет построек, хотя ты меня и спрашиваешь, но я ничего не могу сказать, не узнавши прежде, каковы будут результаты сахарного завода, о которых продолжается непонятное и сильно беспокоящее меня молчание. Решительно не знаю, что они там делают.

В последние дни, что я был в Петербурге, было много новостей. О замене Ковалевским Норова ты уже знаешь. Говорят, что на место Ковалевского будет в Москве гр. Уваров, и что кн. Вяземский хочет подать в отставку, и на место его будет кн. Щербатов. Этот выбор будет хорош.

Брок сменен, и на место его назначается министром финансов Княжевич. Выбором этим не все довольны: говорят, что он человек рутины и притом будет в руках откупщиков. По мнению многих в Петербурге,

Сухозанет держится на волоске, и думают, что на место его военным министром будет князь Виктор Васильчиков. Это также желательно. Еще // нужно бы сменить гр. Панина, который противится реформам судопроизводства и за которого заступаются дядюшки, да еще гр. Закревского, который остался только в хорошем мнении у моих милых московских хозяев.

Всех твоих я оставил здоровыми. Я с ними вместе приобщился у Бутурлиных, очень поздно, почти в час. Лизавета Михайловна больна лихорадкой, и я ее не видел. Напиши когда-нибудь к Tatu Строгановой. Ехал я, как я тебе говорю, хорошо: погода была прекрасная, а притом я ехал с известным Чичериным (писателем), с которым много имел интересных разговоров. Встретил я праздник не вполне удачно. Мне давно хотелось быть в полночь в Кремле.

24-е марта. Письмо мое было прервано полученною от тебя депешою, милый друг, а потом разными посетителями. Депешою я не совсем доволен. Она написана так, как будто бы ты спешила. Даже моей фамилии нет. О себе и Павлусе просто сказано: «мы здоровы»; при том ничего не сказано о том, получила ли ты мою депешу третьего дня? Все это заставляет меня беспокоиться и передумывать в голове разные разности: здоровы ли вы оба? Все ли у вас благополучно? Если бы не было стыдно перед другими, послал бы сейчас депешу на имя Меринга или Фед[осия] Ив[ановича] с требованием, чтобы сказали всю правду. Буду надеяться на Господа милосердного. А все-таки сердце не на месте!

Продолжаю рассказ. Зрелище в Кремле великолепное: площадь между соборами напоминает эти площади востока, и кое-где собирается парадный форум. Группы народу со свечами ходят взад и вперед. Все в ожидании. Освященные белые соборы со всех сторон и Иван Великий рисуются на черном своде неба. Вдруг ударяет большой колокол, но что это за гул! Его, кажется, чувствуешь во всем теле. За ним начинается звонить вся Москва. Через несколько времени начинают выходить из соборов – Архангельского и Благовещенского – процессии и // обходят кругом своих церквей. Из Успенского выходит митрополит с духовенством и также обходит. Я любовался этим зрелищем, как вдруг толпа нас стеснила, завертела и когда выпустила из своих тисков, то я был без porte-monnaie, а Моисей – без часов. Ивана Аксакова, который был со мною, не обидели или же он не признается в том. Я поспешил поехать в церковь к своим: они встречали праздник в церкви гр. Шереметева. Но я не застал уже заутрени и слушал обедню. Этот год не удалось слышать заутрени. Разговлялся как-то неловко: немного ночью, немного днем. То ли дело с тобою у нас в Киеве.

В последнем твоём письме ты говоришь, мой друг, что Павлусь теперь очень стал любить, чтобы ему читали, и он слушает. Надеюсь, что ты никак не будешь во зло употреблять этой его охоты. Ты знаешь, что

нехорошо занимать голову ребенка, который и без того имеет склонность к рассуждению. Ради Бога, думай об этом постоянно и читай ему, но очень редко, чтобы никак не заставлять его размышлять. Обращай главное внимание на его физическое состояние, чтобы оно развивалось, и потом на его нрав, на характер, чтобы не развивался эгоизм и зависть; что же касается до умственного развития, то спроси у Фед[ора] Фед[оровича], что он об этом говорит. Я совершенно надеюсь на твое благоразумие, что ты непременно будешь думать, как вести нашего бесподобного, бесценного Павлуся.

Обнимаю тебя и малюю от всей души, крепко-крепко. Молю Бога о вашем совершенном здоровье и поручаю вас покрову Матери Божией.
Весь твой, Г. Г.

Поздравь от меня Фед[ора] Фед[оровича], Фед[осия] Ив[ановича], Алекс[андру] Григ[орьевну], Гессе, Ребиндера, Юзефовича и пр.

Отдай Павлу Ивановичу [Гессе] табак, для него спрятанный. Спроси у Семена.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46115, 2 арк.

Друкується вперше

С. Петербург, 28 марта 1858 г.№ 21^й.

Сейчас только приехал сюда обратно, бесценный мой друг, и берусь за перо, чтобы написать тебе хоть несколько слов, потому что большого письма написать не успею. Вместе с этим письмом я отправлю тебе и депешу, чтобы тебя известить о моем приезде и о вас скорее узнать. Ах, если бы только ты всю правду говорила, если бы ничего не скрывала от меня! Ты знаешь, сколько я имею предрассудков, часто глупых, но всегда сильно меня тревожащих, когда дело идет о ком-нибудь из вас. Вообрази себе, что сейчас принес Александр портрет твой с Павлусем, и на нем лопнуло стекло. Знаю, что подобная же вещь случилась // когда-то с портретом маменьки, и все, слава Богу, обошлось благополучно, но страх невольный, непреодолимый. Молю Бога, чтобы вы оба, мои милые, были совершенно здоровы. Но когда бы знать правду, а то ведь, как знать, не скрываешь ли ты чего? Я и без того сегодня с каким-то особенным стеснением сердца въехал опять в Петербург при мысли о том неопределенном времени, которое придется мне здесь пробыть. Что за испытание! Я, право, теряю терпение. Ну да нечего делать, надобно приниматься за работу и других еще подвигать, лишь бы скорее кончить.

Я, слава Богу, здоров физически совершенно и совершил переезд // с В.Д. Борковским, который приехал в Москву в то время, как я там был. Меня удерживали все еще на день в Москве, но я уехал, чтобы здесь не терять времени. О моем пребывании в Москве теперь подробностей писать не буду, тем более что до того не в духе, что и в голову ничто не лезет. Поэтому извини меня за короткое письмо. Не хочу, мой милый, бесценный друг, наводить на тебя тоску, а иначе и писать не могу. Отправивши это письмо и депешу, дам себе маленький отдых и потом поеду к нашим. Может быть, на днях хоть приблизительно можно будет определить, сколько времени мне здесь быть. Во всяком случае, я надеюсь, что твоя четырехместная карета будет готова к 1-му мая, // и что мне, уже освобожденному, можно будет ехать в ней из Москвы прямо в Киев.

Обнимаю тебя, друг мой Катечка, от всей души, крепко-крепко. Павлуничку нашего милейшего обнимаю и целую с головы до ножек. Поручаю вас обоих, более чем когда-либо, святому покрову Царицы Небесной и молю Бога милосердного о вашем здоровье и благополучии. Еще раз обоих вас целую. Буду ждать депеши нетерпеливо, да когда бы там вся правда была!

Весь твой,
Г. Г.

Петербург. 1-го апреля 1858 г. ¹

№ 22^й.

В промежуток времени между двумя моими письмами я получил два твои письма, мой бесценный друг, и теперь приходится тебе писать длинное письмо, и в ответ на твои, и о Москве, о которой почти не говорил еще, и о разном прочем. Сначала, чтобы не забыть, то в ответ на твои письма скажу следующее: я совершенно готов взять Страдецкого к нам, если только Фед[ор] Фед[орович] его сколько-нибудь испытал. В этом я на него надеюсь, что он по первому впечатлению ничего не сделает и что основательно исследовал образ мыслей Страдецкого насчет медицины. Ведь Шефферу надобно в этом случае отдать справедливость. Я напишу и Фед[ору] Фед[оровичу] об этом же. Насчет Бессонова ты сколько раз мне пишешь, а между тем не написала до сих пор, как его зовут. Я бы давно ему написал. Ради Бога, придержи его еще немного, во всяком случае он будет иметь место у нас. Я удивляюсь, что Фед[осий] Ив[анович] мне не отвечает; мне его ответ необходим, потому что я пишу о его отце и, вместе с тем, предлагаю ему быть у меня секретарем. Странно, что он молчит. Ты говоришь, что он весел, стало быть, доволен. Если ты совестишься у него спросить про его отца, то, по крайней мере, спроси у него, отчего он не отвечает на мое предложение насчет его самого. Бессонову скажи, что на днях он получит письмо от матушки, которая тогда ему напишет, когда распорядится с старым Дейкуном. А все-таки, очень неловко, что мы не знаем имени Бессонова.

О Подруцком и Войцеховском вот что тебе скажу: там что-то очень неладно; как я тебе писал, я имею причины думать, что Подруцкий далеко не оправдает // наших надежд. Что-то и сахару до сих пор мало, и денег нет. В подтверждение всего этого я получил письмо от Войцеховского, который мне пишет, что он по долгу благородного человека и пр., и пр. обязан мне объявить, что дела сахарного завода поведены так, что я почти никакого дохода не получу, и приводит несколько доказательств. Он говорит, что все деньги (13 000), обещанные в возврат экономии, останутся невозвращенными. Ведь это, наконец, может привести человека в отчаяние и может доказать, что я не умею вести моих дел. Меня в Ичне что-то преследует, и я знаю, что именно, уж как ты там не говори. Скажи же, могу ли я после этого прогнать Войцеховского? Если он солгал, тогда я ему немедленно откажу, а если нет? Тогда я останусь с Войцеховским и с убытком от Подруцкого. Пожалуйста, передай об этом Фед[осию] Ив[ановичу]. Если бы я был в Киеве, я бы его послал сделать следствие, это было бы и для него хорошая практика.

Буфетчик в Москве один мне понравился, и мы думали с маменькой взять его в дворецкие по дому только, а Данила опять возвратить в буфет. Но дорого хочет, 25 рублей. Если уступит за 20, то возьмем.

---

¹ Уривок з листа опубліковано у виданні: Т.Г. Шевченко в епістолярії відділу рукописів / Упоряд.: М.П. Візир (керівник) та ін. – К. : Наукова думка, 1966. – С. 25.

Журнал «Сел[ьское] благоустройство» будет тебе высылаться, как я уже распорядился в Москве. Кошелева в Англ[ийском] клубе хотели на черную доску записать за этот журнал. Я собираюсь, если успею, туда поместить статейку. Одно нехорошо: цензура начинает притеснять всех противников эмансипации, и это имеет дурное влияние: противники торжествуют, говоря, что они преследуемы, а слова защитников теряют всю цену, потому что остаются без возражения. Я теперь везде говорю, чтобы это изменили, а то и писать не хочется. У нас вечно крайности. //

На «Журнал землевладельцев» подпишусь с высылкою тебе. «Парус» позволен, но еще не скоро поплывет, и его появление мне кажется натянутым. Нашей публике еще нужны журналы, как «Весельчак»: видели? Вообрази, что у него 12000 подписчиков.

Если Желтоновский кончил образа, то, пожалуйста, узнай, что нужно доплатить, и вышли, доплативши за них, в Сокиренцы. Кажется, обо всем отвечал тебе.

Не знаю, друг мой, хорошо ли ты делаешь, что имеешь обо мне такое высокое мнение, особенно насчет моей пользы здесь, в Петербурге. Я бы мог более сделать, если бы приготовил себя прежде к истинному труду, но в этом случае я себя испортил давно: удивительно, как я способен разбрасывать и рассеивать мои занятия на разные предметы, и как мало у меня истинного и необходимого сосредоточения. Эта беда преследует меня во всю жизнь и парализирует все лучшие мои намерения, в существовании и в искренности которых я не отказываюсь. Итак, не хвали меня, моя Катенька.

В Москве я разделил время между моим семейством и славянофилами. Маменька, слава Богу, довольно в хорошем состоянии, только нога пухнет и беспокоит. Павлу Евграфов[ичу] стало гораздо лучше во всех отношениях от лечения холодною водою, которое он предпринял. У славянофилов я проводил время весьма приятно. Максимович дал нам обед на Благовещение по случаю возвращения Шевченка. Наш поэт сильно переменялся, постарел; над его широким лбом распространились лысины, густая борода с проседью при его глубоком взгляде дает ему вид одного из мудрых наших дидов-пасечников, к которым часто приходят за советом. Обедали у Максимовича: Кошелев с женою, два Аксаковых, Хомяков, Погодин, Шевырев, Бартенов, старушка Елагина и старик Щепкин. За шампанским // Максимович прочел премилые стихи в честь Шевченка, в которых сказал, сколько он недоставал для Украины. Между прочим, там он говорит, что без тебе:

«Твои думки туманами по лугах вставали,
Твои слезы росицею по степях спадали,
Твои писни соловейком в садах щебетали!»

Не правда ли, прелестно. Старик Щепкин навзрыд плакал, он ширый малороссиянин. После обеда Шевченко прелестно пел с женою Мак-

симовича. А москалі слухали хорошо, потому что все хороший народ. Кажется, что Шевченко во многом переменялся к лучшему. Он теперь здесь и будет состоять при Академии художеств.

Но перейду к Петербургу: как я уже писал тебе, я ехал сюда вместе с В.Д. Борковским и убедился, что, хотя мы не во всем можем с ним сойтись, но что оценка, сделанная В.В. Тарновским его, и легка, и неосновательна. Он во многих отношениях очень здраво судит, например, он всею горою стоит за выкуп усадеб в собственность крестьян, но выводит юридически, что собственность может быть условная. Итак, крестьянин будет владеть усадьбою вечно и потомственно, но с условием, что, если бы он вышел из того села, то не иначе может продать усадьбу, как с согласия помещика своему односельцу или самому помещику. Разве это худо? Я давно с этим соглашался и считаю, что на первых порах нельзя без этого обойтись. Все, что Борковский писал в Чернигове, было, чтобы получить согласие дикого дворянства, а он думает иначе. Правда, что в нем нет сердечного участия к народу, но что же, я в этом с ним и не сойду, а во многих отношениях он человек весьма полезный, и В.В. Тарновский судил по первому впечатлению, как это часто с ним случается.

Троциною я очень доволен. Родзянка, отец студента, человек пустоватый. // Влад[имир] Ив[анович] Туманский еще не приехал, и мы без него обойдемся. Наконец сегодня открывается наш комитет о размежевании. В воскресенье нас всех сзывал к себе Муравьев. Много с нами толковал, во многом уступил в прежних мыслях, и, кажется, что дело пойдет на лад. Мы будем иметь 4 заседания в неделю и готовы все работать, как воли, лишь бы скорее кончить. После двух заседаний, я думаю, мне можно будет уже приблизительно сказать, когда можем окончить. Я передам тебе в одном из будущих писем мои главные мысли насчет размежевания, в котором человеческая сторона играет важную роль.

Помешали мне писать, и я должен окончить письмо, чтобы не опоздать на почту, как пишет всегда Marie. Вчера я обедал у Милорадовичей со всеми твоими родными.

Все, слава Богу, здоровы и веселы. Только больна Лиз[авета] Мих[айловна] Бутурлина, и довольно опасно. Погода все эти дни была отвратительна, сегодня, кажется, лучше. Не знаю, успею ли написать Мерингу. Если нет, скажи ему о Страдецком, что я пишу. Весьма рад, если часики тебе понравятся, но не на словах, а на деле. Воображаю, как наш милейший Павлусяка играет с своей конюшнею. Карета для него заказана нарочно, потому что такой не нашел, какую я хотел. Обними и расцелуй за меня нашего бесподобного душечку.

Тебя, милый друг, целую крепко-крепко. Дай, Господи, и Царица Небесная, чтобы вы оба были совершенно здоровы и благополучны. Всем кланяюсь.

Весь твой,
Г. Г.

Петербург, 4 апр[еля] 1858.№ 23^я.

Этот раз и я, друг мой бесценный, беру небольшой лист бумаги для письма к тебе, потому что не успел бы наполнить большой. Я говорю «и я», потому что последнее полученное от тебя письмо от 25 марта было очень коротенькое. Несмотря на то, что никаких особенно интересных вещей нет, о которых можно бы распространиться, с тобою я всегда найду, о чем поговорить, но мне в этом помешали. Вчера вечером я кое-кого пригласил к себе, разговор был оживленный и продлился до 3-х часов почти, а сегодня заспался.

Все у нас идет по-прежнему, только третьего дня приехал Влад[имир] Ив[анович] Туманский с такими мыслями и понятиями, что придется сильно с ним спорить, а это прескучно. Пока дело идет // в гостинной, то еще ничего, пусть себе болтает, но в комитете – дело другое, там надобно будет его останавливать. Троциною я до сих пор очень доволен; он тверд в своих убеждениях и гораздо смелее говорит, нежели я предполагал. Кажется, что из членов с одним им придется идти рука в руку. Приехал и Самарин и остановился в той же гостинице, что я, т. е. у Клея. Он привез новую статью, которую не хотят пропускать, и в которой доказывает, что, как усадьбы устроены крестьянами и поэтому только получили ценность, и как усадьба без земли может только стеснять человека, то гораздо лучше не выкупать вовсе теперь усадьбы, а через несколько времени дать // выкупить усадьбу с землею, пожив начало этого выкупа уже теперь. Но довольно об этом.

Твои все здоровы и веселы. Известия из По хороши, погода дурная, часто идет снег, воздух резкий, а у нас? Я думаю, уже начали перекликаться в лужах мои приятельницы, меланхолические лягушки. Ах, как я чувствую отсутствие весны! Оно прибавилось теперь к чувству разлуки с вами, мои милые, и одни только занятия способны все это заглушить. Что-то поделываешь ты и наш Павлусяка? Совершенно ли вы оба здоровы?

Может быть, на днях спрошу у тебя по депеше.

Пожалуйста, удерживай Бессонова, который нужен будет во всяком // случае, как ты видела из предыдущего письма.

Говорила ли ты кн. Васильчикову, что я писал тебе с большим сочувствием и сердечною благодарностью о его заметках к адресам его губерний. Видны в таких случаях благородные люди. Спасибо ему.

Обнимаю тебя, милый друг мой, от всей души. Малюню, бастистака, целую тысячу раз. Да сохранит вас Господь милосердый и Царица Небесная в совершенном здоровье и благополучии.

Кланяйся тетушке и прочим. Скажи кн. Дабиже, что доверенность вышлю около 7-го числа.

Весь твой,
Г. Г.

С. Петербург, 7-го апр[еля] 1858 г.

№ 24^й.

Я имел наслаждение получить вчера утром твое длинное и чудесное письмо, бесценный друг мой, от 28-го числа, с милейшею припиской Павлусяки, который благодарит меня за конюшню, а я сто раз целую милую рученьку, которая это писала, и ту ручку, которая водила маленькою ручкою. Ты, друг мой, только слишком меня хвалила, и, право, это нехорошо. Я иногда (только редко) по просьбе тетеньки даю читать ей твои письма, когда в них нет секретов, и всякий раз истинно совестно.

Наши комитетские дела идут порядочно. Мы имели уже 4 заседания, дело подвигается, и должно надеяться, что, если не встретиться особенных обстоятельств, то мы можем кончить нашу работу в конце этого месяца. Туманский до сих пор мало мешает, потому что его прибрал к рукам Борковский. Я не во всем схожусь с Борковским, потому что на многие вещи он смотрит совершенно иначе, чем я, хотя я и не могу громко выразить моих мыслей, чтобы окончательно не забросали камнями. Так, напр[имер], Борковский хлопчет и работает как представитель дворянства и, следовательно, защищает сословные интересы, тогда как для меня в душе решительно не существуют сословные интересы, и даже не понятны. Для меня одна цель, чтобы всем было сколь возможно лучше и чтобы один не жил на счет другого, а кто он? дворянин или мужик, для меня в душе совершенно все равно. Этого не всякому можно говорить; даже в Почтамтской у наших добрейших стариков нельзя ни о чем таком даже заикнуться. Недавно Алекс[андр] Вас[ильевич] сделал мне у себя выговор за мои мысли, говоря, что он серьезно // этим огорчается. Что в этом случае делать? Я поцеловал его в его лысину, попросил, чтобы он успокоился, и ушел. Я уверен, что его настроил Туманский, с которым я спорил о способе оценки усадеб. Я избегаю высказываться, сколько возможно, но теперь по двум-трем словам видно, к какому направлению принадлежит человек. Утомило меня все это! И я с сильным нетерпением жду блаженного времени отдыха возле тебя и Павлуся.

Итак, милый друг мой, наконец история Иченского сахарного завода объяснилась. Я еще раз обманут, дела заводские поведены отвратительно, я без денег, и Войцеховский прав. Вообрази себе, что Подруцкий и компания повели дела таким образом, что, за продажею сахара, останется, может быть, довольно денег, чтобы расплатиться с долгами, которые они там наделали, а возратить Иченской экономии 13000 не только не могут, но еще у нее займут. Опять неудача, которая в этом предприятии преследует меня упорно. Чья вина? Слепого счастья или моя? Разумеется, моя! Так бы я сказал о всяком другом, так должно сказать и о себе. Как бы то ни было, а результат таков, что мы должны себе отказать во многих предприятиях, которые позволяли себе делать, как, например, постройки в Киеве, о которых и думать нечего, потому что завод не воз-

вратил мне даже 4000 руб., принадлежащих дому. Претензии наши с тобою были, кажется, скромны, но, что делать, и те мы должны отложить в сторону. Виноват, друг мой, и пред собою, и пред тобою. Уж такая твоя судьба, чтобы считаться богатою женщиною и не быть в состоянии удовлетворить свои претензии, столь скромные в сравнении с требованиями других. Признаюсь, когда я получил отчеты третьего дня и убедился в жалкой действительности, то в // первые минуты мною овладели и досада, и стыд, но потом, когда я начал рассуждать, я подумал: не есть ли это, в самом деле, игра судьбы. Меня упрекают, что в деле эмансипации я поступаю неосмотрительно, как человек богатый, который не чувствует пожертвования, потому что имеет избыток, что я не думаю о других. И тут судьба хочет и меня включить в категорию этих других, чтобы очистить меня от эгоистической неосмотрительности в этом случае, если она есть. Так-то, друг мой! Пойдут ли лучше когда-нибудь мои дела, столь испортившиеся после получения мною этого наследства? Не знаю, и, право, в настоящее время так занят другими делами, что не могу вникнуть в свои собственные, дать себе отчет в них и придумать лучший отчет. Если бы кто-нибудь согласился взять завод в аренду, я бы с радостью отдал, тем более, что работа крестьян будет приведена в законные пределы, которые нельзя будет никому безответно нарушить. Прошу тебя, передай Фед[осию] Ив[ановичу] о миллом Подруцком и скажи, что я поставлен в такое положение, что должен отказаться от построек и иметь удовольствие видеть пред собою отрезанную гору, которая будет мне о них напоминать.

8 апр[еля]. Твои все, слава Богу, здоровы, известия из По продолжают быть хороши, и Бутурлиной лучше. Весна, как я вижу из твоего письма, очень нехороша у нас, а тут – ниже всякой критики; редко два дня бывают похожи, то сделается довольно сносно, то вдруг пойдет снег, подует холодный ветер, и опять все испортится. Сегодня, кажется, ровно три месяца, как мы с тобою расстались, мой бесценный друг. Три месяца без тебя и Павлуся казались бы мне невероятны, а между тем, вот они и прошли, и еще, вероятно, пройдет один. Ничего теперь так не желаю, как отдыхать с вами под тенью сокиренских дубов. Когда бы уж скорее! // Сколько раз писавши, забываю об одной вещи. Сделай милость, немедленно по получении этого письма спроси у Грабовского, выписал ли он для меня 10 пудов люцерны, как я его просил, от Бобринского, если нет, то прошу его, чтобы он немедленно выписал, а ты, пожалуйста, отправь с тем, чтобы из 10-и пудов 3 пуда отправили в Кунашевку. Употребь хоть Фед[осия] Ив[ановича], только, пожалуйста, обделай это дело. Я совсем забыл и утерял время посева.

Новостей особенных нет, а есть толки о новых министрах. Ожидают много перемен к 17-му числу. Крестьянское дело подвигается по-прежнему, 25 губ[ерний] подали адреса, и 3 дня тому назад прошли через

высший комитет. Полтавская губерния, кажется, благополучно. Кн. Сергей Кочубей возвратился из Нижнего [Новгорода] и говорит, что там дело очень плохо идет; никак не придумают, что делать. Он предлагал своим людям выгодные условия, но они отказались.

Однако до свидания, пора перейти к другим письмам. Обнимаю тебя, моя душечка, от всего сердца. Павлусяку целую крепко-крепко. Молю Господа милосердного, да сохранит Он вас в здоровье, мои милые сокровища, и да защитит вас от всех бед Царица Небесная.

Кланяйся, кому заблагорассудишь.

Весь твой,
Г. Г.

ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46119, 2 арк.

Друкується вперше.

*С. Петербург, 11-го апреля 1858 г.***№ 25!**

Думали ли мы, мой бесценный друг, расставаясь с тобою, что мне придется написать тебе 25 писем! А вот, однако же, сегодня 25-е. Такова уж наша судьба, и мы ее, слава Богу, выдерживаем как должно. Дай, Господи, докончить все это благополучно и заслужить мирный отдых с вами, мои милейшие. Отдохнуть и телом, и душою. Там, где так много всякого дела, и общественного, и своего, и специального, там бывают минуты светлые, бывают и мрачные. Нельзя ни в чем вполне обеспечиваться, успокаиваться, надобно всегда быть готову ко всему. Великий вопрос, подвигавшийся медленно, но довольно твердо по известному пути, встретил силу соединенной и обдуманной оппозиции // и теперь шатается в нерешимости, куда направиться, вперед или назад. Мнения двух людей, в этом деле вредных, Муравьева и Ростовцева, начали преобладать, и вопрос может перейти в их руки! Нет сомнения в том, что каждое дело, особенно новое, идет волнообразно, оно делает шаги вперед, потом реакция отбрасывает его назад, потом оно опять пробирается туда, куда влечет его сила времени. Но иногда частые удары реакции вредят самому здоровью дела и изменяют самый его характер. Дай, Господь милосердый, чтобы не последовало вреда из каких-либо перемен личностей и системы, пока истинно благонамеренные люди вновь поправят дело, проведя его сквозь новые помехи на // указанный Провидением и нашим благородным государем [путь]. Не могу теперь указать тебе на факты, но в последние дни произошли видимые перемены. Оппозиция потирает руки, а люди добрые, не унывая, подумывают, какие новые пути избрать для того, чтобы мирным путем повести опять вопрос вперед. Постараюсь быть в числе сих последних. Не будем унывать.

Вчера я имел наслаждение получить от тебя известие телеграфное, слава Богу, хорошее. Ты говоришь, что Павлусяка наш целый день гуляет. Мне снилось, что я его крепко целую, и потому я послал депешу, тем более, что давно не посылал, а письма недостаточны. Твое последнее от 31 марта я получил 3 дня назад, очень рад, что ты хоть немного рассеялась зрелищем // архиерейских посвящений. Воображаю, как хороши были киевские сановники за обедом Веселкинским. Федор Васильевич приехал в Москву, и, я думаю, приедет хоть на время и сюда.

За перезалог Ични я денег еще не получил, но получу на днях. Да что ж! И тут маленькая *déception*¹. Денег по расчету выходит меньше, чем я предполагал, а именно только с небольшим 15000, так что не станет и для уплат всех частных долгов. Что делать, моя душечка Катечка, потеряем немного; правда, что мои дела пошли что-то не блестящим образом и что с нашим состоянием приходится отказывать себе в затеях весьма

---

¹ Маленьке розчарування (фр.).

скромных, но что делать. Я так счастлив в других отношениях, что на // эти неудачи не смею роптать. Надобно потрудиться, да истинно поработать, да и поправить дела. Досадно вот что: приехавши в Петербург, я так был уверен в получении дохода из Ични, что, как бы неопытный юноша, развернулся и закупил таких вещей, без которых можно бы обойтись. Часы у Пьера куплены хорошо, но мебель совсем лишняя по теперешним обстоятельствам; лучше бы было купить камин мраморный. Что делать, уж так случилось. Теперь, как говорю тебе, хочу и желаю одного, это быть с тобою и Павлусем. Как подумаю, что вот может быть через месяц Бог сподобит меня быть вместе с вами в Сокиренцах, где постараюсь удалить на время все занятия // и отдохнуть с вами под тенью дубов, и наслаждаться идиллией, которую Бог послал на мою долю. Как подумаю об этом, то сердце замирает от чувства радости. Я не оставляю мысли ехать сначала в Киев, особенно если успею окончить дела к 1-му мая, а из Киева вместе ехать в Сокиренцы обычным путем. Хотя и пропустим лучшие дни сокиренской весны, но зато уж можно будет там дольше посидеть. Вот только Ичня не дает покою! Ну да, Бог даст, справимся. Работы теперь у меня много, комитет собирается три раза в неделю, да еще члены собираются у меня для разных посуждений, чтобы дело шло спешнее. Вчера обедали Дем[ьян] Вас[ильевич], Ал[ександр] Вас[ильевич] и члены // комитета у Льва Викторовича. Обед был превосходный, и мы, по обыкновению, пили du 34 et du 41 и толковали о том, которое из них и почему именно лучше.

Я страдал эти дни зубною болью и совсем было решился вырвать зуб, но дантист Мурфи (лучший) не согласился, и говорит, что можно этот зуб пломбировать. Сегодня и вчера, слава Богу, оставил меня зуб в покое.

Обнимаю тебя крепко и целую много раз, мой бесценный друг, Павлусяку целую в головочку милейшую, в глазочки, щечки, носик, ручки, ножки. Всего целую. Дай, Господи, вам обоим быть здоровыми, сохрани вас Матерь Божия.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46120, 4 арк.

Друкується вперше.

---

*С. Петербург, 15 апр[еля] 1858 г.***№ 26^я.**

Нельзя себе представить, что за погода в Петербурге, и если наш ма-лороссийский климат и портится, то все-таки он не может дойти до такой мерзости! Нет двух дней, похожих между собою, и даже редко бывает, чтобы вечер был похож на утро. Вот с чего начинаю письмо мое, милый, бесценный друг мой; хотя мне и некогда заниматься метеорологию, но нельзя не заметить, что, ездивши по Петербургу, часто меняешь воздух, климат, ветер, одним словом, такая гадость, как нельзя больше. Сегодня идет снег. Видно, не придется мне видеть весны, потому что в мае месяце уже не настоящая весна, уже тогда пахнет цветами, пахнет сильно, производит негу, а нет уже того воздуха весеннего, апрельского, который просто пахнет весною и больше ничем, потому что и земля, и трава, все благоухает. Когда бы хоть 1-го мая вырваться, то и за это спасибо. Занятия наши идут деятельно, но до какой степени успешно, этого еще нельзя определить. Мы уже подготовили в комитете несколько важных вопросов, но все это еще не приведено в систему, и трудно определить заранее, сколько времени потребуется для приведения всего этого в порядок. Дел много, но все-таки я не теряю надежды окончить к 1-му мая. Как то Бог даст!

Твое последнее письмо, милый друг, // от 5-го числа, получено мною третьего дня. Благодарим мы с тетушкой за присылку речи Антония. В ответ на твои вопросы скажу тебе, что за «Сельское благоустройство» Кошелев не захотел с меня взять денег, потому как он говорит, что считает меня наперед сотрудником. Это обязывает что-нибудь написать, но что именно и главное – когда? Я решительно не знаю. Теперь нет для этого занятия никакой возможности, будет ли она в Сокиренцах? Увидим, но и сомневаемся. У меня время всегда слишком разбито, et je ne suis pas maitre de mon temps¹; вот что худо. Хороший домашний секретарь много бы мог мне сделать помощи; я надеялся на Фед[осия] Ив[ановича] не как на готового секретаря, но как на человека, из которого можно бы сделать секретаря. Последнее его письмо заставило меня задуматься: не знаю, говорил ли он тебе, что он намерен жениться. Оно для нравственности и для статистики очень хорошо, но куда же я его дену как секретаря, с женою и, вероятно, через 9 месяцев с чадом? Ведь секретарь должен переезжать со мною с места на место, куда же мы денем его жену, и притом содержание семейства секретаря обойдется слишком дорого, сравнительно с получаемую от него выгодою. Для меня такое объявление с его стороны было сюрпризом, и хотя я ему еще не отвечал, но начинаю приходить к заключению, что из него можно будет скорее сделать управляющего, чем секретаря, которого мне придется искать из // университетских. Эти люди грамотны и скоро поймут отчетность, хотя

---

¹ I я не є господарем свого часу (фр.).

и не знакомы с технической частью некоторых вопросов. Но возвратимся к твоему письму. Итак, ты будешь получать «Сельское благоустройство» даром. Кстати, о нем: добрые жители Почтамтской страшно вооружены против Самарина за статью 2-го № и долго дулись на меня, придя к заключению, что я вместе с ним хочу погибели России. Это не в шутку, а вправду. На «Журнал землевладельцев» я подпишусь. О человеке, уже нанятом для нас в Москве, я уже тебе писал. О Чернигове не будем еще говорить, тем более, что жизнь в этой яме так мне не улыбается, что лучше и не думать о ней. Вчера я отправил тебе 4 экз[емпляра] романса Лизы: один на очень высокий голос, а другие – на средний.

Теперь в Академии художеств выставка картин, и есть много хороших пейзажей для тех, у кого есть деньги. Сегодня мы собираемся туда с Дем[ьяном] Вас[ильевичем], тетушкой и Varbe. Сегодня же я еду с Еленой к Левицкому. Он будет снимать фотографический портрет с нее и, может быть, с меня, потому что наши все так добры, что просят моих портретов.

Вечером я намерен быть у гр. Анны Барановой, чтобы больше познакомиться с кн. Черкасским, который на днях приехал из Италии. На днях был я и в театрах, в первый раз, потому что некогда: был на балете, весьма великолепном, но для меня весьма скучном представлении, и был во французском театре, // которым остался весьма доволен; много вкуса в игре и хорошая обстановка; в русском еще не был; времени страх как мало, так что есть много таких и мест, и лиц, которых следовало бы повидать, но никак не успеваю. Иногда, может быть, и напрасно теряю время, но не умею делать иначе. Вообще, хорошим распределением времени я во всю мою жизнь не владел и теперь не владею; это, видно, недостаток неисправимый.

Из Москвы я получаю, слава Богу, известия хорошие. Между прочим, маменька пишет (но это я не считаю в лучших известиях), что Пав[ел] Евг[рафович] и Marie собираются купить в Москве дом. Я написал Marie, что если она желает, то может получить от меня весь или часть капитала, потому что мне, во всяком случае, выгоднее заложить часть имения и уплатить ей мой долг. Однако пора кончать мой разговор с тобою, милая моя Катенька, и приняться за работу. Расцелуй за меня душечку нашего Павлуся, скажи ему, что я очень скучаю без него, и чтобы он к моему приезду выучился несколькими малороссийскими песнями. Тебя, бесценный друг мой, обнимаю крепко. Будьте вы оба здоровы, да сохранит вас Царица Небесная под своим покровом. Когда бы, Господи, уже нам скорее увидеться! Кланяйся тетушке, и кому сама знаешь.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46121, 2 арк.

Друкується вперше.

С. Петербург, 18 апр[еля] 1858.№ 27^й.

Прошел, наконец, день стольких ожиданий со всех сторон, и хотя нельзя сказать, чтобы он принес много дурного, но зато и очень мало истинно утешительного. Вчера, бесценный друг мой, с самого утра было много суеты, беготни, блеску, звону – всего, что могло напомнить важный день для Петербурга и России. Наружный вид города мало изменился, хороших приготовлений к иллюминации было очень мало, особенно, как говорят, в сравнении с прошедшими годами нынешнего царствования. При дворе было представление, потом, вечером – большой бал. На приближенных лиц были излианы некоторые милости; говорят о двух Владимирах 1-й степени и о 5-и тайных советниках, но я даже не спрашивал, кто такие эти новые счастливыцы. Из назначений обращают на себя внимание двое товарищей министров: кн. В. Васильчиков – военного министра, и Муханов – министра народ[ного] просвещ[ения]. Сей последний был прежде при дворе каким-то обер-форшнейдером, и, как иные говорят, прекрасно выбрали его в товарищи министра, которому при настоящем направлении придется быть очень шнейдером в цензуре! Сам же он, как говорят, человек необыкновенно светский и затрудняющийся говорить по-русски. Этот уже не из числа стариков, стало быть, выбор был свободен. Реакция потирает руки и довольна. Новая программа для занятий комитетов только что напечатана, и в ней, говорят, много есть таких выражений, которые показывают шаги назад, уступки и перемену направления. Сегодня я ее получу и скажу о ней в будущем письме. // Кавелин написал статью в «Современнике», которая делает много шума; я ее еще не читал, но видно, что реакция хочет за это прицепиться, чтобы сломать шею Кавелину и удалить такого человека из того места, которое он теперь занимает. Влияние Ростовцева (Позена) видно во многом, и нет никакой причины не бояться, чтобы направление назад не сделало бы больших и страшных успехов.

Ковалевский теряет голову, и на его месте, мне кажется, что я не принял бы министерского портфеля при том неопределенном положении, в котором находится цензура. Но старец принял важную должность и с утра до ночи работает до одурения, как он сам признается. С виду он должен быть старик добрый; на днях я провел у него *avant-soirée*¹, но был не один с ним, и потому не мог обо многом говорить. Он очень хорошего мнения о Киевском университете вообще, и спрашивал о Бунге и Шульгине. Ковалевский оказывается товарищем по учению с батюшкой и дяд[ей] Петром Григорьевичем. Но трудно с бедным стариком и говорить, до того он ошеломлен. Третьего дня вечером я был у Головнина, где застал Панаева, которому что-то сильно достается за «Современник»,

---

¹ Ранній вечір (фр.).

так что он не знает, что и делать. Мы много говорили втроем о Николае Романовиче; они его, кажется, хорошо понимают.

Куда ведет Россию Всемогущий Промысл, угадать нельзя; возложим надежду на Бога, не будем унывать, хотя и сильно грустно и тяжело подчас, и неусыпно будем работать, всякий на своем месте, и по совести, и убеждению, если у кого имеются эти два достояния.

Вчера обедал я у Léon, в обществе веселом: ген[ерал]-ад[ъютант] Огарев, гр. Григ[орий] Строганов, Данзас, милашевский гр. Нессельроде, кн. Черкасский и я. Мы с сим последним // переговорили о многом. Он мне нравится очень, и считается красным в Почтамтской, где третьего дня обедал, к сожалению, без меня. На него там сильно нападали. Ты меня спрашиваешь, почему я не представляюсь к известному высокому лицу? Потому что для сего нет у меня определенной цели. Представляться для того, чтобы сказать то, что и другие говорят, я не вижу надобности. А если бы случилось что-нибудь особенное, какой-нибудь отдельный факт, то я бы тогда, верно, потрудился быть к нему допущенным. А между тем, на днях будет великолепное зрелище майского парада, перенесенного в апрель. Многие этим заняты. Погода со вчерашнего дня только стала хороша, но Нева стоит и посылает в город холодные зефиры из своего ледника. Вот тебе, милый друг мой, все новости петербургские. Дела нашего комитета идут порядочно, и мы собираемся почти каждый день, чтобы скорее кончить. До сих пор я своими членами доволен. Работы очень много, и я не ленюсь, хотя и не делаю всего, что мог и должен бы сделать.

Последнее письмо твое от 8-го апр[еля] я получил третьего дня. Мне жалко было читать, что у тебя, бедненькой, так болела голова; хорошо, что депеша твоя позднее, если только там правду говоришь, что ты здорова. Поручение твое я исполнил и купил для Ник[олая] Ром[ановича] досточку, которую посылаю с [нерозбірливе слово]¹. Вместе с досточкой прилагаю знаменитую «Печатную Правду», которая так многим нравится. Отвратительная, по моему мнению, книжонка. Прочти, что об ней сказано в одном из последних № «Петербургских ведомостей». Эта статья ужасно всех возмутила, и дворянство считает себя оскорбленным в лице кн. Голицына. На днях я был с Еленой у фотографа, и она сняла свой портрет в трех видах. Прочие члены семейства обещали также свои портреты и хотят получить мои; но для этого у меня мало и времени, // и денег. С последними не знаю, как справиться, но вижу, что для уплаты за карету их у меня не станет и надобно их занять, а эти займы да долги меня начинают очень серьезно страшить, и мы с тобой должны на что-нибудь очень важное решиться.

Насчет построек около дому, хотя я тебе и писал, что вижу себя принужденным их отложить, но они так нужны, и так кстати бы было ими

---

¹ Можливо – «Бутовичами».

теперь заняться, что не знаю, не воспользоваться ли предложением маменьки, чтобы употребить на это что-нибудь из билетов, которые лежат у меня в столе. Сделай вот что: выбери из них № 39613 или 90897-й и, если на них есть подписи маменьки, то при объявлении пошли один из этих билетов в Опеқ[унский] совет и проси высылки денег в Сокиренцы. А между тем, пусть Фед[осий] Ив[анович] начнет заготовления для построек, начиная оные не с конюшен, а с пристройки к дому Гейнера. Сейчас приехал Николай Романович, и я бросаю перо.

Обнимаю тебя, бесценный друг мой, и целую сто тысяч раз Павлусяку. Дай, Господи, и Матерь Божия, чтобы вы оба были совершенно здоровы.

Весь твой,
Г. Г.

Прилагаю премилые стихи Шевченки. Их надобно читать медленно, как идиллии. Заставь Фед[осия] Ив[ановича] прочитав Павлусю.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46122, 2 арк.

С. Петербург, 22 апр[еля] 1858 г.

№ 28^й.

Взял маленький лист для письма к тебе, бесценный друг мой, потому что нет возможности на сей раз потолковать с тобою поподробнее, отводя душу в разговоре с моим милым другом. Дела комитета, которые подвигаются к концу, хотя еще не совсем, теперь очень много отнимают у меня времени. Я действительно один из деятельных членов и, кроме почти всedневных заседаний, еще работаю дома. Кроме того, сейчас получил из Ични самые неприятные известия и не могу спокойно рассуждать при таких впечатлениях. В Ичне эти господа довели дело до драки, до опечатания всех книг, и от всего этого терпим мы. // Войцеховский, как страшная скотина, пользуется тем, что он оказался несколько прав перед Подруцким и, как мерзкий лях, довел дела до крайности. Его надобно сейчас же выгнать, за ним – Собоцкого, а Подруцкому, дав доработать сахар, отказать. Вот что надобно сделать. Ради Бога, моя душечка, уговори Бессонова, чтобы он остался для меня, и уверь его, что он, во всяком случае, получит хорошее место. Может быть, еще можно будет ему и Ичню дать. Что это за наказание с этими разбойниками, и сколько они у меня испортили крови.

Но не буду распространяться обо // всем этом, столь неприятном. Письмо твое от 12 апр[еля] я получил третьего дня и все поручения твои исполню. Для Павлусяки куплю все, что найду лучшего, и скажи ему, что я и пояс золотой ему куплю. Тебе и рад бы что-нибудь порядочное купить, да денег нет, и я принужден занимать для уплаты за московскую карету. Когда бы только скорее высвободиться из Петербурга, который стал для меня очень тяжел. Перед моими глазами – зеленеющий сквер Михайловской площади, и вот уже 3 теплых летних дня; дети веселыми толпами играют на газоне, и меня берет грусть, видя это. Хочу побаловать себя сегодня или завтра депешью к тебе. Когда бы только всю правду узнать о тебе и // о бесценном сокровище нашем малюне. Ах, когда бы Господь милосердный скорее вынес меня отсюда и удостоил скорее увидеть вас обоих здоровыми!

Пожалуйста, друг мой, сделай две вещи: 1-е) Потребуй из Мостища 200 рублей (двести рублей) и положи их в банк на имя Прасковьи Григорьевны. 2.) На всякий случай, если я не так скоро, как думаю, могу выехать, и что дам тебе знать, чтобы ты ехала в Сокиренцы, где уже я вас обоих должен застать, то, на всякий случай, перебери мои бумаги и отложи в сторону такие, которые, по твоему мнению, нужны в Сокиренцах. Обо мне не беспокойся, я здоров. Да сохранил вас обоих Царица Небесная. Обнимаю тебя и Павлуся тысячу раз, целую крепко-крепко. Дай вам Бог быть здоровыми.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46123, 2 арк.

Друкується вперше.

С.П[етер]бург, 25 апр[еля] 1858.№ 29^й.

Сей раз я совершенно виноват перед тобою, бесценный мой друг, если опять пишу коротенькое письмо. Вот в чем дело: я совершенно забыл, что сегодня день почты, а, между тем, вчера приехал Федор Васильевич и привез письмо от матушки, в котором она мне пишет, чтобы я немедленно выслал в Москву деньги за залог Ични; сестра купила дом, и эти деньги ей очень нужны. Мог бы заняться письмом вчера вечером да, забывши, какой сегодня день, просидел до 1-го часу у Граббе, у которого целый месяц или более того не был. Между тем взял на себя к сегодняшнему заседанию // много работы. Ужасно досадно! да не могу никак позволить себе разговориться с тобою, а было бы о чем. В коротких словах скажу, что, судя по этим последним заседаниям, наш комитет не может окончить своей работы раньше 5 мая. Что делать в этом случае, я сам не знаю. Ждать ли тебе в Киеве или ехать в Сокиренцы. Если только тебе не скучно в Киеве, я бы желал, чтобы ты меня там ждала по двум причинам. 1-е. Потому что там я за тебя и Павлуся покойнее, и что я могу всегда давать тебе знать по телеграфу о моем выезде и знать все о вас; во 2-х, что, как кажется, мне все-таки // нужно будет взять дорогу на Чернигов, а, следовательно, и в Киев можно заехать, и это было бы во многих отношениях полезно. Следовательно, потерпи, мой друг, немного еще и поживи в Киеве. Дело наше приходит к концу, и уже надобно его так окончить, чтобы не было нарекания потом. А все-таки ужасно досадно, что мог тебе написать длинное письмо, и как я глуп, что забыл о том, какой день. Надобно самому ехать на почту с такою суммою, а между тем много работы к комитету. Я и то всего 5 ½ часов сплю. Третьего дня я получил твою депешу. Благодарю милосердного // Бога, что вы оба, мои милые сокровища, здоровы. Погода здесь весьма хороша, но я не успеваю ею пользоваться. Пожалуйста, удержи Бессонова. Есть надежда, что он будет управляющим в Ичне. Там раздоры дошли до драки, и я послал приказ всем им разом, чтобы сколько-нибудь водворить порядок. Вижу, что, по возвращении моем, мне предстоит много дела, но, главное, нужно отдохнуть около тебя и Павлуся, положить голову к тебе на плечо и держать на коленях Павлуся – это счастье, о котором только и мечтаю. Целую тебя крепко-крепко, и Павлуся также очень крепко. Дай, Господи, и Матерь Божия, чтобы вы были здоровы. Потерпим еще немного.

Приписано на берегах: Твои все здоровы, у Арк[адия] Вас[ильевича] подагра. Еще раз обнимаю вас обоих. Весь твой, Г.Г.

С. Петербург, 27 апр[еля] 1858.

№ 30^й.

Пишу тебе, бесценный друг мой, только для того, чтобы Николай Романович не приехал с пустыми руками, но думаю, что письмо это придет позже, нежели то, которое я отправлю по почте послезавтра. Я получил вчера твое милейшее письмо от 19-го, в котором ты описываешь церемонию кадетского корпуса и при этом выражаешь свои мысли. Так как я это письмо получил в Почтамтской, то не мог не дать дядюшкам прочитать двух последних страниц (первая, хотя и прекрасна, но возмутила бы их спокойствие). Надобно было видеть добрейших стариков, как они подымали плечи и улыбались. Демьян Васильевич // говорил: *i il avait pris une lanterne, et qu'il serait celle cherchez une femme par tout l'univers il n'en aurait par trouvé une qui lui convienne comme celle-ci*¹. И какую правду он сказал. Ты не любишь, чтобы тебя хвалили, но это правда.

План иконостаса Софии Александровны я получил и займусь этим.

Николай Романович по своей привычке опишет тебе настоящее положение дел в довольно мрачных красках, чтобы мне еще оставалось что-нибудь прибавлять. Скажу только, что реакция видна во всем и что, пока она будет так действовать, нашему брату надобно хранить совершенное молчание // и выжидать, когда опять время будет подать голос. Консерваторы подняли головы, а прогрессисты опустили свои. Московские люди очень уныли, судя по письмам оттуда. Судьба Титова и Кавелина еще не решена, но едва ли они останутся при наследнике, и их заменят какие-нибудь генералы. И все пойдет обычным порядком. Уж не сделаться ли и нам с тобою опять помещиками в прежнем смысле слова? Из чего мы бьемся? Нет! Надобно надеяться на силу вещей. Обнимаю тебя от всей души, Павлуся целую крепко-крепко. Будьте вы оба здоровы, мои милые. Кланяюсь тетушке и прочим.

Весь твой,

Г. Г.

28-е апр[еля]. Написав вчера письмо к тебе, милый друг, повез его вместе с Фед[ором] Вас[ильевичем] на железную дорогу, чтобы вручить Ребиндеру, как это было условлено. Но, представь себе, что все наши поиски были тщетны, и мы не нашли Ребиндера, который, вероятно, уехал с другим поездом, не понимаю, впрочем, с каким. Итак, распечатав мое письмо, продолжаю в нем писать. Сейчас получил я твою депешу; понимаю очень, бесценная моя Катечка, что нетерпение меня видеть заставило тебя спросить о всем этом по телеграфу. Но что же мне делать, когда никакой нет возможности выехать раньше из Петербурга. Надобно доделать дело добросовестно, а между тем, как предмет так нов, то и для председателя, и для нас явились такие непредвиденные вопросы, которых разрешение потребовало много времени. Мы имеем заседания каждый день, и

---

¹ Нізачо у всьому Всесвіті не знайшов би іншої такої жінки, як ця (фр.).

не я один желаю // скорее освободиться. Туманский просто кричит и хочет бежать до окончания. Но, увы, несмотря на все наши старания, есть иные дела, которые не вполне от нас зависят. Председатель и его помощники много теряют времени, потому что Муравьев тормозит их беспрестанно и требует по разным другим делам. Таковы его правила.

29 апр[еля]. Сегодня мы даем обед нашему председателю комитета генералу Гедеонову; это обыкновенно хороший признак, т. е. что дело близко к концу. Вчера обедал я у Léon. Решено, что Lise едет в чужие края, и Léon завтра едет в Полтаву, где 25 числа будут уже выборы членов в комитеты. Он и твои сестрицы очень убедительно упрашивают меня, чтобы я дал себя выбрать в члены, а я от этого отказываюсь всеми // силами, хотя, признаюсь, и довольно трудно. Léon и Lise представляют мне все выгоды удобной жизни с тобою и Павлусем в Диканьке, и пр., и пр. Но при всем этом я под разными предложениями отказываюсь, и я думаю, что ты будешь моего мнения. Во-первых, я знаю черниговских дворян, тогда как полтавские почти мне неизвестны, во-вторых, в Чернигове я надеюсь быть поддержанным в моих мнениях, тогда как в Полтаве я, может быть, буду совершенно один и не ручаюсь, что выдержу борьбу. В третьих, вероятно, мне придется сильно противодействовать Льву Вик[торовичу], что было бы весьма неприятно, живя у него, а не жить у него и в Полтаве также трудно. Нет сомнения в том, что я могу быть полезнее в Полтаве, // чем в Чернигове, потому что, как я думаю, там довольно большое безлюдье, и я бы протестовал против разных штук Позена и подобных ему людей, но, право, не знаю, как это и сделать, и признаюсь, как думаю об этом, то нахожусь в большом затруднении. Выборы в Полтаве, может быть, целыми двумя месяцами будут предшествовать выборам черниговским, потому что адреса до сих пор из Чернигова нет. Подумай и ты, друг мой, об этом. Ты видишь, что и в письме я начал об этом говорить одним тоном, а кончил другим, потому что нахожусь в затруднении. Мне смерть как не по душе Полтава.

Сегодня после комитета я еду // в Исакиевский собор, где будет проба певчих 1000 человек.

Начинают понемногу разъезжаться из Петербурга, а мне еще надобно здесь посидеть! Петр Аркад[ьевич] уехал третьего дня, а Варвара Алекс[андровна] едет 2 числа.

Обнимаю тебя, бесценный друг мой, от всей души и крепко целую.

Павлусяку, малюню, целую без счету раз. Что-то он поделывает, моя душечка бесподобная. Молю Бога и Царицу Небесную о здоровье вас обоих, мои милые.

Весь твой,

Г. Г.

Несколько дней было теплых, но вчера и сегодня ужасный холод, потому что идет ладожский лед.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №461251, 4 арк.

Друкується вперше.

Петербург, 1-е мая 1858.

№ 31^й.

Не думал я, бесценный друг мой, что придется мне еще писать тебе из столицы в мае месяце, а между тем, так судьба устроила, и надобно ей покоряться, хоть иногда подчас и нельзя удержаться от ропота. Надеюсь на милость Божию, что когда это письмо до тебя дойдет, я уже выеду или буду на самом выезде.

Впрочем, ты это узнаешь по телеграфу. Комитет наш работает прилежно. Я бы готов был работать с утра до ночи, но не имею права требовать того же от прочих членов. Мы заняты теперь редакциею всего, что составили, а это значит, что конец близко. Муравьев уверяет, что он не будет нас держать ни одного лишнего дня.

Теперь и здесь весна, // трава позеленела, и даже на березках показались маленькие листики. Я ездил после прощального обеда у Léon на гулянье в Екатерингоф. Запах травы, измятой толпою, был для меня очень приятен, но я поздно приехал и не успел делать наблюдений.

2-е мая. Последнее письмо твое, милый, бесценный друг мой, от 22 апреля доставило мне то особенное удовольствие, что твои сообщения насчет управляющих совершенно совпали с моими. По сей же почте, вследствие переписки о сем и с маменькой, я пишу к Бессонову и поручаю ему сделать ревизию Иченского имения и сахарного завода. Он это может приготовить к моему приезду и тогда может заступить место Войцеховского. Пожалуйста, распорядись так: пусть он немедленно едет на // почтовых в Мостище, а оттуда пусть дадут ему лошадей до Ични, об этом напиши Любовцеву. Если любопытно, то можешь прочесть мое письмо к Бессонову. Что же касается до Федосия Иван[овича], то твоя мысль вполне справедлива: он секретарем настояще хорошим не может быть, а управляющим может очень, особенно в имении, где нет оборотов. Маменька, сколько видно из письма, сама подумывает об этом, и когда мы приедем, то можем все это устроить хорошо. Он может поступить в Гнилицу месяца на 3 как помощник отца, а потом как преемник. Одно только опасно, что в таком случае у него не станет характера, чтобы уничтожить те злоупотребления, которые завел отец. Посоветуй, пожалуйста, со // своей стороны Бессонову, чтобы он никак не разглашал, что может быть управляющим в Ичне, а то скажут потом, что он нарочно искал, к чему придраться при ревизии. Хотелось бы еще писать, но лучше удержать себя от этого удовольствия и приняться за работу. Чем больше приготавливаю к сегодняшнему заседанию, тем скорее кончится все дело. Обнимаю тебя от всей души и всего сердца и целую тебя крепко, бесценная моя Катечка. Павлусяку, нашего милейшего, целую с головы до ног крепко. Ах! дайте мне довольно терпения, чтобы дождаться вас

обоих обнять, и дай, Господи, заставить вас обоих совершенно здоровыми, и чтобы все у вас было благополучно под покровом Небесной Владычицы.

Весь твой,
Г. Г.

Приписано на берегах: Я очень рад, что Фед[ор] Фед[орович] купил дачу. Чем больше он пустит корней у нас, тем лучше. Скажи ему, что я его обнимаю.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46121, 2 арк.

Друкується вперше.

С. Петербург, 6-е мая 1858 г.

№ 32^й.

Надеюсь, милый, бесценный друг мой, что этим № письма dokonчит-ся длинный ряд моих к тебе посланий. В нашей жизни он будет служить воспоминанием такой разлуки, которая, надеюсь на милость Божию, не будет более повторяться. Дела наши комитетские приходят к совершенному окончанию, и ты по телеграфу будешь знать о моем выезде прежде, чем дойдет до тебя это письмо. Оканчивая работу, я бы желал одного, чтобы по совести я мог сказать, что выполнил долг мой честно. Но для этого нужно много условий, которых по строгим требованиям совести я вряд ли выдержал. Однако не буду входить в рассуждения, надеюсь скоро обнять тебя и Павлуся и поговорить обо всем подробно, как с лучшим другом моим. Я намерен по телеграфу дать знать // о высылке лошадей, как ты требуешь, но не знаю, удобно ли это будет? Во-первых, нужны лошади и маменьке, а у нас их немного, и, во-вторых, признаюсь, что, как бы мне ни хотелось побывать в Мостище и Гнилище, но хотелось бы еще более поспешить в Сокиренцы, где, наконец, хоть несколько дней отдохнуть, а потом заняться иченскими делами. Поэтому, не лучше ли было нам ехать на почтовых, заехавши на полдня в Покорщину? Если ты на это согласна, то вели лошадям, которые для наших экипажей, ждать нас в Прилуке. Ах, когда бы уже дал Бог быть скорее вместе с вами. Эти дни я опять страдал зубом, и тем, что вырвал, и другим, который также портился. Зуб меня // и мучил, и мешал заниматься, а потому я решился его вырвать и вчера совершил эту операцию. Неприятно, да нечего делать, лучше теперь все это кончить, чтобы потом не страдать.

Посылаю при сем же письмо, которое адресовано Ник[олаю] Роман[овичу].

Более писать нечего и некогда, а потому скажу «до свидания» с истинным биением сердца от радостного ожидания. Молю Бога, чтобы мне застать вас обоих совершенно здоровыми. Обнимаю тебя и Павлуся крепко-крепко и целую без счету раз. Да сохранит вас Царица Небесная, мои милые, бесценные.

Весь твой,
Г. Г.

IP НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. №46127, 2 арк.

Друкується вперше.

ГРИГОРІЙ ГАЛАГАН У МЕРЕЖІ СОЦІОКУЛЬТУРНИХ ЗВ'ЯЗКІВ (КОМЕНТАРІ ТА ДОВІДКОВИЙ АПАРАТ ДО ЛИСТІВ)

№1

Качановка – Качанівка Борзнянського повіту Чернігівської губернії (зараз – Ічнянського району Чернігівської області) – маєток, заснований на початку 1770-х рр. графом П.О. Рум'янцевим-Задунайським (1725–1796) на землях, придбаних у М.І. Кочановського, їх власника з 1749 р. З 1824 до 1898 р. належав родині Тарновських, близьких знайомих Г.П. Галагана, по-своєчених з його сім'єю через Лизогубів і Маркевичів.

Катенька – Катерина Василівна Галаган, уроджена Кочубей (1826–1897), дружина Г.П. Галагана, дочка Василя Васильовича Кочубея (1784–1844), першого серед чотирьох синів В.В. Кочубея-старшого (1750–1800), правнука Василя Леонтійовича Кочубея (бл. 1640–1708).

до Ични – Ічня Борзнянського повіту Чернігівської губернії (зараз – районне місто Чернігівської області) – маєток, що належав Г.П. Галагану.

к нашему милому сокровищу Павлусяке – йдеться про сина-одинака Г.П. Галагана – Павла (1853–1869).

в Покорщине – маєток Г.П. Галагана Покорщина, розташований на околиці м. Козелець Чернігівської губернії. Це була спадщина прабабки автора листів, Катерини Юхимівни Галаган, уродженої Дараган (1740–1823), небоги графа К.Г. Розумовського (1728, за ін. даними – 1724, –1803), останнього гетьмана Лівобережної України. Маєток було придбано 1750 р. її батьком, київським полковником Юхимом Федоровичем Дараганом (? – 1762) у Покорського (можливо, у Івана Покорського, київського полкового писаря).

с Любовцевым – Любовцев – управитель Мостищенського маєтку Галаганів.

Мостище – село Козелецького повіту Чернігівської губернії (зараз – Козелецького району Чернігівської області), де розташовувався маєток, успадкований родиною Галаганів від Дараганів, які ним володіли з 1750-х рр.

приезжал Александр Маркевич, приглашая нас от всей компании в Липов Рог – Олександр Миколайович Маркевич (1832–?), двоюрідний племінник Г.П. Галагана, син історика та етнографа М.А. Маркевича (1804–1860). Липів Ріг – село Ніжинського повіту Чернігівської губернії (зараз – Ніжинського району Чернігівської області), належало поміщикам Макаровим. Власниця маєтку, Настасія Олександрівна Макарова, уроджена Ракович, була тіткою О.М. Маркевича.

Свадьба будет сегодня – весілля Івана Петровича Забіли (1827–1902), нащадка козацько-старшинського роду, чиновника, та Єлизавети Яківни Макарової. Родина Забіл була пов'язана з творчою інтелігенцією: молодший брат І.П. Забіли, Пармен Петрович (1830–1917), був талановитим скульптором, молодша сестра, Анна Петрівна, стала дружиною художника Миколи

Ге. Доньки І.П. Забіли одружаться: Катерина – з Петром Ге, сином М.М. Ге, а Надія, видатна співачка, – з художником Михайлом Врубелем.

От Монастирища мы ехали до Ични – у селі Монастирище Ніжинського повіту Чернігівської губернії (зараз – Ічнянського району Чернігівської області) знаходився дідичний маєток роду Забіл.

Вчера утром рано я поехал на сахарный завод – цукровий завод при маєтку Галаганів в Ічні розпочав роботу 26 жовтня 1857 р. (ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 11 092, арк. Ззв.).

Подруцкому очень хочется быть в Парафиевке – Подруцький – службовець Ічнянської економії Галаганів, Парафіївка – село Борзнянського повіту Чернігівської губернії (зараз – Ічнянського району Чернігівської області), частина Ічнянського маєтку Г.П. Галагана.

Собоцкий, ...Войцеховский – службовці Ічнянської економії.

Петр Алексеевич – Петро Олексійович Васильчиков, титулярний радник, був на той час почесним попечителем Новгород-Сіверської гімназії. Васильчиковим належав маєток у селі Петрівці Козелецького повіту Чернігівської губернії. Галагани були посвоячені з цією гілкою роду Васильчикових через Розумовських і Кочубеїв.

развязность иченцов – ічнянських сільських старост (отаманів).

все семейство Тарновских и Федора Федоровича – власника Качанівки Василя Васильовича Тарновського (старшого) (1810–1866), його сина Василя Васильовича (молодшого) (1837–1899) та Федора Федоровича (Фрідріха Фрідріховича) Мерінга (1822–1887) – лікаря, професора Університету св. Володимира у Києві, близького знайомого Галаганів.

Мих[аила] Вас[ильевича] – М.В. Тарновського, молодшого брата Василя Васильовича (старшого).

Marie – Марія Григорівна Милорадович, родичка Г.П. Галагана з боку його бабки, Ірини Антонівни, уродженої Милорадович (?–1809).

новые стихи Аксакова – Іван Сергійович Аксаков (1823–1886) – літератор і громадський діяч, московський слов'янофіл, приятель Г.П. Галагана.

покажи Мих[аилу] Влад[имировичу] и Мих[аилу] Андр[еевичу] – Михайло Володимирович Юзефович (1802–1889), один з головних ідеологів «малоросійства», на той час очолював Тимчасову комісію для розбору давніх актів при київському військовому, подільському і волинському генерал-губернаторі (Київську археографічну комісію). Михайло Андрійович Маркевич (1808–1885), двоюрідний брат Г.П. Галагана, на той час був новгород-сіверським повітовим предводителем дворянства. Старшим братом Михайла Маркевича був історик та етнограф Микола Маркевич. Михайлу Маркевичу належав маєток у селі Васьківці (Прилуцького повіту Полтавської губернії, зараз – Срібнянського району Чернігівської області), отриманий від батька, Андрія Івановича Маркевича (1783–1832). Згодом Михайло Маркевич був членом Полтавського комітету з покращення побуту поміщицьких селян, а також прилуцьким повітовим предводителем дворянства.

бастистака – Г.П. Галаган імітує дитяче мовлення свого маленького сина Павлуся.

Сокиренцы – Сокиринці – маєток Галаганів з палацово-парковим ансамблем у Прилуцькому повіті Полтавської губернії (зараз – Срібнянський район Чернігівської області), розбудований на околиці однойменного села на землях, отриманих у власність Гнатом (Ігнатом) Галаганом (?–1748) за гетьманським універсалом 1716 р., обраний для проживання родини його сином, Григорієм Галаганом (1716–1777), й оформлений у житловій частині як палацово-парковий ансамбль стилю ампір батьком автора листів, Павлом Григоровичем Галаганом (1793–1834), у другій половині 1820-х рр.

№2

Шеф[ф]ер – Олександр Олександрович Шеффер (1831–1897) – лікар, згодом професор медичного факультету Університету св. Володимира у Києві, син Олександра Федоровича Шеффера, котрий був лікарем у Прилуках та надавав медичні послуги місцевим поміщикам, зокрема родинам Галаганів та Маркевичів, ще на початку 1830-х рр. На момент написання листа Галагани користувалися послугами О.О. Шеффера як лікаря в Сокиринському маєтку.

к Гудиме – Єгор Васильович Гудима, виконувач обов'язків директора Чернігівської гімназії, почесним попечителем якої у 1853–1859 рр. був Г.П. Галаган.

до Іваницы – село Іваниця Прилуцького повіту Полтавської губернії (зараз – Ічнянського району Чернігівської області).

в Гнилице и Лебединце – села Гнилиця (з 1961 р. – Знам'янка) і Лебединці Прилуцького повіту Полтавської губернії (зараз відповідно – Прилуцького і Срібнянського районів Чернігівської області), маєтності Г.П. Галагана. Землі у Гнилиці перейшли до родини ще за Гната Галагана. До середини ХІХ ст. тут було облаштовано значну економію: діяли гуральня, кінський та овечий заводи, у власності Г.П. Галагана перебувало 1700 селян чоловічої статі. Маєток у Лебединцях відомий завдяки побудованому в 1854–1856 рр. за задумом Г.П. Галагана «будинку для гостей» (архітектор Є. Червінський), що наслідував форми житла козацької старшини. Згодом ця будівля стала основою для розвою «українського національного стилю» в архітектурі кінця ХІХ – початку ХХ ст. Детальніше див.: [Галаган Г.П.] Письмо о малороссийском «будынке» // Киевская старина. – 1904. – Т.86. – №7–8. – С. 1–7.

С ними будет не без хлопот – передбачення Г.П. Галагана щодо опору селян упровадженню реформи навіть в його власних маєтках до певної міри справдилися. Детальніше див.: Степович А. З подробиць реформи 1861 р. Лист Г.П. Галагана про його козелецький та прилуцький маєток // Україна. – 1927. – Кн. 4. – С. 111–112.

Атаман – сільський староста.

Томсон, Кузьменко, Фишер, Коленко, Филенко и Кононов – імовірно, це були службовці Сокиринської економії Галаганів.

Третьего дня я обедал у Григ[орія] Ив[ановича] Мил[орадовича], а вчере вечером был у меня Петр Иванович – Григорій Іванович Милорадович, поміщик села Калюжинці (Прилуцького повіту Полтавської області, зараз –

Срібнянського району Чернігівської області), розташованого поряд з Сокиринцями, та його молодший брат Петро Іванович Милорадович, поміщик хутора Почаїв, двоюрідні дядьки Г.П. Галагана.

Львом Викт[оровичем] – князь Лев Вікторович Кочубей (1810–1890) – дійсний статський радник, полтавський губернський предводитель дворянства у 1853–1859 рр. Одружений зі своєю родичкою Єлизаветою Василівною Кочубей, сестра якої, Катерина Василівна, була дружиною Г.П. Галагана.

Тебе очень кланяются калужинские, и я думаю, что Marie будет в Киеве с Софией Ивановной – йдеться про сімейство Милорадовичів, власників села Калужинці, родичів Галаганів. Милорадовичі були власниками земель у Калужинцях з початку 1710-х рр., коли їхньому предку, Гаврилу Милорадовичу, ці маєтності було передано від нащадків колишнього прилуцького полковника, «мазепинця» Дмитра Горленка. Марія була дочкою Г.І. Милорадовича, а Софія Іванівна – це її тітка, дружина П.І. Милорадовича.

Хочу ночевать в Нежине у М.А. Раковича – Михайло Олександрович Ракович (1816–1899), одружений з Ольгою Михайлівною, уродженою Маркевич, двоюрідною племінницею Г.П. Галагана. Сестра М.О. Раковича, Уляна Олександрівна, була дружиною історика та етнографа М.А. Маркевича, двоюрідного брата Г.П. Галагана.

«Худ[ожественный] листок» – «Русский художественный листок» – ілюстрований часопис, що видавався у 1851–1862 рр. В.Ф. Тіммом.

«Молвы» нет вовсе – «Молва» – газета, що видавалася у Москві 1857 р. Була друкованим органом московських слов'янофілів.

купчую на дом для передачи Фед[осию] Ив[ановичу] – Федосій Іванович Дейкун-Мочаненко, управитель київської садиби Галаганів. Будинок у Києві, на розі вулиць Прорізної та Хрещатика, був придбаний Г.П. Галаганом у 1855 р. у князя О.К. Любомирського і перебудований за проектом архітектора І.В. Штрорма. З листа Ф. Дейкуна-Мочаненка Г.П. Галагану від 9 жовтня 1856 р.: «Любомирский недавно был в доме, жалеет очень, что дом продан и даже хочет у Вас откупить его, выплативши за то, что Вы истратили на устройство. Всякому, кого ни встретит, рассказывает, что вот он ранен, получил отставку, хотел бы жить в городе, а тут уже продали дом...» (ЦДІАК, Ф. 1475, оп. 1, спр. 304, арк. 30).

Кланяйся Софии Алек[сандровне], Алек[сandre] Григ[орьевне] – Софія Олександрівна Галаган, уроджена Казадаєва (1804–1864), вдова Петра Григоровича Галагана, тітка Г.П. Галагана, та Олександра Григорівна Милорадович, дочка Г.І. Милорадовича, сестра Марії Милорадович, родичка Г.П. Галагана.

№3

Н.А. Макарову и молодую чету, да еще старика Величку – Настасія Олександрівна Макарова, уроджена Ракович, дружина Якова Гавриловича Макарова, власника маєтку Липів Ріг; молоде подружжя – це Іван Петрович Забіла та Єлизавета Яківна, уроджена Макарова, дочка Н.О. Макарової; Величко – імовірно, поміщик Прилуцького повіту, колезький радник Микола Іванович Величко. Родовий маєток Величок розташовувався у селі Замостя під Прилуками.

Разговори сейчас начали об известном предмете – про скасування кріпацтва.

мысли об эмансипации – Г.П. Ґалаган називає «емансипацією» звільнення селянства від кріпацтва.

Забела эмансипатор до красноты – «емансипаторами» Г.П. Ґалаган іменував прихильників звільнення селян від кріпосної залежності, а «червоними» називав прибічників радикальних соціальних перетворень, зокрема тих, хто прагнув звільнити кріпаків на якомога вигідніших для селянства засадах.

Бастия его пророк – І.П. Забіла був прибічником ідей французького ліберального економіста Фредеріка Бастія (1801–1850).

мостицкие люди – селяни с. Мостище.

я поручил Стефаничеву – йдеться, напевно, про одного із службовців Г.П. Ґалагана.

«Le Nord» – газета, яку з 1856 р. видавав у Брюсселі (Бельгія) журналіст М.П. Поггенполь. Через це видання російський уряд намагався впливати на європейську громадську думку.

«Times» – впливова британська газета («The Times»).

в последнем «Русском вестнике» – «Русский вестник» – літературний та громадсько-політичний часопис, що видавався у Москві з 1856 р. Його редактором був публіцист М.Н. Катков. Наприкінці 50-х рр. ХІХ ст. «Русский вестник» став одним з найпопулярніших російських ліберальних періодичних видань.

тосты и речи 28 дек[абря] в Москве, ... особенно речи Павлова и Кавелина – літератор Микола Філіпович Павлов (1803–1864) та Костянтин Дмитрович Кавелін (1818–1885), професор цивільного права Петербурзького університету, наставник спадкоємця престолу цесаревича Миколи Олександровича. Обід, на якому було виголошено ці промови, відбувся 28 грудня 1857 р. у залах Купецького зібрання за участі близько 180 осіб і став політичною маніфестацією прибічників реформ. Промови, згадані Г.П. Ґалаганом, опубліковані у статті: Катков М. Обед 28-го декабря // Русский вестник. – 1857. – Т.12. – Современная летопись. – С.203–212. У промовах М.Ф. Павлова та К.Д. Кавеліна йшлося про необхідність скасування кріпацтва.

Бороздна – Микола Петрович Бороздна (1808–1878), дійсний статський радник, чернігівський губернський предводитель дворянства у 1848–1862 рр.

от Шабельского – Катон Павлович Шабельський, дійсний статський радник, камергер, чернігівський цивільний губернатор.

через Халанского – Петро Іванович Халанський, дійсний статський радник, управляючий Чернігівською палатою державних маєтностей.

в дворянах оппозиция сильна – тут мається на увазі опір консервативних дворянсько-поміщицьких кіл скасуванню кріпацтва.

от Борзенского судьи Петрункевича – Ілля Якович Петрункевич, колезький асесор, борзнянський повітовий суддя. Його син, Іван Ілліч Петрункевич (1843–1928), був політичним діячем, одним із засновників партії конституційних демократів (кадетів).

О'Конног, Свирский – йдеться про гурток дворян-консерваторів, що його очолювали полковник Віктор Олександрович де Конног (О'Конног) і

штаб-ротмістр Платон Олексійович Свирський, давні знайомі, товариші по зброї з часів служби у 8-му Полтавському козацькому полку, сформованому 1812 р. у Прилуцькому повіті в добу війни Росії з Францією.

Подольський – Микола Михайлович Подольський, чернігівський повітовий предводитель дворянства у 1854–1857 рр.

Николай Гудович – граф Микола Михайлович Гудович, двоюрідний брат Г.П. Галагана.

в Цареградской гостинице – готель «Царгород» у Чернігові.

Николаю Романовичу – Микола Романович Ребіндер, дійсний статський радник, попечитель Київського навчального округу в 1856–1858 рр., близький знайомий Г.П. Галагана.

Горленкова – імовірно, це була Анна Андріївна Горленко, уроджена Тарновська, далека родичка М.В. Тарновського, дружина поміщика села Давидовка Пирятинського повіту Полтавської губернії В.Д. Горленка.

Мишеля и Ольгу целую – подружжя Раковичів, Михайло Олександрович та Ольга Михайлівна.

№4

я послал к тебе депешу – телеграму.

с маменькой – Катерина Василівна Галаган (1783–1868), уроджена графиня Гудович, мати Г.П. Галагана.

к Иверской иконе – список цього високошанованого образу перебував в Іверській каплиці біля Воскресенських воріт.

В Седневе – Седнів – містечко у Чернігівському повіті (зараз – у Чернігівському районі), де розташовувався дідичний маєток родини Лизогубів, заснований Яковом Кіндратовичем Лизогубом (?–1698) наприкінці XVII ст. У зазначений час власником маєтку був Ілля Іванович Лизогуб (1787–1867), полковник у відставці.

Андр[ей] Ив[анович] – Андрій Іванович Лизогуб (1804–1864), котрий разом із родиною мешкав у Седневі, молодший брат І.І. Лизогуба.

Его уезд (Сосницкий) – А.І. Лизогубу належали маєтності у Сосницькому повіті Чернігівської губернії.

в Листвен к Василию Дмитриевичу – село Великий Листвен Городнянського повіту Чернігівської губернії, маєток родини Дунін-Борковських. Василь Дмитрович Дунін-Борковський (1818–1892) – статський радник, камер-юнкер, здобув освіту в Олександрівському ліцеї, перебував на державній службі, обіймав посаду городнянського повітового предводителя дворянства; згодом буде катеринославським і моголівським губернатором. А.І. Лизогуб був одружений з його молодшою сестрою Надією Дмитрівною. Дунін-Борковські були ріднею Галаганів: у 1738 р. прилуцький полковник Григорій Гнатович Галаган уклав шлюб з Оленою Михайлівною Дунін-Борковською.

у Катерины Яков[левны] – Катерина Яківна Дунін-Борковська, уроджена Лизогуб, мати В.Д. Дуніна-Борковського.

Сестра... Дети... Пав[ел] Евгр[афович] – Марія Павлівна (1822–1876), молодша сестра Г.П. Галагана, одружена з графом Павлом Євграфовичем

Комаровським (1812–1873). Вони мали двох дітей: сина Євграфа, що народився у 1841 р., та дочку Катерину, народжену 1845 р.

виги и тори – британські політичні партії, у переносному значенні – ліберали та консерватори.

Из славянофилов – у Росії середини ХІХ ст. слов'янофіли були одним з найактивніших громадсько-політичних угруповань. Засадничою ознакою їхньої ідеології була переконаність у культурній окремішності, самотності та самодостатності східних слов'ян щодо Західної Європи. Раннє українофільство було доволі тісно пов'язаним з російським слов'янофільством. Наприкінці 1850-х рр. слов'янофіли належали до прибічників скасування кріпацтва. Г.П. Галаган підтримував дружні взаємини з багатьма московськими слов'янофілами.

я видел только еще Кон[стантина] Аксакова у его отца, почтенного старца – Костянтин Сергійович Аксаков (1817–1860) – один з провідних діячів московського слов'янофільства, талановитий публіцист, його батько – літератор та громадський діяч Сергій Тимофійович Аксаков (1791–1859). Молодшим братом К.С. Аксакова був Іван Сергійович Аксаков, з яким також був знайомий Г.П. Галаган.

Судиен[ко] – Михайло Осипович Судієнко (1803–1874), поміщик Чернігівської губернії. Перебував на військовій та цивільній службі, у 1848–1857 рр. очолював Тимчасову комісію для розбору давніх актів при київському військовому, подільському і волинському генерал-губернаторі (Київську археографічну комісію). Власник маєтку в селі Очкине Новгород-Сіверського повіту (зараз – Середино-Будського району Сумської області), де його батьком, О.С. Судієнком, була облаштована розкішна представницька резиденція.

гр. Шувалов – граф Петро Павлович Шувалов, петербурзький губернський предводитель дворянства.

у тет[ушки] Алекс[андры] Григ[орьевны] – графиня Олександра Григорівна Гудович, уроджена баронеса Енгельгардт, вдова графа В.В. Гудовича, дядька Г.П. Галагана з боку матері.

С Алиной и ее мужем – йдеться про Олександру Василівну, дочку графині О.Г. Гудович, двоюрідну сестру Г.П. Галагана, та про її чоловіка – князя Михайла Павловича Голіцина.

faubourg S. Germain – передмістя Сен-Жермен – місцевість у Парижі, де мешкала знать, символ розкошів та аристократизму.

№5

Кошелев... затекает особое периодическое издание в виде прибавления к «Русской беседе» – Олександр Іванович Кошельов (1806–1883), публіцист, один з провідників московського слов'янофільства. У 1856–1860 рр. видавав часопис «Русская беседа», додатком до якого став журнал «Сельское благоустройство», що виходив з березня 1858 р. і був присвячений проблемам селянської реформи.

Сегодня мы обедали у Шиповых – у генерал-ад'ютанта Сергія Павловича Шипова та його дружини Анни Євграфівни, уродженої графині Комаровської, старшої сестри П.Є. Комаровського, зятя Г.П. Галагана.

«Громобой» – опера композитора О.М. Верстовського (1799–1862), створена 1854 р. за першою частиною однойменної балади В.А. Жуковського.

Завтра обідаю у Кошелева, где будут Хомяков, Аксаков Ив[ан] и Максимович – О.І. Кошельов, О.С. Хомяков, І.С. Аксаков – московські слов'янофіли, Михайло Олександрович Максимович (1804–1873) – український науковець, близький до слов'янофільства.

С Алекс[андром] Мих[айловичем] Марковичем – Олександр Михайлович Маркович (1790–1865), чернігівський губернський предводитель дворянства у 1832–1838 рр., власник маєтностей на Чернігівщині та Полтавщині.

Был я вчера также на годичном заседании общества сельского хозяйства – йдеться про «Императорское московское общество сельского хозяйства», заклад для сприяння розвитку сільського господарства, заснований 1820 р. Товариство мало власний друкований орган – «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», дописувачами якого були сам Г.П. Галаган, його зять П.Є. Комаровський та його двоюрідний брат М.А. Маркевич.

письма... Левуся – йдеться про князя Льва Кочубей.

Бодянский – Осип Максимович Бодянский (1808–1877) – український вчений-славіст, професор Московського університету, секретар Московського товариства історії та старожитностей російських, редактор «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских», де опублікував чимало цінних джерел з історії України, був близьким до слов'янофілів.

нападают на Кулиша – Пантелеймон Олександрович Куліш (1819–1897) – український громадський діяч, літератор і видавець, фольклорист, історик. У другій половині 1850-х рр. мешкав у Петербурзі.

Я писал к дяде Ал[ександру] Вас[ильевичу] – Олександр Васильович Кочубей (1788–1866), дійсний таємний радник, сенатор, член Державної ради. Г.П. Галаган був одружений з його племінницею Катериною Василівною Кочубей. Через декілька днів Г.П. Галаган писав О.В. Кочубею: «Я виделся с Шабельским, который мне объявил, что по его настоянию будет открыт в Петербурге комитет для предварительного составления плана размежеваний Малороссийских губерний. В этом комитете будут заседать трое дворян из Черниговской губернии и одним из них назначен я [...], теперь главное в том, чтобы знать хоть приблизительно, когда будет открыт комитет по размежеванию, чтобы я мог распорядиться моими семейными делами. Будьте так добры, узнайте об этом у Муравьева...» (ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 11096, арк. 13в.).

№6

начать размежевание в Малороссии независимо от освобождения крестьян. Государь велел составить временный комитет для обсуждения, какие меры и план действий для этого лучше принять – на початку 1858 р. під головуванням помічника управляючого Межовим корпусом генерал-майора Івана Михайловича Гедеонова був утворений особливий комітет «для визначення головних засад розмежування Малоросійських губерній», членом якого від Чернігівської губернії став Г.П. Галаган. Доти розмежування земель у Чернігівській та Полтавській губерніях було безпосередньо пов'я-

зано з назрілою селянською реформою, бо черезсмужність землеволодіння і брак документального підтвердження прав на земельну власність мали суттєво ускладнити розв'язання аграрного питання. З утворенням комісії на чолі з генералом І.М. Гедеоновим справа розмежування земель була відокремлена від підготовки селянської реформи. Згодом правовою підставою для межових робіт на Лівобережній Україні стало «Положення про розмежування Чернігівської та Полтавської губерній», затверджене 7 жовтня 1859 р. Докладніше див.: Русов А.А. Описание Черниговской губернии. – Т. 1. – Чернигов, 1898. – С. 56–59; Василенко В.И. К истории размежевания земель в Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. – Вып. 1. – Полтава, 1905. – С. 1–29; Приложения // Там же. – С. 1–95, а також Павловский И.Ф. К истории полтавского дворянства 1802–1902 г. Очерки по архивным данным. – Полтава, 1907. – С. 65–74.

Муравьева – Михайло Миколайович Муравйов (1796–1866), генерал від інфантерії, міністр державних маєтностей у 1856–1862 рр., управляючий Межовим корпусом.

Ланского – Сергій Степанович Ланської (1787–1862), дійсний таємний радник, міністр внутрішніх справ у 1855–1861 рр.

Чевкина – Костянтин Володимирович Чевкін (1803–1875), генерал від інфантерії, генерал-ад'ютант, головноуправляючий шляхами сполучень і публічними будівлями у 1855–1862 рр.

А.И. Покорского (Мглинского) – Олександр Іванович Покорський-Жоравко (1813–1874), мглинський повітовий предводитель дворянства у 1849–1860 рр., у майбутньому – один з опонентів Г.П.Ґалаґана під час здійснення селянської реформи у Чернігівській губернії. Детальніше див.: Литвинова Т.Ф., Якименко Л.І. Діалог чи конфронтація: позиції дворянства Лівобережної України щодо селянського питання напередодні великої реформи // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. – 2012. – Вип. 10. – С. 93–100.

до открытия Черниговского комитета – до початку роботи Чернігівського комітету з покращення побуту поміщицьких селян.

Брока – Петро Федорович Брок (1805–1875), дійсний таємний радник, статс-секретар, міністр фінансів у 1852–1858 рр.

Шабельский спросил меня, может ли он рассчитывать на меня, чтобы меня назначить от него в Черниговский комитет, если не буду избран дворянством – зрештою членами від уряду до Чернігівського комітету з покращення побуту поміщицьких селян були призначені Г.П.Ґалаґан та В.В.Тарновський (старший).

№7

я ем много блинов, и красных, и белых – млинці з борошна різного ґатунку – гречаного («червоні») та пшеничного («білі»). Детальніше див.: Молоховец Е.И. Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. – СПб.: Типография Н.Н. Клобукова, 1901. – 1052 с.

«Аскольдову могилу» – оперу композитора О.М.Верстовського за однойменним історичним романом М. Загоскіна.

Под Новинским – Новинський Вал (нині – Новинський бульвар) – московська вулиця, місце народних гулянь.

на утреннем балу в Собрании – у Домі Благородного (Дворянського) зібрання, розташованому в Охотному ряду.

с Максимовичем и его женою – М.О. Максимовичем та його дружиною Марією Василівною, уродженою Товбич.

старушкою Елагиною, матерью Киреевских – Авдотья Петрівна Єлагіна (1789–1877), уроджена Юшкова, у першому шлюбі – Кіреєвська, вдова літератора Олексія Андрійовича Єлагіна, господиня знаменитого у Москві 20-х – 50-х рр. XIX ст. салону, навколо якого гуртувалися слов'янофіли. Від першого шлюбу мала синів Івана Васильовича та Петра Васильовича Кіреєвських, що були видатними діячами слов'янофільського руху (обидва померли у 1856 р.).

Елагиним – Василь Олексійович Єлагін (1818–1879), син А.П. Єлагіної, історик, публіцист, належав до слов'янофілів.

Бартеневым – Петро Іванович Бартенєв (1829–1912), слов'янофіл, історик (з 1863 р. буде видавати історичний часопис «Русский архив»).

Самариним – Юрій Федорович Самарін (1819–1876), публіцист, один з очільників слов'янофільства, переконаний прибічник скасування кріпацтва.

Кокорев – Василь Олександрович Кокорєв (1817–1889), багатий відкупник, близький до московських слов'янофілів, громадський діяч, збирач творів мистецтва, автор публікацій, присвячених актуальним проблемам соціально-економічного життя Росії.

не давать обедов с речами – після промов, виголошених на обіді 28 грудня 1857 р., що мали величезний громадський резонанс, влада побоювалася влаштування схожих заходів.

у одного из братьев Шиповых – у С.П. Шипова були молодші брати – Олександр Павлович, Дмитро Павлович та Микола Павлович.

Баташевское имение – маєток, що належав багатим заводчикам Баташевим, власникам залізобробних заводів.

оперу «Марту» – «Марта» – опера німецького композитора Фрідріха фон Флотова.

Петра Арк[адьевича] – Петро Аркадійович Кочубей (1825–1892), двоюрідний брат дружини Г.П. Галагана, колекціонер мистецьких творів, хімік, мінералог, історик техніки.

Чижов – Федір Васильович Чижов (1811–1877), громадський діяч та підприємець. Належав до кола московських слов'янофілів. Г.П. Галаган знав його ще з юності, коли Ф.В. Чижов готував його до вступу в університет. Світогляд Г.П. Галагана склався під істотним впливом Ф.В. Чижова, який був близьким другом родини Галаганів, зокрема листувався з матір'ю Г.П. Галагана до самої її смерті. В одному з листів до неї він писав: «Дружба, как весна, чем старее, тем лучше и крепче. Шутка! 33 года!» (лист від 26 липня 1867 р., ІР НБУВ, ф. 243, оп. 1, спр. 119, арк. 69). Наприкінці 1850-х рр. Ф.В. Чижов редагував часопис «Вестник промышленности», заснований О.П. Шиповим. Спільно з братами Шиповими зайнявся залізничним будівництвом.

№8

Михайлу Андреевичу – М.А. Маркевичу.

Василю Петровичу – Василь Петрович Тарновський, прилуцький повітовий предводитель дворянства, двоюрідний брат В.В. Тарновського (старшого).

безтолочных хуторов – при безтолочній системі землекористування земля засівалася безперервно, без відведення її під пар (толока у цьому контексті означає поле, відведене під пар, що використовується для випасання худоби).

№9

На Почтамтской и на Сергиевской – вулиці Петербургу, де мешкали родичі Галаганів: на Сергієвській – Л.В. Кочубей, а на Почтамтській – дядьки Кочубей. «Зиму 1847 года мы провели в Петербурге в том же доме, в Почтамтской, который занимали с 1843 года, вместе с братом Демьяном Васильевичем и сестрой Еленой Васильевной...» (Кочубей А.В. Записки. 1790–1873. – СПб, 1890. – С. 311).

Демьян Васильевич – Дем'ян Васильович Кочубей (1786–1759), дійсний таємний радник, сенатор, член Державної ради, старший брат О.В. Кочубея, дядько дружини Г.П. Галагана Катерини Василівни.

«яко уже восприяли мзду свою...» – див.: «Аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою» (Мф. 6:5,16).

Я ехал очень покойно и удобно по железной дороге – йдеться про Миколаївську залізницю між Петербургом і Москвою, спорудження якої розпочалося у 1843 р., а рух потягів відбувався з 1851 р. Детальніше див.: Рихтер Д. И. Николаевская железная дорога // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1897. – Т. XXI (1897). – С. 102–106.

Hotel «Napoleon» близ Исакиевской церкви – готель «Наполеон» знаходився на Малій Морській вулиці, неподалік від щойно тоді збудованого Ісакіївського собору.

Lise и Hélène – Єлизавета Василівна Кочубей (1821–1897), дружина князя Л.В. Кочубея, та її сестра Олена Василівна Кочубей (1824–1899), дружина генерала К.Г. Ребіндера (родича попечителя Київського навчального округу М.Р. Ребіндера). Г.П. Галаган був одружений з молодшою сестрою Єлизавети та Олени – Катериною Василівною.

Арк[адия] Вас[ильевича] – Аркадій Васильович Кочубей (1790–1878), дійсний таємний радник, сенатор, молодший брат Д.В. та О.В. Кочубей, дядько дружини Г.П. Галагана, власник маєтку в містечку Згурівка (Прилуцького повіту Полтавської губернії, зараз – селище міського типу Київської області), отриманого 1824 р. як посаг за дружиною, Софією Миколаївною Вяземською (1798–1834): «Я нашел имение отличным: почва чисто черноземная, но хозяйство находилось в большом беспорядке – из построек была всего одна изба, которую занимали приказчик и писарь» (Кочубей А.В. Записки. – С. 209). До революційних подій 1917 р. маєток належав нащадкам А.В. Кочубея. Тут було розбудовано значний палацовий комплекс, 1837 р. облаштовано великий парк. Згурівський маєток, поряд із маєтками у Кунашівці, Дубовичах, Ярославці, Гнилиці, Качанівці тощо, входив до мережі

родинно-сусідського спілкування сімей Галаганів, Кочубеїв, Марковичів, Сколопадських.

у Кошелевой – О.Ф. Кошельової, дружини слов'янофіла О.І. Кошельова.

Титовым – Володимир Павлович Тітов (1807–1891), російський літератор, дипломат, був вихователем спадкоємця престолу цесаревича Миколи Олександровича.

Одоевским и Гильфердингом – князь Володимир Федорович Одоевський (1804–1869), помічник директора Публічної бібліотеки і завідувач Румянцевського музею, літератор і музикознавець, та Федір Іванович Гільфердінг (1798–1864), директор Департаменту внутрішніх зносин Міністерства закордонних справ, управляючий Державним архівом. Обидва були близькими до московських слов'янофілів.

Ал[ександр] Ник[олаевич] Попов – Олександр Миколайович Попов (1821–1877), чиновник II відділення Власної Його Імператорської Величності канцелярії, історик, слов'янофіл.

Панин – граф Віктор Микитович Панін (1801–1874), дійсний таємний радник, статс-секретар, міністр юстиції у 1841–1862 рр., консерватор.

В.К.К.Н. – великий князь Костянтин Миколайович (1827–1892), молодший брат Олександра II, генерал-адмірал, впливовий ліберальний державний діяч.

Норов – Авраам Сергійович Норов (1795–1869), дійсний таємний радник, міністр народної освіти у 1853–1858 рр., літератор.

Был у Бажанова – мається на увазі, імовірно, о. Василь Борисович Бажанов (1800–1883), протоієрей, духівник імператорської родини.

Долгоруков – князь Василь Андрійович Долгоруков (1804–1868), генерал від кавалерії, генерал-ад'ютант, головний начальник III відділення Власної Його Імператорської Величності канцелярії. З В.А. Долгоруковим Г.П. Галаган познайомився восени 1857 р., під час візиту імператора Олександра II до Києва, про що йдеться у листі до О.В. Кочубея: «Я был представлен кн. Долгорукову по его собственному желанию, и мы поговорили с ним хоть немного о настоящем положении вопроса крестьянско-помещичьего. [...] Кн. Долгоруков был очень со мною любезен и объявил мне, что он намерен мне иногда писать и задавать некоторые вопросы. Многие из высших наших чиновников истинно благонамеренны, но в отношении известного вопроса бродят во тьме, потому что у них недостает опоры на людей практических. Мы готовы бы были им служить для общей пользы и совершенно даже устраняя свою личность от всякой чести в этом деле...» (ІР НБУВ, ф. III, оп. 1, спр. 11092, арк. 2зв.).

Семейство Петра Аркадьевича – П.А. Кочубей був одружений з Варварою Олександрівною, уродженою графинею Кушельовою-Безбородько (1829–1894). На час написання листа у подружжя було троє малих дітей – Олександр (Саша), Аркадій (Аркадя) та Софія (Соня). До початку 1860 р. подружжя Кочубеїв втратило цих своїх дітей: Аркадя помер наступного, 1859 р., а Саша та Соня – взимку 1860 р. Зі «Спогадів про мого єдиного сина» К.В. Галаган: «...на другой день утром я получила записку от Вар[вары] Алек[сандровны] Кочубей, которая уведомляла меня, что оба ее дети, накануне совершенно

здоровые, заболели scarлатиной; в то время свирепствовала эта болезнь в Петербурге и уносила много жертв, в том числе были и бедные дети Петра Аркадьевича, через неделю их не стало» (ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 95, арк. 6зв.).

Алексея Комаровского – граф Олексій Євграфович Комаровський, брат П.С. Комаровського, зятя П.Г. Галагана.

Вчера обедал у сестриц – у сестер Катерини Василівни, дружини П.Г. Галагана.

Анны Барановой – графиня Анна Олексіївна Баранова (1823–1890), уроджена Васильчикова (сестра П.О. Васильчикова), дружина генерала П.Т. Баранова.

№10

Хрущовым – Дмитро Петрович Хрущов (1816–1864), сенатор, прибічник скасування кріпацтва.

Лизвету Мих[айловну] Бутурлину – Єлизавета Михайлівна Бутурліна (1805–1859), уроджена Комбурлей, вдова Д.П. Бутурліна, статс-дама, гофмейстерина при великій княгині Олександрі Йосифівні, дружині великого князя Костянтина Миколайовича.

у Гендриковых – граф Олександр Іванович Гендріков (1807–1881), багатий поміщик Харківської губернії, шталмейстер, інспектор державних кінських заводів, та його дружина, Євдокія Василівна, уроджена Гудович (1822–1901), двоюрідна сестра Г.П. Галагана.

о Василии Аркадьевиче – Василь Аркадійович Кочубей (1826–1897), молодший брат П.А. Кочубея та двоюрідний брат дружини Г.П. Галагана, поміщик Чернігівської та Полтавської губерній, з 1850 р. разом із братом Петром володів Згурівською економією, спадщиною їхньої матері.

№11

килимбасти и пр. – Г.П. Галаган згадує дитячі слова свого маленького сина Павлуся.

он проснулся и разговаривает с нянею – для догляду за малолітнім сином Г.П. Галаган обрав селянку Марію, мешканку села Максимівка Борзнянського повіту Чернігівської губернії (у заміжжі – Полякову), характеризуючи її як жінку хоча й неписьменну, але від природи розумну, котра «...говорила с Павлусем на чистом малороссийском наречии» (ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 6882, арк. 4зв.).

с первой тяжелою почтою – у Російській імперії поштові перевезення поділялися на три групи – «легкі», «важкі» та «екстрені». Якщо «легкою» і «екстреною» поштою відправлялися приватні та казенні листи, документи, невеликі суми грошей тощо (вагою до 10 фунтів), то «важкою поштою» пересилалися казенні тюки та посилки, а також приватні вантажі, золоті та срібні монети у великій кількості. Детальніше див.: Почтовый дорожник, или описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей. – СПб, 1829. – С. 452–454.

живописный Карамзин – Живописный Карамзин, или Русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево. – Ч.1–3. – СПб., 1836–1844. Це

пишно ілюстроване видання з історії Росії для дітей. Вочевидь воно призначалося для Павлуся Галагана. Після передчасної смерті сина, що не дожив до свого 16-річчя, К.В. Галаган у спогадах про нього зазначала: «Самым любимым предметом Павлуся была история, и особенно русская история, которую, можно сказать, он знал, в объеме учения своего, в совершенстве...» (ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 95, арк. 19 зв.).

журналы воспитания и общепользных сведений – «Журнал для воспитания», що видавався з 1857р. педагогом Олександром Олександровичем Чуміковим, та «Журнал общепользных сведений».

об иконописании, (другой, могилевского архиерея, не могу найти) – мається на увазі твір моголівського архієпископа Анатолія (Мартиновського) «Об иконописании» (СПб., 1845).

«Пай-Хой» – это моя книга; впрочем, интересны картинки – йдеться про видання: Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: Исследования экспедиции, снаряженной Императорским Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 годах. – Т. 1–2. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1853–1856. 2-й том цього видання містить численні ілюстрації.

две-три книжечки берлинского издания. Как хорош Рылеева «Волинский» – маються на увазі «Сочинения Рылеева», надруковані у Берліні 1857р. видавництвом «Ferdinand Schneider». До цієї збірки увійшли думи «Волинський», «Борис Годунов», «Дмитро Самозванець», «Глинський», уривки з поеми «Наливайко» та інші поетичні твори Кіндратія Рилєєва.

Шеншин – Микола Васильович Шеншин (1827–1858), полковник, флігель-ад'ютант, член від уряду в Петербурзькому комітеті з покращення побути поміщицьких селян, рішучий прибічник скасування кріпацтва.

я приготовил записку, которую подам министру Ланскому – чорновий варіант цієї записки під назвою «О крестьянских усадьбах» з позначкою «Подано министру вн[утренних] дел в 1858» зберігся в Інституті рукопису НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 6951, 3 арк.

Опочинина – Віра Іванівна Опочініна, уроджена Скобелєва (1825–1897), вдова полковника К.Ф. Опочініна.

Шеншина – Євгенія Сергіївна Шеншина, уроджена Арсенєва, дружина М.В. Шеншина.

с Варварою Александровною – В.А. Кочубей, дружиною П.А. Кочубея.

гр. Е.Е. Комаровского – граф Єгор Євграфович Комаровський (1803–1875), старший брат П.Є. Комаровського, зятя Г.П. Галагана.

Граббе – Павло Христофорович Граббе (1789–1875), генерал від кавалерії, генерал-ад'ютант, видатний восначальник. У першому шлюбі був одружений з небогою Галаганів – Вірою Михайлівною Скоропадською (1801–1828). Власник маєтку в селі Блотниця Прилуцького повіту Полтавської губернії (зараз – Болотниця Талалаївського району Чернігівської області). На початку 1830-х рр. облаштовувати садібний комплекс у маєтку П.Х. Граббе, котрий тоді перебував у війську, допомагав батько автора листів, Павло Григорович Галаган. З листа П.Х. Граббе до П.Г. Галагана від 27 січня 1831р.: «Как мне достойно благодарить Вам за заботливость Вашу, любезный мой

друг, насчет постройки дома во Блотнице, за то, отвечаю Вам, что Вы не будете иметь соседей, более Вам преданных» (ЦДАК, ф. 1475, оп. 1, спр. 4, арк. 17–17 зв.).

Поздравляю с вице-губернатором Селецким – Петро Дмитрович Селецький (1821–1880), чиновник з особливих доручень при київському генерал-губернаторі, у 1858 р. призначений київським вице-губернатором. Музикант-аматор.

Веселкин – Михайло Олександрович Вєсьолкін, попередник П.Д. Селецького на посаді київського вице-губернатора, у 1858 р. призначений полтавським вице-губернатором.

чиновничий дуэт с Волковым – Олександр Павлович Волков, дійсний статський радний, у званні камергера, полтавський цивільний губернатор. М.О. Вєсьолкін мав служити з ним у Полтаві.

№12

новый циркуляр министра внутр[енних] дел – йдеться про циркуляр від 17 лютого 1858 р. Він мав на меті точніше висловити ставлення уряду до селянської реформи, проте виявився занадто консервативним і викликав невдоволення прибічників скасування кріпацтва. У ньому, зокрема, було зазначено, що допускається переселення селян у межах одного маєтку, що-правда за умови згоди на це між селянами та поміщиком. Як і підозрював П.Г. Галаган, остаточна редакція цього циркуляру не відбивала дійсних поглядів С.С. Ланського на селянське питання, однак міністр мусив підписати цей документ під тиском консерваторів.

О переселении я написал откровенно и сильно – у записці «О крестьянских усадьбах» Г.П. Галаган писав: «...так как комитеты в губерниях открываются по мере подачи о том верноподданейших прошений со стороны дворян, то во многих местах помещики, не дожидаясь распоряжения правительства или приведения в исполнение положений комитетов, начнут переселять крестьян с одного места на другое с большою поспешностью и имея в виду только лишь свои собственные интересы. Многие крестьяне могут быть в таких случаях совершенно обижены. Взамен теперешних усадеб, хорошо обустроенных, с удобренными огородами, могут быть им отводимы места бесплодные, песчаные или болотистые. Такие перемены могут быть особенно крайне чувствительны для крестьян южной полосы России, где часто усадьбы крестьянские заняты вековыми садами, их предками и ими самими устроенными...» (ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 6951, арк. 2–2 зв.).

пример в милой Софии Григорьевне – Софія Григорівна Енгельгардт, вдова П.В. Енгельгардта, сестра графині О.Г. Гудович, тітки Г.П. Галагана. Кріпаком Енгельгардтів свого часу був Тарас Шевченко.

с Валуевым – Петро Олександрович Валуєв (1815–1890) у 1853–1858 рр. обіймав посаду курляндського губернатора. Зарекомендував себе прихильником реформ своєю запискою «Дума русского», складеною у 1855 р. Згодом П.О. Валуєв стане одним з головних державних діячів доби царювання Олександра II.

Милютин – Микола Олексійович Милютин (1818–1872), один з провідних діячів селянської реформи. Належав до впливового ліберального гуртка, що склався при дворі великої княгині Олени Павлівни, водночас був близький до слов'янофільських кіл. На час написання листа обіймав посаду директора Господарського департаменту Міністерства внутрішніх справ у чині дійсного статського радника.

Абаза – Олександр Огійович Абаза (1821–1895), на посаді церемоніймейстера, служив при дворі великої княгині Олени Павлівни, належав до її ліберального гуртка. О.О. Абаза був прибічником реформ і згодом став одним з видатних державних діячів правління Олександра II.

Соловьев – Яків Олександрович Соловйов (1820–1876), товариш П.Г. Га-лаґана з часів навчання у Петербурзькому університеті, фахівець з аграрного питання, у 1858 р. призначений завідувачем Земського відділу Центрального статистичного комітету Міністерства внутрішніх справ, що став важливим осередком підготовки селянської реформи.

Арапетов – Іван Павлович Арапетов (1811–1887), дійсний статський радник, чиновник при міністрі уділів, близький до літературних кіл, ліберал, прихильник знищення кріпацтва.

Заблоцкий – Андрій Парфенович Заблоцький-Десятовський (1808–1881), уродженець Чернігівщини, економіст, дійсний статський радник, директор Департаменту сільського господарства Міністерства державних маєтностей, фахівець з аграрних відносин, прибічник скасування кріпацтва.

с кн. Вяземским – князь Петро Андрійович Вяземський (1792–1878), російський літератор пушкінського кола, таємний радник, сенатор, ординарний академік Імператорської Академії наук, товариш (заступник) міністра народної освіти у 1855–1858 рр.

Гаевского до сих пор не выдал – Павло Іванович Гаєвський (1797–1875), таємний радник, директор Департаменту народної освіти.

Pierre – П'єр, П.А. Кочубей.

Соня, одетая по-нашему, очень мила – Соня Кочубей носила українське народне вбрання.

№13

я прежде отправлял письма по московской почте, а потом переменял и отправляю по белорусской и малороссийской – «московська пошта» здійснювала зв'язок з «Москвою и со всеми заМосковскими губерниями и областями, а также с Тверскою и Новгородскою губерниями», листи відправлялися щоденно, окрім неділі, отримувалися щоденно, окрім четверга; «білоруська та малоросійська пошта» здійснювала зв'язок з «Псковскою, Витебскою, Могилевскою, Минскою, Черниговскою, Полтавскою, Киевскою, Екатеринославскою, Таврическою, Херсонскою, Волынскою и Подольскою губерниями, Бессарабскою областю; также с городами: Лугою, Гатчиною, а зимою с Софиею или Царским Селом», листи відправлялися двічі на тиждень – у середу та суботу, отримувалися теж двічі – у неділю та четвер (Почтовый дорожник, или описание всех почтовых дорог Российской Империи... – С. 467).

Шмигельського – Іван Іванович Шмигельський, титулярний радник, чернігівський губернський землемір.

у Бурцихи – імовірно, мається на увазі Емілія Василівна Бурцова, молодша сестра В.В. Тарновського (старшого).

на Іваненка нельзя надеяться, они все с придурью – мабуть, йдеться про представника численного роду Іваненків, полтавських та чернігівських поміщиків (див.: Модзалевський В.Л. Малороссийский родословник. – К.: Типография Т-ва Г. Л. Фронцевич и Ко, 1910. – Т. 2 : Е – К. – Іваненки. – С. 179–203).

Alexandrine – Олександра Григорівна Милорадович.

Что же касается до Кисилевского – йдеться про представника родини Киселівських (Кисельських), давніх мешканців Києва. Григорій Іванович Киселівський, купець 1-ї гільдії, надвірний радник, був останнім київським війтом. Особи з цієї родини входили до кола спілкування сімейств Галаганів – Маркевичів ще з початку ХІХ ст.: «15-го приехали [...] Платон Ив[анович] Кисельский с женою, из Киева» (лист М.А. Маркевича П.Г. Галагану від 28 січня 1832 р., ЦДІАК, ф. 1475, оп. 1, спр. 2026, арк. 6зв).

Levassor – П'єр-Тома Левассор (1808–1870), французький артист-комік, майстер пародії.

Смирнова (губернатора) – Микола Михайлович Смирнов, дійсний статський радник, камергер, петербурзький цивільний губернатор.

барона Фитингофа – барон Олександр Борисович фон Фітінгоф-Шель, надвірний радник, у званні камергера, ліфляндський ландрат (член Ландратної колегії – дворянського станово-представницького органу, що існував у Ліфляндській губернії), був кандидатом у Петербурзькому комітеті з покращення побуту поміщицьких селян.

«Остзейские положения» – йдеться про комплекс нормативних актів, що визначали становище латиського та естонського селянства Ліфляндської, Естляндської та Курляндської губерній, які разом іменувалися Остзейським краєм, зокрема «Положення для поселення Ліфляндської губернії» від 20 лютого 1804 р., «Установлення для естляндських селян» і «Положення про естляндських селян» від 23 травня 1816 р., «Установлення про курляндських селян» від 25 серпня 1817 р. тощо. Сутність селянської реформи у Прибалтиці, здійсненої значно раніше, ніж на решті території Російської імперії, полягала у скасуванні кріпосного права при збереженні землі у власності поміщиків.

Кошелев вчера уехал, получил позволение на издание журнала об эмансипации – мається на увазі дозвіл на видання часопису «Сельское благоустройство», що мав бути додатком до журналу «Русская беседа».

у Шийка – Семен Андрійович Шийко, управляючий київською палатою державних маєтностей.

Баршевского – напевно, йдеться про Віктора Ілліча Баршевського, товариша голови Чернігівської палати цивільного суду.

Оконоры – родина О'Коннор, що мешкала у Чернігові.

№14

Marie – Марія Павлівна Комаровська, сестра Г.П. Галагана.

у гр. Разумовской – графиня Марія Григорівна Розумовська (1772–1865), уроджена княжна Вяземська, у першому шлюбі – княгиня Голіцина, вдова графа Льва Кириловича Розумовського. Галагани були посвоячені з Розумовськими через шлюб Івана Григоровича Галагана, прадіда Г.П. Галагана, з Катериною Юхимівною Дараган, племінницею гетьмана К.Г. Розумовського.

Сегодня день имени Нины – йдеться про графиню Євдокію Василівну Гендрікову, яку рідня і близькі називали Ніною. 1 березня (за старим стилем) православна церква поминає св. Євдокію.

Н.К. Меринга – мається на увазі, імовірно, хтось з родичів Ф.Ф. Меринга. **комитет об эмансипации, хотя и принял такое нерешительное название, но уже не секретный** – 5 січня 1857 р. було засновано секретний комітет для розгляду постанов і пропозицій щодо кріпосного стану. На початку 1858 р. він отримав найменування Головного комітету з селянської справи. Очільником його вважався Олександр II, за відсутності царя головував генерал-ад'ютант, генерал від кавалерії, голова Державної ради князь О.Ф. Орлов, а правителем справ став державний секретар В.П. Бутков. До складу Головного комітету з селянської справи увійшли представники вищої імперської бюрократії. Діяльність цієї установи стала гласною.

Под его распоряжением есть другой комитет, в котором председатель Левшин и секретарь Соловьев – позаяк члени Головного комітету з селянської справи здебільшого не були фахівцями з аграрної проблематики, то для безпосереднього опрацювання проектів селянської реформи у складі Міністерства внутрішніх справ було створено Земський відділ. Ініціатором його заснування був Олексій Іраклійович Левшин (1798–1879), таємний радник, сенатор, товариш (заступник) міністра внутрішніх справ, що відігравав важливу роль на початковому етапі підготовки селянської реформи. Завідувачем справами відділу став Я.О. Соловйов. Утворення Земського відділу було оформлено ухвалою Державної ради від 4 березня 1858 р. (Див.: Левшин А.И. Достопамятные минуты в моей жизни // Русский архив. – 1885. – Вып.8. – С.475–557).

Кулиш сбился с толку – взаємини П.О. Куліша і Г.П. Галагана були вельми напруженими, зі взаємними образами та недовірою, що було, вочевидь, наслідком великої соціальної відстані, яка їх розділяла. П.О. Куліш у своїх листах не раз критично висловлювався про Г.П. Галагана та членів його родини. Приміром, у листі до М.Д. Білозерського з Києва від 30 листопада 1855 р. П.О. Куліш писав: «В Москве многие дамы отвергли немецкий костюм и оделись по-русски. В Киеве тоже хотят сбросить его, но не иначе, как для малорусского. Кто будет первою – интересно знать. Галаган сильно декламирует в пользу национальности. Но она, я думаю, состоит не в костюме, а в великодушии, которого он не имеет» (Куліш П.О. Листи до М.Д. Білозерського / Упоряд., вступ. стаття і комент. О.О. Федорук; відп. ред. Є.К. Нахлік. – Нью-Йорк-Львів : В-во М.П. Коць, 1997. – С. 13). Ще відвертіше він писав про своє ставлення до Галаганів у листі до Параски Федорівни Глібової від 6 березня 1862 р.: «Галаганы – добрые люди в обыкновенном общежитейском смысле; но я не люблю Григория Павл[овича] за его сухую, скупую, непоэтическую натуру. Особенно доброго он не способен сделать, а дурное, смотря по

его панским обстоятельствам, очень и очень способен» (Ів. К-й [Капустянський І.Н.] До життєпису П. Куліша // Червоної шлях. – 1924. – № 8-9. – С. 282). Докладніше про стосунки П.О. Куліша і Г.П. Галагана див.: Нахлік Є. Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель: У 2 т. – К.: Український письменник, 2007.

Максимович разбил Кулиша за записку Теплова – П.О. Куліш у своїй праці «Записки о Южной Руси» опублікував записку Григорія Миколайовича Теплова, російського урядовця, свого часу наближеного до гетьмана К.Г. Розумовського, – «О неурядках, которые происходят ныне от злоупотребления прав и обыкновенней, грамотами подтвержденных Малороссии». Вона містила гостру критику соціального ладу Гетьманщини. Згодом факти, наведені у цій записці, було використано російським урядом як привід для знищення автономії Гетьманщини. У передмові до публікації записки П.О. Куліш висловив свою переконаність у цілковитій достовірності того, як Г. Теплов зобразив жорстоку соціальну несправедливість, що запанувала у Гетьманщині. «Гетманщина с одной стороны представляла беспрепятственное поприще для всякого рода злоупотреблений власти и силы, с другой – была школою ябедников и сутяг, которых расплодилось в ней множество. Записка Теплова доказывает это фактами, которым нельзя не верить, потому что они не разногласят ни с документальными преданиями, ни с воспоминаниями малороссийских старожилов. О народе, о его благосостоянии и о его человеческих правах не было никакого помышления у самых образованных людей того века. Все, что стояло выше простолюдинов, смотрело на них, как на источник своего обогащения, и что только допускалось хитроизвитыми юридическими формами, или могло пройти безнаказанно, все считалось законным во мнении тогдашнего общества», – писав П.О. Куліш (див.: Кулиш П. Записки о Южной Руси. – СПб., 1857. – Т. 2. – С. 174). У відповідь на це М.О. Максимович надрукував у слов'янофільському журналі «Русская беседа» розлогу критичну розвідку «О Григории Николаевиче Теплове и его записке “О неурядках в Малороссии”», спрямовану на те, щоб спростувати вкрай непривабливий образ Гетьманщини, представлений П.О. Кулішем слідом за Г.М. Тепловим. Підсумовуючи свої думки з цього приводу, М.О. Максимович писав: «Малороссия XVIII века, при всех злоупотреблениях и неурядках (курсив тут і далі до кінця цитати М.О. Максимовича), бывших в ней на исходе ее гетманства и старого козачества и вольноперехожого посольства (себто ще не покріпаченого селянства. – *Упорядн.*) содержала в себе еще много добра и правды во всех сословиях народа своего, и послужила ими с честью и славою, как сама для себя, так и для всего Русского мира» (див.: Собрание сочинений М.А. Максимовича. – К., 1876. – Т. 1: Отдел исторический. – С. 564). Очевидно, що особисто для Г.П. Галагана Кулішева візія української історії XVIII ст. була вельми дражливою, бо викривала ті несправедливі засоби, якими його предки нагромадили багатство, що він отримав у спадок.

разбить его за граматку и особенно за издание Марка Вовчка – йдеться про видання: [Куліш П.] Граматка. – Спб. : В Тип. П.А. Кулиша, 1857. – 149 с.; Народні оповідання Марка Вовчка. – Спб. : В Тип. П.А. Кулиша, 1858. – 189 с.

Песни свои я ожидаю – мова йде про збірку українських народних пісень (текст з нотами), упорядковану М.А. Маркевичем та опубліковану його двоюрідним братом Г.П. Галаганом, – Южно-руські пісні: з голосами: [для голосу

з фп.] / [зібрав та аранж. М.Маркевич]; [худ.] М.Б. [Михайло Башилов]. – К.: Собственность издателя [Г. Галаган], 1857. – 97 с. Збірка починається піснею «Чайка», тексти скомпоновано у наступні розділи: «Песни женские», «Песни плясовые», «Песни козацкие», «Песни бурлацкие», «Песни мужицкие», «Думы» (усього 50 текстів). Нерідко ця збірка помилково презентується дослідниками як така, що упорядкована самим Г.П. Галаганом.

№15

Léon – Леон, Лев Вікторович Кочубей.

Кн. Голицына – княгиня Олександра Василівна Голицина (Аліна).

Борковский... Яков – Яків Дмитрович Дунін-Борковський (1818–1876), старший брат В.Д. Дуніна-Борковського.

Соловьев, которого статистика Смоленской губ[ернии] у меня есть – Соловьев Я.А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. – М.: Тип. Александра Семена, 1855. – 486 с.

у разных родных Комаровских – графи Комаровські були посвоячені з Галаганамі через шлюб Марії Павлівни, сестри Г.П. Галагана, з П.Є. Комаровським.

обедаем у Лизы – ідеться про княгиню Єлизавету Василівну Кочубей, дружину Л.В. Кочубея.

Теперь о Бессонове – Бессонов був кандидатом на посаду управителя у маєтностях Галаганів.

в Гнилице так дурно идет теперь хозяйство, что старика Дейкуна более держать нельзя. Я говорил об этом Фед[осию] Ив[ановичу] – маються на увазі Іван Дейкун, управитель Гнилицького маєтку, та його син Ф.І. Дейкун, що служив управителем садиби Галаганів у Києві.

№16

В.И. Туманский... на место Покорского – Володимир Іванович Туманський (1809–1889), відставний штаб-ротмістр, глухівський повітовий предводитель дворянства у 1851–1866 рр., призначений членом комітету для розмежування Малоросійських губерній замість О.І. Покорського-Жоравки.

Высоцкого – Степан Степанович Висоцький, лохвицький повітовий предводитель дворянства у 1850–1861 рр., раніше був межим суддею Лохвицького повіту.

Сегодня я поеду на Сергиевскую поговорить о деле с Еленой и узнаю, если смогу, что за причина холодности Léon ко мне – Олена Василівна (Hélène), своячениця Л.В. Кочубея (Léon).

«Багрова внука» – твір С.Т. Аксакова «Дитячі роки Багрова-внука», надрукований окремих виданням у 1858 р.

полные сочинения Языкова – Стихотворения Н.М. Языкова : В 2 ч. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.

№17

Пока хозяйство шло дорогою рутины, то кое-как было сносно, и только что я начал предприятия... – Г.П. Галаган прагнув оновити форми господарювання

у своїх маєтках, передусім розпочати роботу так званих «комерційних цукроварень», що існували не у складі панської економії, а окремо. Цукровий завод в Ічні, про який йдеться в листах, імовірно, був підприємством саме такого ґатунку. (Див.: Тимошенко А. Стан переробної промисловості у маєтках Г.П. Галагана (40–60 рр. XIX ст.) // Сіверянський літопис. – 2006. – №1. – С. 52–59).

Парохонский – імовірно, один із службовців Галаганів.

Романса Лизы трудно отыскать; весь разошелся – йдеться про музичний твір Є.В. Кочубей «Скажите ей», опублікований 1857 р. («Скажите ей!»: Романс / Муз. кн. Е.В. Кочубей; Слова «Когда б он знал» гр. Е.П. Ростопчиной, переделанные кн. Н.А. Долгоруковым. – СПб.: М. Бернгард, 1857. – 5 с.). Є.В. Кочубей була талановитою композиторкою, авторкою низки романсів, доволі популярних у другій половині XIX ст.

в отношении Позена – Михайло Павлович Позен (1798–1871), таємний радник. Обіймав важливі посади – управляючого військово-похідною канцелярією Його Імператорської Величності та управляючого VI тимчасовим відділенням Власної Його Імператорської Величності канцелярії, яке опікувалося російськими володіннями у Закавказзі. У 1845 р. вийшов у відставку. Був заступником голови Полтавського комітету з покращення побуту поміщицьких селян. Будучи консерватором, М.П. Позен при підготовці селянської реформи обстоював поміщицькі інтереси. Проте останнім часом в історіографії намітилася переоцінка позицій М.П. Позена щодо підготовки та проведення реформи, про що детальніше див.: Литвинова Т.Ф. «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – у першій половині XIX століття (ідеологічний аспект). – Д.: «Ліра», 2011. – С. 606–622.

часики Savonette – кишеньковий годинник, у котрому циферблат закритисяється кришкою.

Павлусяке посылаю конюшню с лошадьми и повозками – такий подарунок у середині XIX ст. рівноцінний даруванню сучасному хлопчику іграшкової машини з гаражем; до того ж, за свідченням матері, Павло Галаган у підлітковому віці захоплювався кінною їздою: він «...ездил верхом превосходно и сидел на лошади легко и грациозно; лошадей не боялся и имел к ним даже небольшую страсть, правил лошадьми не хуже любого кучера, парой и тройкой» (ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 95, арк. 29 зв.).

№18

Электропочта – телеграф.

Джунковский – Петро Степанович Джунковський, поміщик Костянтиноградського повіту Полтавської губернії.

у гр. Блудова – граф Дмитро Миколайович Блудов (1785–1864), дійсний таємний радник, статс-секретар, член Державної ради, головноуправляючий II відділенням Власної Його Імператорської Величності канцелярії, президент Імператорської Академії наук.

Журавскому – Дмитро Петрович Журавський (1810–1856), видатний вчений-статистик, економіст, служив чиновником з особливих доручень при київському цивільному губернаторі І.І. Фундуклеї, вченим секретарем комісії

для опису губерній Київського навчального округу, серед його наукових праць найважливішою є «Статистическое описание Киевской губернии» (у 3-х частинах, опублікована І.І. Фундуклеєм, СПб., 1852).

князя Воронцова – князь Семен Михайлович Воронцов (1823–1882), генерал-ад'ютант, багатий поміщик.

№19

кн. Голицын Сергей – князь Сергій Павлович Голицин (1815–1887), державний діяч, дипломат (до 1858 р. служив при російській місії у Штутгарті, коли там посланником був В.П. Тітов), учасник підготовки селянської реформи, згодом буде чернігівським цивільним губернатором.

Ковалевский – Євграф Петрович Ковалевський (1790–1867), уродженець Слобожанщини, державний діяч, у 1856–1858 рр. був попечителем Московського навчального округу, в 1858–1861 рр. обіймав посаду міністра народної освіти.

воображаю его то в жупане, то в кобеняке и шитье, то в рубашечке – за свідченням самого Г.П. Галагана, син його у ранньому дитинстві носив українське вбрання: «Одевали мы его в народной малороссийской одежде, простого, но изящного покроя, и которую потому нельзя было назвать костюмом, а именно одеждою...» (ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 6926, арк. 4зв.). У той самий час, коли було написано ці рядки (1870-ті рр.), О.Ф. Кістяківський зазначив у своєму щоденнику про Г.П. Галагана (запис від 27 серпня 1879 р.): «...он числится в глазах панов с малороссийскою закваскою и когда-то водил своего покойного сына в свитке и шапке. Конечно, все это больше прекраснодушие...» (Кістяківський О.Ф. Щоденник (1874–1885): У 2-х тт. – Т. 1. – К.: Наукова думка, 1994. – С. 494).

картина Жемчужникова уже продана – Лев Михайлович Жемчужников (1828–1912), живописець і графік, за материнською лінією був нащадком роду Розумовських. Впродовж 1852–1856 рр. неодноразово бував в Україні, встановив дружні стосунки з багатьма українськими панськими родинами – Лизогубами, де Бальменами, Галаганами (його далекими родичами з боку Розумовських) тощо. Л.М. Жемчужников був одним з найбільших поціновувачів малярської та поетичної спадщини Тараса Шевченка, його добрим знайомим. Влітку 1854 р. у Сокиринцях, маєтку Галаганів, Л.М. Жемчужников написав один з найвідоміших своїх творів – картину «Кобзар» («Кобзар на шляху») за сюжетом поеми Т. Шевченка «Катерина».

Тетенька совсем даже не обедает – Олена Василівна Маюрова (1793–1863), уроджена Кочубей, сестра Василя, Дем'яна, Олександра та Аркадія Кочубейів, тітка дружини Г.П. Галагана. У 1822 р. взяла шлюб з Олексієм Івановичем Маюровим (1780–1848), військовим інженером, викладачем Інституту Корпусу інженерів шляхів сполучення, згодом чиновником з особливих доручень при новоросійському генерал-губернаторі М.С. Воронцові в Одесі. Г.П. Галаган з великою теплотою згадував О.В. Маюрову в біографічному нарисі «Рід Галаганів»: «Тетка Екатерины Васильевны, Елена Васильевна Маюрова, была женщина необыкновенной доброты. Будучи несчастлива с мужем, она посвятила жизнь своим братьям и их семействам. Средства свои она употребляла на помощь

неимуцим..» ([Ґалаган Г. П.] Род Ґалаганов // 25-летие Коллегии Павла Ґалагана в Киие / под ред. А.И.Степовича. – К. : Тип. И. И. Чоколова, 1896. – С. 22). О.В.Маюрова з 1816 р. володіла маєтком у с. Тиниця поблизу містечка Бахмач, отриманим нею у спадок від матері, О.В. Туманської. Саме з цього маєтку влітку 1847 р. виходила заміж за Григорія Ґалагана Катерина Кочубей, котра до того часу вже втратила й батька, й матір: «Екатерина Васильевна вышла замуж из дому тетки своей Елены Васильевны, в с. Тинице, Конотопского уезда, где свадьба происходила 15 августа 1847 года...» ([Ґалаган Г. П.] Род Ґалаганов... – С. 23).

№20

Говорят, что на место Ковалевского будет в Москве гр. Уваров – граф Олексій Сергійович Уваров (1825–1884), археолог, син С.С.Уварова, що був міністром народної освіти у 1833–1849 рр. Замість Є.П. Ковалевського, котрий очолив Міністерство народної освіти, попечителем Московського навчального округу став Олексій Миколайович Бахметев.

кн. Вяземский хочет подать в отставку и на место его будет кн. Щербатов – П.А. Вяземський залишив службу в Міністерстві народної освіти одночасно з відставкою міністра А.С. Норова. Князь Григорій Олексійович Щербатов (1819–1881), дійсний статський радник, що в 1856–1858 рр. обіймав посаду попечителя Петербурзького навчального округу, не став наступником князя Вяземського на посаді товариша (заступника) міністра народної освіти.

Княжевич – Олександр Максимович Княжевич (1792–1872), таємний радник, сенатор, у 1858 р. став міністром фінансів замість П.Ф. Брока і залишався на цій посаді до 1862 р.

Сухозанет – Микола Онуфрійович Сухозанет (1794–1871), генерал від артилерії, генерал-ад'ютант, військовий міністр у 1856–1861 рр.

Виктор Васильчиков – князь Віктор Іларіонович Васильчиков (1820–1878), генерал-ад'ютант, генерал-лейтенант, товариш (заступник) військового міністра.

гр. Закревского – граф Арсеній Андрійович Закревський (1783–1865), московський генерал-губернатор у 1848–1859 рр., людина з консервативними, навіть реакційними громадсько-політичними переконаннями.

у моих милых московских хозяев – маються на увазі московські родичі П.Ґ.Ґалагана – його мати, сестра та зять.

к Tatu Строгановой – йдеться, імовірно, про графиню Тетяну Дмитрівну Строганову, уроджену Васильчикову (1823–1880).

с известным Чичериным (писателем) – Борис Миколайович Чичерін (1828–1904), правник, історик, ліберальний громадський діяч, видатний представник російського західництва.

Иван Великий – дзвіниця у московському Кремлі.

выходит митрополит – московський митрополит Філарет (Дроздов).

в церкви гр. Шереметева – можливо, мається на увазі Домова церква Трійці Живоначальної при Богадільні графів Шереметевих.

Гессе – Павло Іванович Гессе (1801–1880), генерал-лейтенант, київський цивільний губернатор у 1855–1864 рр.

№21

твоя четырехместная карета будет готова к 1-му мая – в «Описі майна Сокиринської панської стайні її світлості графині К.П. Ламздорф-Галаган» від 21 жовтня 1908 р. серед 38 предметів (від дормезу – екіпажу, в якому можна було спати, до саней бігових) зазначено 4 чотиримісні карети, одна з яких, можливо, є та, що її було виготовлено в Москві навесні 1858 р.: «... купленная в Москве зеленая, обитая синим сукном и сафьяном» (ЦДІАК, ф. 1475, оп. 1, спр. 1216, арк. 74–79 зв.).

№22

Страдецкого – лікар Георгій Іванович Страдецький.

все деньги (13000), обещанные в возврат экономии, останутся невозвращенными – за висновками дослідників стану господарства в маєтках Г.П. Галагана, у 1858 р. цукровий завод в Ічні продав 3000 пудів цукру на суму 16710 крб., тобто песимістичні прогнози власника не справдилися – економія в Ічні повернула гроші, витрачені на облаштування виробництва (Тимошенко А. Стан переробної промисловості у маєтках Г.П. Галагана (40-60 рр. XIX ст.)... – С. 54).

в Английском клубе – Англійський клуб, де грали у карти і влаштовувалися розкішні обіди, був важливим осередком громадського життя Москви, а на чорну дошку записувалися прізвища осіб, виключених з числа членів клубу.

«Журнал землевладельцев» – часопис, що видавався у Москві О.Д. Желтухіним у 1858–1860 рр., в якому порушувалися питання селянської реформи.

«Парус» – газета, що мала стати одним з друкованих органів московських слов'янофілів. Її почне видавати у січні 1859 р. І.С. Аксаков, але після виходу другого номера газета буде закрита цензурою.

«Весельчак» – сатиричний журнал, що видавався з лютого 1858 р., попервах мав успіх у читаючої публіки, яка, втім, незабаром втратила до нього цікавість і видання його було припинено.

Максимович дал нам обед на Благовещенье по случаю возвращения Шевченка – Тарас Шевченко їхав до Петербургу, повернувшись з солдатчини. У своєму щоденнику він описав обід, що відбувся 25 березня: «Многоуважаемый М.А. Максимович задал мне обед, на который пригласил, между прочими, и ветхих денными товарищей своих Погодина и Шевырева. Погодин еще не так стар, как я его воображал себе, Шевырев старше и, несмотря на седенькую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает. Сладкий до тошноты старичок. В конце обеда амфитрион (гостинный господар, себто М.А. Максимович. – *Упорядн.*) прочел в честь мою стихи собственного сочинения. А после обеда милейшая хозяйка пропела несколько малороссийских песен, и восхищенные гости разошлись...» (Шевченко Т. Зібрання творів: У 6 т. – К., 2003. – Т. 5. – С. 166). Приїхавши до Петербургу, Т. Шевченко 28 березня відвідав Г.П. Галагана, записавши у щоденнику: «По снегу и слякоти пешком обегал я половину города почти без надобности. На перепутьи зашел в гостиницу Клея и нашел там только что приехавшего из Москвы Григория Галагана. Он передал мне письмо Максимовича с его стихами, читанными им за обедом 25 марта, записку на получение «Русской

беседы» и моего в Москве обретшегося «Еретика», т. е. «Яна Гуса», которого я считал невозвратно погибшим» (Там само).

Погодин – Михайло Петрович Погодин (1800–1875), академік, історик, близький до московських слов'янофілів громадський діяч, у минулому професор Московського університету і видавець часопису «Москвитянин».

Шевырев – Степан Петрович Шевирьов (1806–1864), поет, літературознавець, слов'янофіл, незадовго до того звільнений з Московського університету, де він тривалий час був професором історії російської словесності, за публічну бійку з графом Бобринським, якого звинуватив у браку патріотизму. Саме від С.П. Шевирьова походить ідеологічне кліше про «гнилий Захід».

Щепкин – Михайло Семенович Щепкін (1788–1863), видатний російський театральний актор, котрий на початку своєї кар'єри (1816–1822 рр.) виступав у театральних колективах Харкова (труппа Штейна та Калиновського) і Полтави (труппа Полтавського театру під керівництвом І. Котляревського).

После обеда Шевченко прелестно пел с женою Максимовича – цей обід запам'ятався багатьом з його учасників, зокрема А.П. Єлагіна у до листі сина В.А. Єлагіна відзначила участь самого Г.П. Галагана у виконанні українських пісень: «После обеда Шевченко, хозяйка и Галаган стали петь малорос[сийские] песни и прेमило...». (Детальніше див.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. – М., 1939. – Вып. 5. – С. 28–29).

Троциною я очень доволен – Костянтин Єлисейович Троцина (1827–1914), багатий поміщик, ліберал, у часопису «Сельское благоустройство» публікував статті, присвячені підготовці селянської реформи, разом з Г.П. Галаганом був членом комітету для визначення головних засад розмежування Малоросійських губерній як представник від Полтавщини.

Родзянка, отец студента, человек пустоватый – Платон Гаврилович Родзянко, поміщик Хорольського повіту Полтавської губернії, член комітету з розмежування Малоросійських губерній. Його син, Андрій, був студентом Університету св. Володимира у Києві.

№23

в той же гостинице, что я, т. е. у Клея – готель, де оселився Г.П. Галаган, розташовувався на Михайлівській вулиці.

кн. Васильчикову... о его заметках к адресам его губерний – князь Іларіон Іларіонович Васильчиков (1805–1862), генерал-лейтенант, генерал-ад'ютант, київський військовий, подільський і волинський генерал-губернатор у 1852–1862 рр., під його управлінням перебували Київська, Подільська і Волинська губернії.

кн. Дабіже – князь Василь Дмитрович Дабіжа, інспектор Благородного пансіону при 1-й Київській гімназії.

№24

известия из По – По – курортне місто на півдні Франції.

спроси у Грабовского – йдеться, можливо, про Михайла Грабовського (1804–1863), київського знайомого Г.П. Галагана, власника маєтку в селі

Олександрівка на Чигиринщині, польського літератора та історика-краєзнавця Правобережної України.

от Бобринського – граф Олексій Олексійович Бобринський (1800–1868), багатий поміщик, підприємець, у своєму Смілянському маєтку на Черкащині у широких масштабах практикував розведення люцерни.

в Кунашевку – село Кунашівка (Конашівка) Борзнянського повіту Чернігівської губернії, один з маєтків Кочубеїв. На час написання листа він належав О.В. Кочубею. Цей маєток перебував у власності родини Кочубеїв до початку ХХ ст.

Ожидают много перемен к 17-му числу – 17 квітня – це день народження Олександра II.

кн. Сергей Кочубей – князь Сергій Вікторович Кочубей (1820–1880), молодший брат Л.В. Кочубея.

№25

Мнения... Ростовцева – Яків Іванович Ростовцев (1803–1860), генерал-ад'ютант, генерал-лейтенант, начальник Головного штабу Його Імператорської Величності по військово-навчальних закладах, член Державної ради, член Головного комітету з селянської справи, один з провідних діячів підготовки селянської реформи, причому попервах перебував на консервативних позиціях, обстоючи поміщицькі інтереси, що й відображено у листі Г.П. Галаґана, проте згодом зблизився з прибічниками ліберального розв'язання селянського питання («великого питання», як його називав Г.П. Галаґан).

хоть немного рассеялась зрелищем архиерейских посвящений – йдеться про висвячення в єпископський сан Антонія (Амфітеатрова), призначеного чигиринським єпископом, вікарієм Київської єпархії, що відбулося 30 березня 1858 р.

за обедом Веселкинским – на обіді у київського віце-губернатора М.О. Вєсьолкіна.

Федор Васильевич – Чижов.

по обыкновению, пили du 34 et du 41 – імовірно, тут йдеться про алкогольні напої різної міцності, причому Г.П. Галаґан користується системою виміру міцності, запропонованою академіком Г.І. Гессом.

дантист Мурфи – Яків Осипович Мурфій, придворний дантист.

№26

за присылку речи Антония – чигиринського єпископа Антонія (Амфітеатрова).

Итак, ты будешь получать «Сельское благоустройство» даром. Кстати о нем: добрые жители Почтамтской страшно вооружены против Самарина за статью 2-го № и долго дулись на меня, придя к заключению, что я вместе с ним хочу гибели России – у другому числі часопису «Сельское благоустройство» були опубліковані дві статті Ю.Ф. Самаріна: «О крестьянской земле» та «О неизбежности переходного состояния». У них йшлося про засади майбутньої селянської реформи. На його думку, скасування кріпацтва мусило супроводжуватися забезпеченням селянських громад землею за викуп, причому селя-

ни мали стати власниками своїх земель, однак передбачалося тимчасове збереження панщини (упродовж 10–12 років), допоки у сільському господарстві не складеться ринок вільнонайманої робочої сили (див.: Сочинения Ю.Ф. Самарина. – М., 1885. – Т. 3. – С. 19–44). Кочубеї («добрі мешканці Почтамтської») були, напевно, незадоволені саме статтею «Про селянську землю», в якій Ю.Ф. Самарін доводив право селян на володіння землею.

Теперь в академии художеств выставка картин и есть много хороших пейзажей для тех, у кого есть деньги – офіційне відкриття цієї виставки відбулося 7 квітня 1858 р., тут експонувалося 245 полотен; неодноразово виставку відвідав Т. Шевченко, чю увагу теж привернули пейзажі, виставлені тут: «выставка случилась в Академии художеств, которой я так давно не видел и которая для меня теперь самое светлое, самое высокое наслаждение. Какие пейзажи, просто чудо!..» (лист Т. Шевченка до С. Аксакова від 25 квітня 1858 р., вперше надрукований у виданні: Шевченко Т. Повне збір. творів. – К., 1929. – Т. 3. – С. 156–157).

Сегодня мы собираемся туда с Дем[ьяном] Вас[ильевичем], тетушкой и Варбе – з Дем'яном Васильовичем Кочубеєм, його сестрою Оленою Василівною Маюровою і Варварою Олександрівною, дружиною Петра Аркадійовича Кочубея.

к Левицкому – Сергій Львович Левицький (1819–1898), знаменитий пєтербурзький фотограф.

с кн. Черкасским – князь Володимир Олександрович Черкаський (1824–1878), громадський діяч, слов'янофіл, наприкінці 1850-х рр. близький до гуртка великої княгині Олени Павлівни, активний учасник підготовки і проведення селянської реформи. Був одружений з Катериною Олексіївною Васильчіковою, сестрою П.О. Васильчікова, знайомого Г.П. Ґалаґана.

чтобы он к моему приезду выучился несколькими малороссийскими песням – К.В. Ґалаґан у спогадах про сина, написаних вже після його наглої смерті, відзначала, що Павло «имел очень хороший слух и в детстве пел очень хорошо малороссийские песни...» (ІР НБУВ, ф. І, оп. 1, спр. 95, арк. 28).

№27

Прошел, наконец, день стольких ожиданий со всех сторон – день народження Олександра ІІ – 17 квітня.

говорят о двух Владимирах 1-й степени, и о 5-и тайных советниках – йдеться про нагороджених орденом св. Володимира та чином таємного радника.

Муханов – Микола Олексійович Муханов (1802–1871) займав посаду товариша (заступника) міністра народної освіти у 1858–1861 рр.

Сей последний был прежде при дворе каким-то обер-форшнейдером, и, как иные говорят, прекрасно выбрали его в товарищи министра, которому при настоящем направлении придется быть очень шнейдером в цензуре! – у 1856 р. М.О. Муханов здобув придворний чин обер-форшнейдера, обов'язком якого було розрізання м'ясної їжі на придворних бенкетах (нім. Vorschnider). Г.П. Ґалаґан каламбурить: німецьке слово Schneider означає «різник», себто М.О. Муханову доведеться «різати» твори

літераторів, бо на той час цензура перебувала у віданні Міністерства народної освіти.

Новая программа для занятий комитетов только что напечатана – йдеться про «Програму для занять губернських дворянських комітетів про покращення побуту поміщицьких селян», незабаром розіслану через губернаторів (див. її текст: Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. – СПб., 1861. – Т. 1. – С. 155–168.).

Кавелин написал статью в «Современнике», которая делает много шума... реакция хочет за это прицепиться, чтобы сломать шею Кавелину и удалить такого человека из того места, которое он теперь занимает – у квітневому числі часопису «Современник» за 1858 р. М.Г. Чернишевський анонімно опублікував другу частину своєї статті «О новых условиях крестьянского быта», яка містила розлогі цитати із «Записки про звільнення селян у Росії», написаної К.Д. Кавеліним у 1855 р., що доти поширювалася у рукописах (див.: Современник. – 1858. – № 4. – С. 493–539; Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. – Т. 5: Статьи 1858–1859. – М.: Гослитиздат, 1950. – С. 108–136, 923–924, 960). Причому М.Г. Чернишевський видав уривки з цієї записки без відома та згоди її автора. К.Д. Кавелін у своїй записці виступав за звільнення селян від кріпацтва з наданням їм за викуп земель, що перебували в їхньому користуванні. Добре поінформований О.В. Нікітенко записав у своєму щоденнику 20 квітня 1858 р.: «Выговор князю Щербатову (голови Петербургського цензурного комітету.– Упорядн.) за пропуск статьи Кавелина “О новых условиях сельского быта”, напечатанной в апрельской книжке “Современника”. Статья противоречит с мерами освобождения в рескрипте, почему ее и не пропустил цензор министерства внутренних дел. Несмотря на это, князь Щербатов позволил ее печатать, за что и сделан ему выговор» (Никитенко А.В. Записки и дневник. – СПб., 1893. – С. 86). 26 квітня О.В. Нікітенко знову зробив запис на цю ж тему: «Напечатание статьи Кавелина в “Современнике” имело следующие печальные последствия: князю Щербатову сделан высочайший выговор со внесением в послужной список; В.П. Титов подал в отставку от должности воспитателя наследника; Кавелин уволен от должности преподавателя. Титов, говорят, потому подал в отставку, что ему изъявлено высочайшее неудовольствие за выбор таких наставников, как Кавелин. Впрочем, не это главная причина. Месяца три тому назад напечатано в Лейпциге на русском языке письмо М.П. Погодина к В.П. Титову с советами, как воспитывать наследника. Письмо очень резкое. Тогда уже положение В.П. Титова начало колебаться. Партия, желающая воспитывать наследника в духе прежнего времени, воспользовалась этим и нанесла теперь решительный удар Титову. Но, вообще, во всем этом действует другая партия, более общая и сильная, партия, враждебная так называемому прогрессу, не желающая ни освобождения крестьян, ни развития науки, ни гласности, – словом, никаких улучшений, о которых после смерти Николая Павловича (царя Миколи I – Упорядн.) так сильно начало хлопотать общественное мнение. Главами этой партии считаются князь Орлов, князь Василий Долгорукий и граф Панин» (Там само. – С. 87).

спрашивал о Бунге и Шульгине – йдеться про викладачів Університету св. Володимира у Києві. Микола Християнович Бунге (1823–1895) був про-

фесором кафедри політичної економії та статистики, яку посідав у 1850–1869 рр., згодом був професором поліцейського права, обіймав посаду ректора у 1859–1862, 1871–1875, 1878–1880 рр. М.Х. Бунге стане одним з провідних державних діячів царювання Олександра III – буде міністром фінансів (у 1882–1886 рр.) і головою Комітету міністрів (у 1887–1895 рр.). Віталій Якович Шульгін (1822–1878) – викладач всесвітньої історії у 1849–1863 рр., автор популярних підручників, славився лекторською майстерністю. Згодом, у 1864 р., В.Я. Шульгін стане редактором газети «Киевлянин», що буде органом російських консервативно-націоналістичних кіл в Україні.

Ковалевский оказывает товарищем по учению с батюшкой и дяд[ей] Петром Григорьевичем – Є.П. Ковалевський навчався разом з Петром і Павлом Галаганами у петербурзькому Гірничому корпусі.

был у Головнина – Олександр Васильович Головнін (1821–1886), дійсний статський радник, у званні камергера, служив при дворі великого князя Костянтина Миколайовича, належав до його ліберального гуртка. У 1861–1866 рр. О.В. Головнін обіймав посаду міністра народної освіти.

Панаева, которому что-то сильно достаётся за «Современник» – Іван Іванович Панаєв (1812–1862), письменник та літературний критик, разом з поетом М.О. Некрасовим редагував часопис «Современник», що був найпопулярнішим прогресивним літературним і громадсько-політичним періодичним виданням у Росії середини XIX ст.

ген[ерал]-ад[ъютант] Огарев – Микола Олександрович Огарьов (1811–1867), генерал-ад'ютант, генерал-лейтенант, член артилерійського відділення Військово-ученого комітету, завідувач редакцією «Російської військової хроніки» та військовою літографією.

гр. Григ[орий] Строганов – йдеться, можливо, про графа Григорія Олександровича Строганова (1824–1878), племінника Л.В. Кочубея (сина його сестри Наталії), вельми яскравого представника петербурзького аристократичного світу, одруженого з дочкою Миколи I – Марією Миколаївною.

Данзас – найімовірніше йдеться про сенатора Бориса Карловича Данзаса (1799–1868).

милашевский гр. Нессельроде – граф Дмитро Карлович Нессельроде (1816–1891), дійсний статський радник, на посаді гофмейстера, чиновник Кабінету Його Імператорської Величності. Г.П. Галаган назвав Д.К. Нессельроде «милашевським» можливо в якомусь зв'язку з селом Милашево Мглинського повіту Чернігівської губернії, розташованим неподалік від Розритої – маєтку Гудовичів, родичів Г.П. Галагана з боку матері.

Ты меня спрашиваешь, почему я не представляюсь к известному высокому лицу? – Г.П. Галаган, можливо, має на увазі великого князя Костянтина Миколайовича.

«Печатную Правду»... кн. Голицына – князь С.П. Голицин видав призначену для селянства брошуру «Печатная правда» (СПб., 1858), написану в патріархально-повчальному тоні, в якій доводив історичну корисність кріпацтва, виключне право поміщиків на володіння землею і тлумачив для селян рескрипт Олександра II від 5 грудня 1857 р. про скликання Петербурзького губернського дворянського

комітету з покращення побуту поміщицьких селян. Лейтмотивом «Печатної правди» було прагнення переконали селян зберігати довіру і покірність до влади і поміщиків («помни і уважай Начальство, попросту сказати, свого помещика» – с. 44).

Опек[унский] совет – державна установа, створена для управління Виховним будинком для сиріт у Москві, що займалася кредитно-фінансовими операціями.

Прилагаю премилые стихи Шевченки. Их надобно читать медленно, как идиллии. Заставь Фед[осия] Ив[ановича] прочитать Павлуся – цей уривок було опубліковано у виданні: Т.Г. Шевченко в епістолярії відділу рукописів... – с. 26. Можливо, що вірші, про які йдеться, – це відомий лірико-філософський триптих «Доля», «Муза», «Слава», створений Т. Шевченком у Нижньому Новгороді у лютому 1858 р. і майже відразу після написання поширений у «малоросійському оточенні» поета у Москві і Петербурзі (детальніше див.: Шевченко Т. Зібрання творів: У 6 т. – К., 2003. – Т. 2: Поезія 1847–1861. – С. 699–701). Це припущення підтверджується тим, що Г.П. Галаган нерідко пропонував дружині в листах ознайомитися саме з літературними творами, які тільки-но з'явилися.

№30

Судьба Титова и Кавелина еще не решена, но едва ли они останутся при наследнике и их заменят какие-нибудь генералы – В.П. Тітов і К.Д. Кавелін були усунуті від цесаревича Миколи Олександровича. У 1860 р. його вихователем став генерал-ад'ютант граф С.Г. Строганов, з консервативними політичними переконаннями, але вельми освічений. Він залучив до навчання цесаревича викладачів Московського університету.

генералу Гедеонову – Іван Михайлович Гедеонов (1816–1907), генерал-майор, помічник управляючого Межовим корпусом, голова комітету «для визначення головних засад розмежування Малоросійських губерній».

в Диканьке – Диканька – діичний маєток Кочубеїв у Полтавському повіті (зараз – селище міського типу, центр Диканського району Полтавської області). У володінні Кочубеїв маєток перебував з 1687 до 1917 р. З другої половини XVIII ст. на території маєтку було розпочато будівництво репрезентативного палацово-паркового комплексу. Одне з найбільш ґрунтовних досліджень історії маєтку в Диканьці досі залишається в рукописі: Клепацький П.Г. Нариси з історії Диканського маєтку Кочубеїв від половини XVII до половини XIX ст. (переважно в 1786–1835 рр.). 1928. – ІР, ф. X, оп. 1, спр. 17 465, 196 арк.

я знаю черниговских дворян, тогда как полтавские почти мне неизвестны – згодом, однак, Г.П. Галаган братиме активну участь у діяльності Полтавського земства і буде предводителем дворянства Прилуцького повіту Полтавської губернії.

№31

Екатерингоф – парк на Єкатерингофському острові, улюблене місце відпочинку петербуржців.

ВИБРАНА БІБЛІОГРАФІЯ

ДЖЕРЕЛА

Архівні

Інститут рукопису Національної бібліотеки України
імені В. І. Вернадського

Фонд 1. Літературні матеріали

Опис 1

Спр. 95. Галаган Е. К. Воспоминания о моем единственном сыне. – 49 арк.

Спр. 6882. Галаган Г. П. Воспоминания о моем сыне Павле. – 18 арк.

Спр. 6914. Галаган Г. П. Заметки на записку Полтавского дворянства, присланную министром внутренних дел. – 13 арк.

Спр. 6922. Галаган Г. П. Замечаниях и записках о всем, относящимся до крестьян сокиренских и всех прочих экономий вообще, а также и о всем, что относится до простого класса народа. 1846 – нач. 1847. – 46 арк.

Спр. 6926. Галаган Г. П. Об отношении помещика к крестьянам и крестьян к помещику. Письмо другу. – 8 арк.

Спр. 6949. Галаган Г. П. О крепостном состоянии на сегодняшний день и о возможности его уничтожения. – 7 арк.

Спр. 6951. О крестьянских усадьбах. Подано министру вн[утренних] дел в 1858. – 3 арк.

Опубліковані

[Галаган Г. П.] Род Галаганов // 25-летие Коллегии Павла Галагана в Киеве / под ред. А. И. Степовича. – К. : Тип. И. И. Чоколова, 1896. – С. 1–23.

Кочубей А. В. Семейная хроника. – СПб. : Тип. брат. Пантелеевых, 1890. – 315 с.

Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – К.: Тип. товарищества Фронцкевича Г.Л. и К., 1908–1914.

Т. 1: А–Д. – Галаганы: указ: С. 221–225; Гудовичи: указ: С. 352–365; Дараганы: указ: С. 371–394.

Т. 2 : Е – К. – Кочубей: указ: с. 539–543.

Т. 3: – Лизогубы: указ: С. 352–365; Марковичи: указ: С. 388–432; Милорадовичи: указ: С. 513–546;

Т. 4: П–С. – Скоропадские указ: С. 661–677.

[Мищенко Ф.] Г. П. Галаган. Некролог // КС. – 1888. – № 12. – Прил. – С. 1–22.

Левшин А.И. Достопамятные минуты в моей жизни // Русский архив. – 1885. – Вып. 8. – С. 475–557.

ЛІТЕРАТУРА

Абросимова С.В. Епістолярні джерела в їх історичному побутуванні та дослідницькому ареалі // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. – Дніпропетровськ, 2009. – Вип. 3. – С. 57–115

Болебрух А.Г. «Письмецо придет и вестей принесет» // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. – Дніпропетровськ, 2009. – Вип. 3. – С. 50–56.

Гирич І. Б. Українські інтелектуали і політична окремішність (середина ХІХ – початок ХХ ст.). – К. : Український письменник, 2014. – 494 с.

Дмитрієнко М. Войцехівська І., Епістолографія (епістологія) як наука історичного циклу: проблеми і шляхи їх вирішення. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – 1998. – № 2. – С. 23–45.

История в эго-документах: исследования и источники. – Екатеринбург : «Ас-ПУР», 2014. – 368 с.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М. : Просвещение, 1968. – 368 с.

Куций І. Слов'янофільство як ідейно-світоглядне джерело слов'янської цивілізаційної ідентичності українських інтелектуалів ХІХ ст. / І. Куций // Проблеми слов'янознавства. – 2014. – Вип. 63. – С. 37–55.

Литвинова Т.Ф. «Поміщицька правда»: дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці ХVІІІ – у першій половині ХІХ століття (ідеологічний аспект). – Д. : «Ліра», 2011. – 732 с.

Острянюк А. «Джерела особового походження»: семантика поняття // Ейдос; гол. ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. – Вип. 5. – К. : Інститут історії України, 2010/2011. – С. 230–242.

Тимошенко А. Стан переробної промисловості у маєтках Г.П. Галагана (40–60 рр. ХІХ ст.) // Сіверянський літопис. – 2006. – № 1. – С. 52–59.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК ОСІБ, ЗГАДАНИХ У ЛИСТАХ

А

Абаза, Олександр Огійович, 49
 Авдотья Андріївна, 37
 Аксаков, Іван Сергійович, 25, 34, 39, 75
 Аксаков, Костянтин Сергійович, 32
 Аксаков, Сергій Тимофійович, 32
 Аксакови, 79
 Антоній (Амфітеатров), 87
 Арапетов, Іван Павлович, 49

Б

Бажанов, 44
 Баранова, Анна Олексіївна, 44, 51, 88
 Бартенєв, Петро Іванович, 39, 79
 Баршевський, 52
 Бастія, Фредерік, 28
 Бессонов, 56, 72, 78, 81, 92, 93, 96
 Блудов, Дмитро Миколайович, 65
 Бобринський, Олексій Олексійович, 83
 Бодяньський, Осип Максимович, 35
 Борковська (Дунін-Борковська), Катерина Яківна, 32
 Борковський (Дунін-Борковський, Borikovski), Василь Дмитрович, 31, 32, 36, 51, 55, 56, 58, 77, 80, 82
 Борковський (Дунін-Борковський), Яків Дмитрович, 55
 Бороздна, Микола Петрович, 29, 31, 51
 Брок, Петро Федорович, 37, 74
 Бунге, Микола Християнович, 89
 Бурцова, Емілія Василівна («Бурциха»), 51
 Бутурліна, Єлизавета Михайлівна, 46, 75, 80, 83
 Бутурліни, 75

В

Валуєв, Петро Олександрович, 49
 Васильчиков, Віктор Іларіонович, 75, 89
 Васильчиков, Іларіон Іларіонович, 81
 Васильчиков, Петро Олексійович, 24, 25, 29, 51, 63
 Величко, 28
 Вєсьолкін, Михайло Олександрович, 48, 85
 Висоцький, Степан Степанович, 58

Войцеховський, 24, 56, 57, 78, 82, 92, 96
 Волков, Олександр Павлович, 48
 Воронцов, Семен Михайлович, 66
 Вяземський, Петро Андрійович, 50, 74

Г

Гаєвський, Павло Іванович, 50
 Гедеонов, Іван Михайлович, 95
 Гейнер, 91
 Гендрікова, Євдокія Василівна (Ніна), 53, 58,
 Гендрікови, 46, 53
 Гессе, Павло Іванович, 76
 Гільфердінг, Федір Іванович, 43
 Голіцин, Михайло Павлович, 33
 Голіцин, Сергій Павлович, 71, 90
 Голіцина, Олександра Василівна (Аліна), 33, 55
 Головнін, Олександр Васильович, 89
 Горленкова, 29
 Граббе, Павло Христофорович, 48, 93
 Грабовський, 83
 Гудима, Єгор Васильович, 26
 Гудович, Олександра Григорівна, 33
 Гудович, Микола, 29

Ґ

Ґалаган, Катерина Василівна (дружина Г.П. Ґалагана), 24-98
 Ґалаган, Катерина Василівна (мати Г.П. Ґалагана), 31, 32, 34, 38, 39, 40, 42, 47, 50, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 77, 78, 79, 88, 91, 93, 96, 98
 Ґалаган, Павло (Павлусь, Павлусяка, син Г.П. Ґалагана), 24-98
 Ґалаган, Павло Григорович (батько Г.П. Ґалагана), 89
 Ґалаган, Петро Григорович (дядько Г.П. Ґалагана), 89
 Ґалаган, Софія Олександрівна (тітка Г.П. Ґалагана), 27, 40, 52, 59, 63, 66, 73, 81, 88, 94

Д

Дабіжа, Василь Дмитрович, 81
 Данзас, 90

Данило, слуга, 78

Дейкун, Іван (батько Ф.І. Дейкуна-Мочаненка), 56, 72, 78, 96

Дейкун-Мочаненко, Федосій Іванович, 27, 47, 52, 56, 57, 59, 72, 75, 76, 78, 83, 87, 91, 96

Джунковський, Петро Степанович, 64
Долгоруков, Василь Андрійович, 44, 45, 48, 49, 52

Е

Енгельгардт, Софія Григорівна, 49

Є

Єгор, слуга, 26

Єлагін, Василь Олексійович, 39

Єлагіна, Авдотья Петрівна, 39, 79

Ж

Желтоновський, 79

Жемчужников, Лев Михайлович, 72

Журавська (дружина Д.П. Журавського), 65

Журавський, Дмитро Петрович, 65

З

Забіла, Іван Петрович, 28

Заблоцький (Заблоцький-Десятовський), Андрій Парфенович, 49

Закревський, Арсеній Андрійович, 75

І

Іваненко, 51

Ілько, столяр, 26

К

Кавелін, Костянтин Дмитрович, 28, 89, 94

Кіреєвські, 39

Киселевський (Кисилевський), 51, 73

Княжевич, Олександр Максимович, 74

Ковалевський, Євграф Петрович, 72, 74, 89

Кокорєв, Василь Олександрович, 40

Коленко, 26

Комаровська, Марія Павлівна, Marie (сестра Г.П. Галагана), 32, 47, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 80, 88

Комаровський, Єгор Євграфович, 48

Комаровський, Олексій Євграфович, 44

Комаровський, Павло Євграфович, 32, 47, 53, 61, 79, 88

Комаровські, 56

Кононов, 26

Костянтин Миколаевич (В.К.К.Н.), великий князь, 44

Кочубей, Аркадій Васильович, 43, 93

Кочубей, Аркадій (Аркадя, син П.А.

Кочубея), 50

Кочубей, Варвара Олександрівна

(Barbe), 48, 88, 95

Кочубей, Василь Аркадійович, 46

Кочубей, Дем'ян Васильович, 42, 43, 64, 86, 88, 94

Кочубей, Єлизавета Василівна (Lise),

43, 48, 56, 58, 62, 88, 95

Кочубей, Лев Вікторович (Léon, Левусь),

27, 34, 49, 51, 54, 55, 62, 63, 64, 65, 71, 90, 95, 96

Кочубей, Олександр Васильович, 35,

40, 43, 44, 52, 53, 59, 73, 82, 86

Кочубей, Олександр (Саша, син П.А.

Кочубея), 50, 65

Кочубей, Олена Василівна (Hélène), 43, 48, 58, 88, 90

Кочубей, Петро Аркадійович (П'єр, Pierre), 40, 44, 46, 49, 50, 56, 58, 62, 86, 95

Кочубей, Сергій Вікторович, 84

Кочубей, Софія (Соня, дочка П.А. Кочубея), 44, 50

Кошельов, Олександр Іванович, 34, 35, 39, 48, 49, 52, 79, 87

Кошельова, Ольга Федорівна, 43, 79

Крилов, 47

Кузьменко, 26

Куліш, Пантелеймон Олександрович, 35, 54

Л

Ланської, Сергій Степанович, 36, 37, 44, 45, 48, 49, 64, 71

Левассор (Levassor), 52

Левицький, 88

Левшин, Олексій Іраклійович, 56, 64, 71

Лизогуб, Андрій Іванович, 31, 32

Лизогуби, 31

Любовцев, 24, 96

М

Макарова, Настасія Олександрівна, 28

Максим, кучер, 26

Максимович, Марія Василівна, 39, 79

Максимович, Михайло Олександрович, 34, 35, 39, 54, 79

Маркевич, Михайло Андрійович, 25, 32, 41

Маркевич, Олександр Миколаєвич, 24

Марко Вовчок, 54

Маркович, Олександр Михайлович, 34

Маюрова, Олена Василівна (тітка дружини Г.П. Галагана), 58, 73, 82, 87, 88

Мерінг, Федір Федорович, 25, 26, 28, 38, 44, 47, 50, 51, 57, 59, 63, 72, 73, 75, 76, 78, 80, 97

Милорадович, Григорій Іванович, 26
Милорадович, Марія Григорівна (Marie), 25, 27, 29

Милорадович, Олександра Григорівна (Alexandrine), 27, 51, 73, 76

Милорадович, Петро Іванович, 26

Милорадович, Софія Іванівна, 27

Милорадовичі, 80

Мілютин, Микола Олексійович, 49, 64, 71

Мойсей, 75

Муравйов, Михайло Миколайович, 36, 37, 41, 42, 43, 44, 45, 49, 74, 80, 85, 95, 96

Мурфі, Яків Осипович, 86

Муханов, Микола Олексійович, 89

Н

Наполеон III (Naroleon III), 59, 60

Наталка, 46

Нессельроде, 90

Норов, Авраам Сергійович, 44, 45, 50, 72, 74

О

Огарьов, Микола Олександрович, 90

Одоевський, Володимир Федорович, 43

О'Коннор (О'Коппор), Віктор Олександрович, 29

Оконори (О'Коннор), 52

Олександр II (государ), 29, 32, 33, 36,

37, 43, 46, 48, 55, 59, 60, 71, 72, 85

Олександр, слуга, 77

Опочініна, Віра Іванівна, 48

Осип Петрович, 26

П

Пабат, 26

Павлов, Микола Філіпович, 28

Панаєв, Іван Іванович, 89

Панін, Віктор Микитович, 44, 75

Парохонський, 61

Петрункевич, Ілля Якович, 29

Погодін, Михайло Петрович, 79

Подольський, Микола Михайлович, 29

Подруцький, 24, 56, 78, 82, 83, 92

Позен, Михайло Павлович, 62, 64, 65, 71, 72, 89, 95

Покорський-Жоравко, Олександр Іванович, 36, 58

Попов, Олександр Миколайович, 43

Прасковія Григорівна, 92

Р

Разумовська, Марія Григорівна, 53

Ракович, Михайло Олександрович (Мишель), 27, 28, 30

Ракович, Ольга Михайлівна, 30

Ребіндер, Микола Романович, 29, 32,

37, 44, 45, 72, 76, 90, 91, 94, 98

Ребіндери, 47

Родзянко, Платон Гаврилович, 80

Ростовцев, Яків Іванович, 85, 89

С

Савич, 65

Самарін, Юрій Федорович, 39, 44, 81, 88

Свирський, Платон Олексійович, 29

Селецький, Петро Дмитрович, 48

Семен, слуга, 76

Смирнов, Микола Михайлович, 52

Собоцький, 24, 92

Соловійов, Яків Олександрович, 49, 53, 56, 58, 71

Стефанічев, 28

Страдецький, Георгій Іванович, 78, 80

Строганов, Григорій Олександрович, 90

Строганова, Тетяна Дмитрівна (Tatu), 75

Судієнко, Михайло Осипович, 32

Сухозанет, Микола Онуфрійович, 75

Т

Тарновський, Василь Васильович (молодший), 25

Тарновський, Василь Васильович (старший), 25, 29, 80

Тарновський, Василь Петрович, 41

Тарновський, Михайло Васильович, 25, 29, 51

Тарновські, 25, 63
Теплов, Григорій Миколайович, 54
Тітов, Володимир Павлович, 43, 45, 49,
53, 94
Томсон, 26
Троцина, Костянтин Єлисейович, 80, 81
Трубецька, княгиня, 33
Туманський, Володимир Іванович, 58,
80, 81, 82, 95

У

Уваров, Олексій Сергійович, 74

Ф

Філенко, 26
Фітінгоф, Олександр Борисович, 52
Фішер, 26

Х

Халанський, Петро Іванович, 29
Хомяков, Олексій Степанович, 34, 35,
39, 79
Хрущов, Дмитро Петрович, 45, 49

Ч

Чевкін, Костянтин Володимирович, 36
Черкаський, Володимир Олександро-
вич, 88, 90

Чижев, Федір Васильович, 40, 85, 93,
94
Чичерін, Борис Миколайович, 75

Ш

Шабельський, Катон Павлович, 29, 35,
36, 37, 65
Шевченко, Тарас Григорович, 79, 80, 91
Шевирьов, Степан Петрович, 79
Шенінг, 72
Шеншин, Микола Васильович, 47
Шеншина, Євгенія Сергіївна, 48
Шеффер, Олександр Олександрович,
26, 65, 78
Шийко, Семен Андрійович, 52
Шипов, Сергій Павлович, 35
Шипови, 34, 40
Шмигельський, Іван Іванович, 51
Шувалов, граф, 32, 64, 66
Шульгін, Віталій Якович, 89

Щ

Щепкін, Михайло Семенович, 79
Щербатов, Григорій Олексійович, 74

Ю

Юзефович, Михайло Володимирович,
25, 32, 76

**«Я МАЮ НАМІР З МОЇХ ЛИСТІВ ДО ТЕБЕ
ЗРОБИТИ СВІЙ ЖУРНАЛ...»:
ЛИСТИ ГРИГОРІЯ ҐАЛАҐАНА ДО ДРУЖИНИ**

Упорядники:
Марина Будзар, Євген Ковальов

Оформлення Логінов Д.В.
Верстка Петренко С.О.

Підписано до друку 25.07.2017 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура Франклін. умов.друк. арк 7,8
Наклад 500 прим.

Видавництво ФОП Антоненко Л.І. «Streamline»
м.Київ, вул. Героїв Дніпра, 34, оф.306